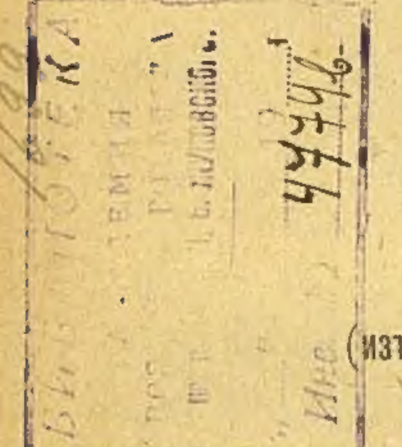
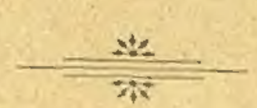
Г. П. ГЕРАСИМОВЪ

НАШИ ОФИЦЕРЫ

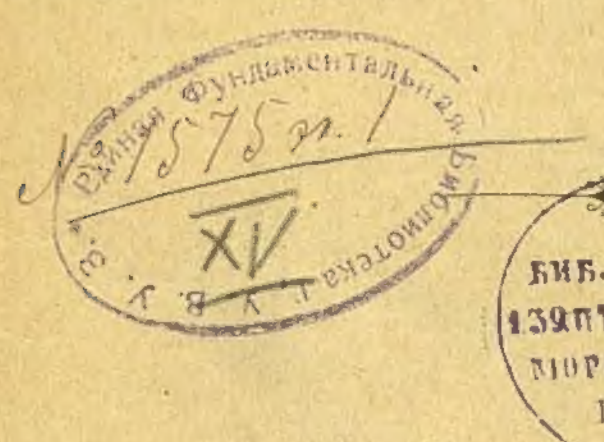
П. Н. Герасимовъ.

НАШИ ОФИЦЕРЫ.

(изъ пережитаго, видѣннаго и слышаннаго).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.
1901.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

На поле брани!

(Нѣсколько главъ неоконченнаго романа).

I.

Въ офицерской, средняго достатка, квартирѣ былъ полнѣйшій переполохъ. Безпорядокъ особенно бросался въ глаза, потому что вся квартира была, что называется, на ладони: гостиная, спальня, въ которой хватало мѣста для кровати, вѣшалки и умывальника, размѣщенныхъ по стѣнѣ въ одну линію, съ полуаршиннымъ проходомъ къ нимъ,—вотъ и все помѣщеніе поручика Виктора Павловича Чупова, если не считать сверхъ того чулана для денщика и передней, въ которой два человѣка, потолкавъ другъ друга, могли еще разойтись, но трое, забравшись въ такую, какъ выражался денщикъ Саженовъ, комнатку, становились невольно взаимно-плѣнными, потому что всякое движеніе одного, болѣзнетворно отзывалось на бокахъ другихъ.

Такъ какъ, за отсутствіемъ хозяина, въ квартирѣ оставался одинъ его денщикъ, то ничто или, вѣрнѣе, никто не мѣшалъ послѣднему съ

особо-дѣловитымъ, важнымъ видомъ, слоняться по комнатамъ совершенно безпрепятственно, оставляя въ сторонѣ постоянныя столкновенія Саженова съ мебелью, дверными косяками и другими неодушевленными предметами, мимо которыхъ онъ проходилъ. Но случавшіяся задѣванія происходили уже не отъ тѣсноты, а вся отвѣтственность за нихъ падала на широкія плечи Саженова и на его, такъ сказать, бочковатость. Саженовъ на ходу «бочилъ», т.-е. непремѣнно безъ всякой надобности выставлялъ то одно, то другое плечо.

Послѣднее обстоятельство было едва ли не единственнымъ основаніемъ къ зачисленію Саженова въ нестроевые, потому что во всемъ прочемъ онъ былъ не хуже другихъ своего призыва и даже на первой же стрѣльбѣ угодилъ одну пулю въ самое яблоко, при чемъ, несмотря на то, что остальныя четыре пули пожалѣли мишень и ея не тронули, Саженовъ, тогда еще совершенно не разставшійся съ деревенскими примѣтами, рѣшилъ, что неизвѣстно куда ушедшія пули такъ полетѣли не иначе, какъ «съ глазу», а единственно попавшей въ яблоко не мало гордился среди однопризывниковъ.

Представлялось загадочнымъ, остался ли доволенъ самъ Саженовъ переводомъ его въ денщики, такъ какъ онъ съ первыхъ же дней по пріемѣ на службу обнаруживалъ наклонности

сдѣлаться заправскимъ строевикомъ, солдатомъ по духу, а не на показъ, что особенно становилось замѣтнымъ во время разсказовъ ему о проявленіи геройства и отваги русскими войсками вообще и о подвигахъ полка въ частности.

При такихъ передачахъ, часто не очень складныхъ, Саженовъ замиралъ. Онъ готовъ былъ ихъ слушать безъ конца и безъ отдыха. Расширивъ глаза, весь въ поту отъ прилива вниманія, боясь какъ нибудь помѣшать, онъ даже задерживалъ дыханіе и обнаруживалъ замѣтно признаки жизни только спустя нѣсколько секундъ послѣ выслушанной исторіи тѣмъ, что, выпустивъ обѣ губы, будто собираясь трубить, громко вздыхалъ и произносилъ: «ухъ! а и важно же!» а затѣмъ начиналъ смотрѣть на разсказчика съ вдругъ повысившимся къ нему уваженіемъ, точно геройство или прослушанные подвиги совершены ни кѣмъ другимъ, а именно разсказчикомъ.

Если вопросъ о довольствѣ и недовольствѣ денщика могъ быть спорнымъ, то поручикъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше благодарилъ судьбу, что Саженовъ попалъ къ нему.

И было чему радоваться Виктору Павловичу, потому что, какъ только вступилъ Саженовъ въ квартиру Чупова, онъ какъ бы пересталъ существовать для себя.

Самый педантичный, самый придирчивый баринъ не встрѣтилъ бы причинъ требовать боль-

шихъ усердія и честности. Саженовъ такъ проникался интересами офицера, что черезъ какіе нибудь два мѣсяца денщичества, первый рѣшительно сталъ барометромъ второго: поручикъ веселъ и доволенъ и на скуластомъ, выдававшемъ этимъ быть можетъ отдаленное, но несомнѣнно татарское происхожденіе, лицѣ Саженова значилось ясно; баринъ почему либо печаленъ, озабоченъ, задумчивъ и не только на физіономіи, а на всей фигурѣ слуги такое состояніе отражалось видомъ пасмурности.

Не взирая, однако, на безупречное усердіе Саженова, Виктору Павловичу, особенно вначалѣ и отчасти благодаря именно этому чрезмѣрному усердію, приходилось довольно часто платиться своимъ карманомъ за старательность слуги.

Очень быстро и хорошо втянулся въ обязанности денщика Саженовъ; одно ему не удавалось: научиться или привыкнуть обращаться съ посудой и хрупкими вещами безъ непремѣннаго боя и поломокъ.

Много скверныхъ минутъ такая несноровистность принесла Саженову, хотя поручикъ къ невольной разрушительной способности неподатливыхъ рукъ своего «Личарды вѣрнаго» относился вполнѣ добродушно, а въ концѣ концовъ, къ своей выгодѣ и къ превеликому удовольствію и облегченію Саженова, строго запретилъ ему трогать—не на глазахъ его, поручика, все сколько

нибудь ломкое, за исключеніемъ самыхъ простыхъ и обыденныхъ предметовъ столоваго и чайнаго приборовъ.

Легко и удобно было не нарушать запрета въ обыкновенное, заурядное время; а какъ удержаться теперь, когда завтра надо уѣзжать въ далекій, далекій путь; между тѣмъ вещи не только не уложены, а прямо-таки разбросаны. Ворохъ платья, бѣлья и другихъ принадлежностей офицерскаго обихода, сваленныхъ на коврѣ по серединѣ гостиной, положительно мучилъ Саженова; онъ начиналъ смотрѣть на эту безпорядочную кучу со смѣшаннымъ чувствомъ затаеннаго страха и ненависти; но она его влекла къ себѣ неудержимо, порождая въ рукахъ зудъ усердія, а въ душѣ—желаніе облегчить барина, сдѣлать ему неожиданно пріятное: «что вотъ, дескать, удалось благополучно все и безъ его благородія собрать».

И въ нерѣшительности, Саженовъ снова выходилъ въ гостиную изъ своей каморки, въ которой спасался отъ искушенія, наклонялся надъ той или другой вещью, сокрушенно вздыхалъ и бормоталъ себѣ подъ носъ: «Ишь ты, сколько ихъ тутъ! Убраться? Невозможное дѣло это! Али, вовсе почивать не будутъ? Такъ такъ, тоже неладно!»

Далѣе бормотанье переходило въ совершенно неслышный шопотъ, и развѣ только самый чут-

кій и догадливый человѣкъ могъ бы сообразить, что еле произносимыя, заключительныя слова денщика выражали порывъ: не рискнуть ли уборкой самостоятельно? но боязнь опять что нибудь разрушить, покоряла порывъ и заставляла Саженова снова уходить отъ соблазна въ свое помѣщеніе. Еще больше волновалъ Саженова раскрытый, на половину-уложенный чемоданъ. Къ чемодану Саженовъ тоже не разъ уже присаживался на корточкахъ, при чемъ его неотступно преслѣдовала одна и та же мысль: «онъ мягкій», еле дотрагиваясь до стѣнокъ чемодана, думалъ Саженовъ, «утрось, какъ мы съ бариномъ укладали, все въ ладъ шло».

Однако, онъ тѣмъ не менѣе, не рисковалъ долго начать укладку единолично, хотя утренняя удачная проба при баринѣ придавала относительно чемодана извѣстную увѣренность въ благополучномъ исходѣ дѣла, такъ что здѣсь сдерживался Саженовъ не столько страхомъ порчи, сколько хорошо имъ памятуемымъ запретомъ. Но наконецъ, сознаніе исключительности положенія подтолкнуло энергію Саженова; онъ рѣшительно махнулъ рукой, схватилъ нѣсколько штукъ бѣлья, подбадривая себя правильной догадкой: «что бѣлье-де не сломается», и быстро опустился съ нимъ на колѣни передъ чемоданомъ, съ непремѣннымъ желаніемъ уложить туда бѣлье поаккуратнѣе, для чего, держа его крѣпко въ одной

рукѣ, другой началъ уравнивать верхи уже уложеннаго; но рука старательнаго слуги еще не успѣла дойти до середины поправляемой поверхности, какъ уже что-то внутри чемодана треснуло.

Раздавшійся трескъ подѣйствовалъ на денщика, какъ ударъ бича въ опытныхъ рукахъ берейтора на горячую лошадь. Саженовъ быстро выпрямился, не выпуская бѣлья изъ какъ-то въ сторону вытянувшейся совершенно руки, и проговоривъ: «ишь ты, какая она нѣжная!»—фраза, неизмѣнно повторявшаяся имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ «нѣжной» зачастую оставались одни осколки,—круто повернулся отъ чемодана и пошелъ въ свою коморку, откуда уже болѣе не покушался выходить на уборку, а всецѣло погрузился въ размышленія: что щелкнуло тамъ что-то, такъ только или вышла какая дѣйствительная порча? и что безпремѣнно барину сегодня не спать, потому рано они сегодня вернуться никакъ не могутъ.

II.

Рѣзкій, хорошо знакомый Саженову звонокъ, нарушилъ денщичьи думы, удостовѣривъ собою, что во второй ихъ половинѣ онъ ошибся.

Такая ошибка заставила барометръ сразу показать «ясно!» «еще бы, значитъ все уберется, а поручикъ успѣетъ выспаться». И довольный, съ

облегченнымъ сердцемъ, Саженовъ кинулся отворять двери; но мимолетный взглядъ денщика на вошедшаго офицера, заставилъ настроеніе перваго быстро понизиться на «пасмурно».

Неособенно красивое, но молодое, свѣжее и выразительное лицо Виктора Павловича выглядывало нѣсколько усталымъ и грустнымъ. Больше всего это отражалось въ сѣрыхъ, умныхъ глазахъ, главнымъ образомъ и красившихъ простую, чисто сѣверно-русскаго типа, физіономію ея обладателя, гибкая, стройная фигура котораго тоже оставляла пріятное впечатлѣніе, а легкая, эластичная походка, которой Чуповъ прошелъ къ себѣ въ спальню, говорила въ пользу его ловкости и извѣстной силы.

Когда Чупову подавалъ Саженовъ тужурку, Викторъ Павловичъ думая, повидимому, совершенно о другомъ, разсѣянно спросилъ:

— Выполнены ли всѣ распоряженія, касавшіяся покупокъ и приноса вещей изъ магазина?

— Такъ точно, ваше благородіе! отвѣтилъ Саженовъ и тотчасъ же, понуривъ немного голову и для чего-то перебирая канты пальцами опущенныхъ по швамъ рукъ, со смущеніемъ отрапортовалъ.—«А только, ваше благородіе, въ чемоданѣ, какъ я его тронулъ, что-то «защелкнуло!»—и опустилъ голову, въ ожиданіи замѣчанія.

Но къ удивленію Саженова, не только такого

не послѣдовало, а даже весьма естественнаго вопроса: что именно «щелкалонуло» и «по какой причинѣ?» - не было сдѣлано.

Казалось, Чуповъ совсѣмъ не понялъ Саженова, отвѣтивъ ему: «Ага, ну хорошо! иди! Саженовъ, однако, не уходилъ, а началъ переминаться съ ноги на ногу, приготовляясь напомнить, что хлопотъ еще много и что ничего почти, какъ слѣдуетъ, не собрано.

Но ему не удалось выполнить свое намѣреніе, потому что, Чуповъ, замѣтивъ переступанія денщика, рѣзко, съ непривычной для слуха Саженова ноткой раздраженія, проговорилъ:

— Ну, чего еще ты? говорятъ тебѣ—иди!

Какъ только огорошѣлый Саженовъ скрылся за дверью спальни, Викторъ Павловичъ повернулъ въ двери ключъ, отошелъ къ кровати, сѣлъ на нее, вынулъ папиросу, закурилъ ее и легъ на спину такъ, какъ былъ, въ платьѣ, не сбросивъ даже сапоговъ. Сдѣлавъ нѣсколько сильныхъ затяжекъ, онъ швырнулъ едва начатую папиросу, не обращая вниманія, куда она попала, и что огонь могъ зажечь коверъ или другую рухлядь, закинувъ обѣ руки за затылокъ, скрестивъ предварительно пальцы въ пальцы и, казалось, задремалъ; но такъ можно было предположить лишь по полузакрытымъ глазамъ, въ дѣйствительности же сонъ былъ далекъ отъ Чупова.

Думы, одна другой тяжелѣе и досадливѣе,

шли чередомъ, смѣняя другъ друга и не оставляя между собой ни одного свѣтлаго промежутка. Ихъ работа не осталась безъ слѣда и на выраженіи лица съ крѣпко сжатыми губами и уже совсѣмъ закрытыми глазами. Это лицо теперь поражало своимъ страдальческимъ видомъ.

Вдругъ Чуповъ порывисто всталъ съ кровати, быстро схватилъ сюртукъ, вынулъ изъ боковою кармана бумажникъ, изъ котораго досталъ конвертъ изъ толстой, блестящей бумаги,—въ немъ хранился другой, изящный, тонкій конвертикъ, слегка дрожащими отъ волненія руками Чуповъ осторожно открылъ конвертикъ, въ которомъ лежали завернутыя въ тоненькій листикъ фотографическая карточка и письмо.

Точно трусливый воръ, боящійся быть накрытымъ съ поличнымъ, Викторъ Павловичъ подошелъ къ двери спальни, слегка нагнувшись, послушалъ около ея, послѣ оглянулся для чего-то на единственное въ комнатѣ окно, хотя спущенная, густая занавѣсъ ничего черезъ себя не пропускала, и тогда только подошелъ къ свѣчѣ и впился глазами въ фотографію.

«Милая, дорогая! жизнь моя...» порой невольно, совсѣмъ тихо срывался нѣжный, скорбный не то стонъ, не то шопотъ съ его полуоткрытыхъ, слегка воспаленныхъ устъ. Опять оглянувшись на дверь и окно, Чуповъ мягко беззвучно, прикоснулся губами къ карточкѣ и развернулъ письмо. Хотя каждая

буква, малѣйшая запятая въ немъ были давно изучены наизусть, но Викторъ Павловичъ все-жъ-таки полушопотомъ, медленно, какъ бы стараясь насколько можно долѣе продлить удовольствіе, съ оживленнымъ восторгомъ лицомъ читалъ красиво, изящно написанныя строки: «Я не должна и не имѣю права ничего вамъ писать, ничего высказывать и все же не могу затаить и тороплюсь передать, что глубоко вѣрю вашей честности и отъ души сочувствую всѣмъ вашимъ взглядамъ. Рискую прибавить: да хранитъ васъ Господь всегда и во всемъ...

Зоя Каменцева».

Глубокимъ вздохомъ закончилось чтеніе. Чуповъ также аккуратно уложилъ карточку и письмо и началъ, не торопясь ходить по узкому, точно коридоръ, пространству; но потомъ незамѣтно для самого себя подъ давленіемъ разгоравшихся воспоминаній, онъ больше и больше взвинчивался и точно въ тактъ разраставшемуся волненію зашагалъ все быстрѣе и быстрѣе и быстрѣе отъ окна къ противоположной стѣнѣ.

И думалось ему: быть можетъ никогда ея уже не увижу! Могутъ убить! ну что-же? пусть! и *тамъ* не будетъ вѣроятно тяжелѣе теперешнихъ мукъ! Сегодня, на проводахъ, когда обѣдали, мнѣ завидовали; считали чуть не подвигомъ настойчивость, съ которой я добивался прикомандиро-

ванія къ дѣйствующей арміи. Ну вотъ добился! Легче мнѣ? Нѣтъ! нѣтъ! та же пытка: завтра ѣду и не видѣть ее никогда—никогда. Господи! какъ тяжело! Какой я герой? Развѣ геройство бѣжать отъ страданій? не имѣть силы справиться ни съ ними, ни съ собой. Я привязанъ къ полку; онъ дорогъ мнѣ и разъ пошелъ бы полкъ, я съ радостью отправился бы съ нимъ. А теперь выдѣляться! точно другіе не хотятъ идти; всѣ хотятъ и по побужденіямъ неличнымъ, какъ я; однако остаются. Могутъ думать, что меня толкаетъ жажда отличій, не въ примѣръ другимъ, или особое сочувствіе болгарамъ. А вѣдь ни то, ни другое! Я не боюсь смерти, не буду отъ нея прятаться и все же я трусъ, потому что бѣгу и бѣгу, какъ трусъ. А могъ бы и я быть счастливъ! Все портятъ эти проклятыя деньги. И зачѣмъ она такъ добра, такъ дивно хороша и такъ богата? Не будь послѣдняго, все было бы поправимо. Она вѣритъ мнѣ, она святая! да, да, вѣритъ: не побоялась же подписать записку полнымъ своимъ именемъ; она понимаетъ, она чувствуетъ, что не ихъ состояніе манило меня къ нимъ и не она же мнѣ отказала. А и старики Каменцевы,—и отецъ и мать! Какъ оба просили продолжать бывать запросто, а сегодня у нихъ послѣдній журъ-фиксъ и наконецъ поводъ,—завтра уѣзжаю—заѣхалъ на нѣсколько минутъ... второпяхъ... желая непремѣнно проститься.

При послѣднемъ соображеніи Чуповъ вдругъ остановился: щеки горѣли отъ прилившей сразу крови; сердце какъ-то сжалось, будто прекратило свою работу.

Образъ Зои, носившійся передъ глазами въ какомъ-то бѣломъ, совсѣмъ прозрачномъ облакѣ— онъ же видѣлъ ее въ послѣдній разъ въ легкомъ, бѣломъ, почти воздушномъ платьѣ,—застилалъ все остальное.

Страстное, могучее, крутой волной хлынувшее желаніе видѣть во чтобы-то ни стало ту, которая какъ живая, какъ дѣйствительность, а не мечта, неотразимо витала передъ Чуповымъ,— толкнуло его къ двери, чтобы открыть ее и крикнуть Саженову давать одѣваться.

Звать денщика впрочемъ не пришлось, потому что лишь коснулся дверной ручки Викторъ Павловичъ, какъ извнѣ раздалось покашливаніе, быстро перешедшее въ осторожный, сдержанный окрикъ: «Ваше благородіе! Ваше благородіе!»

Въ то время, когда офицеръ мучился и терзался воспоминаніями, соблазномъ возможности послѣдняго свиданія, слуга изводился за барина въ своей коморкѣ по болѣе прозаическимъ причинамъ: - вотъ, разсуждалъ Саженовъ,—какой такой толкъ, что обернулись не поздно, не спятъ, такъ ходятъ, а про уборку будто бы и позабыли вовсе», и денщикъ рѣшился, преодолѣвъ страхъ

передъ могущимъ послѣдовать нагоняемъ, постучаться въ спальню.

Отворяя дверь, Чуповъ задѣлъ недавно принесенную и повѣшанную на стѣнѣ боевую, отточенную саблю. Рѣзко заблестѣвшія стальныя ножны, на которыхъ, при покачиваніи, заигралъ огонь отъ свѣчей, и тихо, но съ увѣренностью въ своей правотѣ, сдѣланное Саженовымъ заявленіе, — «что безъ уборки чемодана никакъ невозможно!» — вернули Чупова къ дѣйствительности.

— Хорошо! сейчасъ приду!—дѣловито и твердо отвѣтилъ онъ обрадовавшемуся Саженову.

— Нѣтъ, не поѣду; переломлю себя! Сдерживался же болѣе мѣсяца, а теперь и осталось-то всего нѣсколько часовъ. Завтра хоть и захочу, но будетъ уже немыслимо!—рѣшилъ Чуповъ, и, точно желая закрѣпить свое рѣшеніе вслухъ, проговорилъ: «Да я и права не имѣю - - я далъ клятву и себѣ, и матушкѣ» (единственно кому онъ въ послѣднюю поѣздку къ своимъ старикамъ повѣдалъ сжигавшее его чувство)—не переступать больше никогда порога дома Каменцевыхъ!

А изъ рамокъ портрета, неважной живописи, выглядывало добродушное лицо совсѣмъ сѣдой старушки, казалось, улыбавшейся и поощрявшей «своего Витю» не ѣхать «къ гордячкѣ-богачкѣ», какой почему-то, вопреки восторженнымъ отзывамъ сына, Чуповой представлялась Зоя.

III.

Съ приходомъ Виктора Павловича въ гостиную, сборы быстро двинулись впередъ: непрерывностью и спѣшностью работы онъ какъ бы старался поскорѣе и навсегда отрѣзать путь отступленія и заставить волновавшимъ его думамъ дать другое направленіе.

Черезъ два часа неустанной возни все было собрано, упаковано, связано.

— Ну, доволенъ ты? видишь: убрались, а ты все боялся, что не поспѣемъ! обратился къ Саженову Чуновъ.

— Такъ-точно! теперь спокойственно,—осклабился тотъ, вдвойнѣ довольный и окончаніемъ укладки и возможностью двигаться въ квартирѣ безъ опасенія «зацепить что нибудь такое нѣжное», и кинулся въ спальню готовить постель.

Если на Саженова видъ собранныхъ вещей дѣйствовалъ успокоительно, то на Виктора Павловича эти всѣ тюки, связки угнетали, обостряли горечь мысли о необходимости разлуки такъ—не простясь. Вдругъ холодный потъ нѣсколькими крупными каплями выступилъ у него на лицѣ, сердце какъ-то заледенѣло и заныло особой, новой тоской; а по всему тѣлу неожиданно прошла такая слабость, что Чуновъ, чтобъ не упасть, долженъ былъ, удержавшись за столъ, сѣсть на диванъ.

— Не можетъ этого быть! не можетъ этого быть! —шепталъ Викторъ Павловичъ и крѣпче и крѣпче сжималъ голову, точно желая выдавить оттуда случайно запавшую мысль: что, вернувшись съ войны, онъ вѣроятно найдетъ Зою уже замужемъ. А въ разгоряченномъ мозгу, какъ въ горящей смолѣ, ожигая брызгами Чупова, кипѣлъ и отвѣтъ: «почему не можетъ? вѣрнѣе всего такъ и будетъ!»

Удивленно вытаращилъ глаза на барина Саженовъ, собиравшійся доложить ему: что постель готова, заставъ Чупова въ такой скорбной позѣ; но удивленіе слуги дошло до апогея, когда Викторъ Павловичъ, стремительно сорвавшись съ дивана, мертвенно блѣдный —съ невыразимой грустью на лицѣ, самъ схватилъ и быстро надѣлъ снятый при работѣ сюртукъ и почти простонавъ: «гдѣ-же тутъ заснуть»? крикнулъ: «давай шинель! живо»! —

Оторопѣвшій денщикъ подалъ платье и по-привычкѣ хотѣлъ было спросить распоряженій на утро, но и время ухода и необычайный видъ барина, точно зашили Саженову ротъ и онъ, отворивъ дверь и пропустивъ молча Виктора Павловича, оставался у незапертой имъ двери съ расширенными руками, съ раздвинутыми ногами и какъ-то вытянувшейся впередъ шеей, будто онъ внимательно прислушивался къ шагамъ уходящаго, хотя Чуповъ уже давно успѣлъ сбѣжать съ

лѣстницы, а нижняя наружная дверь, громко и раскатисто хлопнувшая, удостовѣрила, что офицеръ уже на улицѣ.

Быстро зашагалъ Чуповъ по улицѣ. Онъ незамѣчалъ, куда идетъ. Рѣзкій, холодный, сильно дувшій вѣтеръ не охлаждалъ его, ему было душно, точно воздуха не хватало; будто внутри прямо отъ сердца къ горлу шли непрерывныя кольца и то сильнѣе, то слабѣе давили его. Чуповъ шелъ, недавая дороги рѣдко за позднимъ временемъ попадавшимся на встрѣчу прохожимъ, часто нечаянно толкалъ ихъ и совсѣмъ не слыхалъ пускавшіяся иногда по его адресу, не особенно доброжелательныя замѣчанія.

На одномъ поворотѣ Викторъ Павловичъ чуть не сшибъ съ ногъ какого-то пьяненькаго забулдыгу, въ упоръ наскочивъ на него.

— А и баринъ! ай—да баринъ; вотъ такъ баринъ!—громко зарычалъ пьяный.

Чуповъ машинально извинился, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и оглянувшись: куда онъ забрался? пошелъ дальше, провожаемый вдогонку возгласами пьянаго, остановившагося у фонаря, охватившаго столбикъ обѣими руками и кричавшаго коснѣющимъ языкомъ все одно и тоже: «ай баринъ, ну и баринъ? вотъ такъ баринъ».

Вдали завиднѣлась темно-сѣрая масса уже свободныхъ отъ снѣжнаго налета, но еще оголенныхъ деревьевъ Лѣтняго сада. Виктора потянуло

къ нему. Это мѣсто памятно для него—сколько разъ онъ встрѣчался здѣсь съ Зоей на прогулкахъ и говорилось на нихъ душевнѣе, свободнѣе, искреннѣе, чѣмъ на душныхъ балахъ и показныхъ вечерахъ. Какъ бы хотѣлось ему посидѣть теперь въ этомъ саду, походить по тѣмъ аллеямъ, по которымъ онъ гулялъ съ ней; но садъ былъ запертъ, угрюмъ, безмолвенъ и только не то свистъ, не то жалобный вой отъ вѣтра проносился по верхушкамъ столѣтнихъ липъ.

Чуповъ съ набережной, повернулъ по берегу Лебяжьей канавки, не смущаясь неудобствомъ пути, иногда останавливался, мысленно прощаясь съ тѣми минутами, когда на сердцѣ еще не было смуты и его согрѣвала тихая радость и предвкушеніе возможнаго счастья...

Вотъ и рѣшетка, подлѣ которой такъ часто приходилось останавливаться, чтобы проститься и неменѣе часто съ восторгомъ выслушивать предложеніе проводить: если есть время и не совсѣмъ не подорогѣ? И всегда было время и всегда было подорогѣ.

Эти воспоминанія размягчили, нѣсколько успокаивали Чупова и онъ теперь уже задумчиво и медленно шелъ по хорошо знакомому пути. Почти совсѣмъ спрятавъ въ шинель лицо, онъ остановился на Моховой противъ дома, средній этажъ котораго былъ ярко освѣщенъ.

На улицѣ было тихо; было время, когда улич-

ное движеніе точно замираетъ, передъ порой разъѣздовъ по домамъ.

Громкій храпъ, сидѣвшаго у воротъ уткнувшись въ безобразный тулупъ, дежурнаго дворника убѣдилъ Чупова, что и этотъ единственный свидѣтель ему не будетъ помѣхой.

Чуповъ, зная наизусть расположеніе квартиры Каменцовыхъ, жадно впился глазами въ окна залы, въ разсчетѣ, что черезъ нихъ скорѣе всего можно высмотрѣть, какъ будетъ мелькать головка танцующей Зои.

Много знакомыхъ и незнакомыхъ силуэтовъ пробѣжало передъ глазами застывшаго въ напряженномъ вниманіи Чупова; а той, ради которой онъ холодѣлъ на вѣтру, нѣтъ и нѣтъ!

— И тутъ неудача,—уныло и тихо прошепталъ Викторъ Павловичъ и, невольно глубоко и громко вздохнувъ, безсознательно сталъ круче запахивать шинель.

Тулупъ зашевелился, зѣвнулъ на всю улицу, сонными глазами оглядѣлъ стоявшаго невдалекѣ офицера и, не разобравшись съ просонокъ, важно проговорилъ:

— Поштенный! ты чаго же здѣсь околачиваешься? а? проходи! проходи! Сдѣлай милость, не задерживайся! — но всмотрѣвшись получше и убѣдившись, что стоявшій по костюму не можетъ принадлежать къ людямъ подозрительнымъ, съ видомъ поклона пошевелилъ шапкой и, невозму-

тимо пробормотавъ — извините, господинъ! — нахлобучилъ ее и снова погрузился въ прерванное занятіе еще съ большимъ усердіемъ, такъ какъ теперь къ храпу прибавилось и высвистываніе.

Это на секунду помѣшавшее наблюденію пробужденіе тулупа заставило Чупова подумать: «что не пора ли уходить? Видно не судьба повидать ее даже тайкомъ, издали, и если, проснувшись, дворникъ опять увидитъ меня, вѣдь онъ можетъ, Богъ знаетъ, что предположить?» И онъ, бросивъ на окна какой-то молящій взглядъ, тронулся въ путь.

Не сдѣлавъ и сотни шаговъ, Чуповъ остановился: его тянуло къ мѣсту прежней остановки, какъ въ заколдованный кругъ.

«Что же! вѣдь это въ послѣдній разъ», подумалъ онъ и вернулся назадъ.

Наконецъ-то! Чуповъ чуть не вскрикнулъ; сердце забилось часто, часто, а самъ онъ, рѣшительно позабывъ вся и все, какъ бы моментально загипнотизированный, всей своей фигурой подался впередъ, да такъ и застылъ.

Освѣщенная свѣтомъ простѣночныхъ канделябръ въ окнѣ ясно виднѣлась хорошенькая головка молодой дѣвушки. Сверкающіе бриліанты въ ушахъ, такая же какъ бы случайно упавшая около плеча брошь и нитка жемчуга на шеѣ, будучи сами по себѣ очень эфектны и красивы, все-жъ таки служили только слабымъ дополне-

ніемъ для украшенія головки, покрытой цѣлой волной чудно-красивыхъ золотистыхъ волосъ, падавшихъ на свѣтлое платье и образовавшихъ съ его верхомъ точно рамку, изъ которой выглядывало блѣдное, прелестное лицо.

Возлѣ этого лица, будто для контраста, наклонилась измозженная, не въ мѣру износившаяся физіономія, непремѣнная принадлежность и великосвѣтскихъ вечеровъ и дорогихъ кабаковъ, въ безукоризненномъ фракѣ, при наудивленье выглаженной сорочкѣ.

Фракъ былъ оживленъ, часто смѣялся и жестикулировалъ, въ противоположность головкѣ, задумчивой, спокойной, и, казалось, совершенно не обращавшей вниманія на безъ умолку болтавшую физіономію. Потомъ, какъ бы въ силу неизвѣстнаго еще сродства душъ, она, немного отстранивъ крошечной рукой край занавѣси, стала смотрѣть въ окно, почти касаясь лицомъ зеркальнаго стекла. Послѣ нѣсколькихъ секундъ сосредоточенной задумчивости, пытливаго разсматриванія улицы, она, не подымая головы, провела рукой по лбу и тихо отошла.

Чупову—въ экзальтаціи даже показалось, что онъ слышалъ ея вздохъ. Весь трясущійся, совсѣмъ продрогшій онъ не жалѣлъ, что забрался на Моховую; изъ подъ шинели перекрестивъ окно, гдѣ увидалъ онъ ее на прощанье, Викторъ Павловичъ пошелъ домой болѣе бодрымъ, болѣе спокойнымъ, чѣмъ выходилъ изъ дому.

IV.

Послѣ холодной съ рѣзкимъ вѣтромъ ночи насталъ чудный, ясный день; одинъ изъ тѣхъ удивительныхъ дней, которыми иногда нѣтъ-нѣтъ да и щегольнетъ Петербургъ, «на перекоръ стихіямъ» и вопреки всѣмъ предсказаньямъ всѣхъ календарей.

Саженовъ совершенно довольный, совсѣмъ счастливый, уже давно возился въ багажной кассѣ Николаевской желѣзной дороги, съ вещами своего еще непріѣхавшаго барина. Да и какъ ему было не радоваться? когда онъ, всего на всего, только три раза что-то чужое зацѣпилъ не то локтями, не то колѣнями: развѣ въ такой суматохѣ разберешь?—а выругали его, по крайней мѣрѣ вслухъ, только разъ; и главное, онъ убѣдился, что все съ багажомъ поручика ладится и устроится по хорошему.

Увидавъ входящаго въ залу Виктора Павловича, онъ, сіяющій, кинулся навстрѣчу и торжественно отрапортовалъ:

— Ваше Высокоблагородіе! и все я сдалъ и все, какъ есть т.-е. до остатняго. Можно ѣхать теперь! ваше высродіе!—проглатывая отъ усердія и торопливости не только буквы, а и цѣлыя слога.

— Ну, спасибо!—разсѣянно отвѣтилъ Чуповъ, беря отъ денщика протянутые послѣднимъ билетъ 2-го класса и багажную квитанцію.

Чуповъ былъ тоже до извѣстной степени доволенъ: онъ нарочно уѣзжалъ въ день, когда полкъ занималъ караулъ; всѣ его пріятели были въ нарядѣ; такъ что онъ избавлялся отъ дорожныхъ проводовъ, а при нихъ не обошлось бы безъ панегириковъ и привѣтствій имъ, по его мнѣнію, незаслуженныхъ и которыхъ онъ такъ стѣснялся. Онъ даже не сказалъ поѣзда, на которомъ поѣдетъ, такъ что послѣднее прощаніе, невѣдомое той, съ которой прощались, принадлежало все-жъ пока ей.

Впрочемъ, о часѣ отъѣзда Виктора Павловича зналъ измозженный фракъ. Но это что за проводы? что за прощанье? Фракъ обѣщалъ привезти на вокзалъ оставшуюся за нимъ половину денегъ, слѣдуемыхъ съ него за пріобрѣтенную отъ Чупова обстановку.

Второй звонокъ. Суетня на платформѣ не замерла, но перестела быть быстрой и шумливой: непровожаемые пассажиры успѣли уже устроиться по своимъ мѣстамъ; а тѣ, которые оставляли на дебаркадерѣ родное и завѣтное, или усиленно и часто кивали изъ оконъ вагоновъ, или спѣшно, не шумно, иногда со слезой на глазахъ, обнимали и цѣловали остававшихся.

Чуповъ тоже стоялъ у окна; мелькомъ ему припомнилось, что ему должны привезти деньги, но онъ какъ быстро объ этомъ вспомнилъ, также быстро и позабылъ; а фракъ благоразумно рѣ-

нилъ его не безпокоить и, помня о долгѣ, позабылъ пріѣхать на вокзалъ.

Задумчиво стоявшій Викторъ Павловичъ вдругъ встрепенулся и началъ быстро, быстро протирать первио выхваченнымъ носовымъ платкомъ окно, хотя стекло было и такъ чисто; затѣмъ на Чупова напалъ родъ столбняка: онъ наивно, почти глупо, съ разинутымъ невольно ртомъ, напряженно всматривался въ стоявшую на платформѣ, немного наискось отъ его вагона, одиноко, въ сторонѣ отъ всѣхъ стройную женскую фигуру, лицо которой нельзя было разсмотрѣть:—такъ хорошо оно было закрыто густымъ, чернымъ вуалемъ... и все же Виктору казалось, что глаза совершенно спрятаннаго за тканью лица устремлены пристально и неподвижно именно на его окно. Потомъ, въ какомъ-то неожиданно охватившемъ его, еще смутномъ восторгѣ, онъ бросился было изъ вагона, сгораемый жаждой удостовѣриться, что онъ не ошибся, но тотчасъ же раздавшійся третій звонокъ удержалъ его на мѣстѣ напомнивъ, что уже поздно и не поспѣть; а боязнь потерять хоть моментъ заставила его буквально прильнуть къ стеклу.

«Открыть окно! и скорѣе, скорѣй» ураганомъ пронеслось въ головѣ. Съ огромной, вдругъ проявившейся отъ порыва, силой онъ дергаетъ ремень: разъ—ничего, рама не поддается; второй разъ,—ремень срывается и остается въ рукѣ Чу-

нова, возбудивъ этимъ чье-то сдержанное хихиканье въ углу вагона, а рама остается въ старомъ положеніи. Чуповъ даже не соображалъ, что за первой, должна быть вторая, вагоны были еще зимніе. Раздается оберъ-кондукторскій свистокъ; ему какимъ-то своеобразнымъ и жалобнымъ эхомъ отвѣчаетъ паровозъ и поѣздъ медленно начинаетъ трогаться...

И въ это время такъ таинственно закрытая дѣвушка, безвучно пролепетавъ: «могутъ убить, дорогой, прощай»! -въ приливѣ раньше невѣданной тоски, забывъ всѣхъ и все, кромѣ его, энергичнымъ, порывистымъ движеніемъ отдергиваетъ вуаль, обнаруживъ мертво-блѣдное, съ выраженіемъ молящейся праведницы лицо, торопливо трепещущей рукой достаетъ изъ-подъ ротонды розу, подноситъ ее къ губамъ и креститъ все быстрѣе двигающійся вагонъ. Викторъ все видѣлъ, все понялъ и былъ близокъ къ обмороку отъ сразу, широкой волной хлынувшихъ на него чувства радости и чувства щемящей скорби въ сознаніи, что возврата нѣтъ и каждое мгновеніе уноситъ его дальше и дальше отъ той, подлѣ которой было бы счастьемъ даже вѣчно томиться и страдать.

Онъ отошелъ отъ окна лишь тогда, когда не только вокзала, а и Петербурга не стало совершенно видно.

Онъ сѣлъ, передумывая только то, что прямо

или косвенно касалось Зои, но непремѣнно только Зои. «Зоя»! ты святая! думалъ онъ,—и роза навѣрно та, которую я ей проигралъ въ шутливомъ пари послѣдній разъ; и отъ кого могла она узнать о часѣ моего отъѣзда? Конечно, единственно отъ Хилина», догадался онъ съ прозорливостью истинно-любящаго человѣка,—«ну, да, только отъ Хилина, этого искателя приданаго, вѣстовщика всѣхъ новостей!» И измозженный фракъ, на котораго онъ еще вчера съ панели Моховой смотрѣлъ совсѣмъ не дружелюбно, теперь представлялся ему ангеломъ всѣхъ добродѣтелей, вмѣстѣ взятыхъ.

«Нѣтъ не уступлю я тебя никому!—продолжалъ мечтать Чуповъ.—А война? а смерть?—вдругъ вспомнилъ онъ. И Викторъ Павловичъ, никогда и нигдѣ не слывшій за трусливаго,—помимо воли, внѣ сознанія желалъ мира, мира и мира! Задумавшись, позабывшись, гдѣ онъ и куда ѣдетъ,—онъ вздрогнулъ даже, когда кондукторъ попросилъ у него, для контроля билетъ.

Ему казалось какъ бы святотатствомъ смотрѣть на кого либо послѣ того, что онъ только что глядѣлъ на Зою, да и нехотѣлось никого ни видѣть, ни слышать и онъ попросилъ отдѣльное купэ.

Несмотря на одиночество, на почти безсонную, послѣднюю ночь, физическую усталость и на скучное, монотонное выстукиваніе колесъ, онъ заснулъ, уже миновавъ Клинъ.

Крѣпокъ и полонъ радостныхъ видѣній былъ зато сонъ Чупова, точно Викторъ спалъ по внушенію доброжелательнаго ему лица. Вотъ онъ видитъ у себя на груди бѣлый, завѣтный крестикъ; ясно видитъ даже трогаетъ, поправляетъ его; дальше онъ ведетъ цѣлый отрядъ въ бой: всѣ кричатъ «ура», и неудержимымъ потокомъ несутся впередъ; врагъ разбитъ и бѣжитъ: а на очистившемся лугу медленно, вся въ бѣломъ, какъ сказочная фея, появляется Зоя и рвется къ нему, Виктору; но между ними вырастаютъ ея мать и отецъ и начинаютъ отталкивать его. Онъ задыхается, ему больно, душно; но онъ боится ихъ тронуть; потомъ его мучители сами отходятъ въ сторону и исчезаютъ; а Зоя, въ подвѣнечномъ платьѣ, счастливая, улыбающаяся, лучезарная, смѣло подходитъ къ нему, склоняетъ свою головку ему на плечо. Ея поднявшаяся фата схватываетъ ихъ обоихъ; они отдѣляются отъ земли и легко несутся куда-то въ высь, подгоняемые попутнымъ, пріятно освѣжающимъ вѣтеркомъ...

Поѣздъ стали усиленно тормозить; откатъ назадъ—и онъ окончательно остановился; захлопали двери; въ отворенное купэ врывался свѣжій, наружный воздухъ, а передъ Чуповымъ стоялъ кондукторъ, осторожно его потрогивая и докладывая о пріѣздѣ въ Москву...

Первое извѣстіе.

V.

Петербургъ переживалъ исключительные дни. У всѣхъ нервы походили на натянутыя, звучащія струны, хотя не у каждаго въ равной степени, но тѣмъ не менѣе сливавшіяся въ дружномъ, согласномъ аккордѣ.

Объявленіе войны всполошило самыхъ невозмутимыхъ, самыхъ спокойныхъ людей, пройдя одновременно, какъ могучій электрическій токъ, черезъ всю интеллигенцію, а потомъ, отразившись, пронизало не съ меньшей силой и простой классъ.

Благодаря извѣстіямъ о звѣрствахъ баши-бузуковъ, газетнымъ статьямъ, воззваніямъ о помощи для раненыхъ и страстнымъ рѣчамъ о войнѣ, ставшимъ какъ бы необходимостью самыхъ незначительныхъ собраній не только въ клубахъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ, а и въ скромныхъ, семейныхъ кружкахъ, благодаря всему этому подъемъ духа, интересъ ко всему военному не ослабѣвалъ во времени, а наоборотъ крѣпчалъ и разростался въ такой мѣрѣ, что становилось очевиднымъ, что мужества и желанія нести жертвы во всѣхъ видахъ хватитъ до конца, какъ бы долго война не затянулась. Бѣлый чехолъ на фуражкѣ, это наглядное доказательство, что обладатель такого чехла не сегодня, завтра

долженъ ѣхать туда, гдѣ быть можетъ кровь уже льется потоками, сдѣлался самымъ почетнымъ головнымъ уборомъ: какъ бы не было тѣсно, хотя ни для кого не хватало бы уже казалось мѣста, но появлялась походная фуражка все, какъ по командѣ, сдвигалось, давалась дорога и для одного прибывшаго открывалось сразу нѣсколько свободныхъ мѣстъ.....

Прошло болѣе мѣсяца со времени отъѣзда Чупова. Наши войска успѣли уже покрыть себя славой, молодецки перейдя Дунай и нанеся не одно пораженіе туркамъ. Имена павшихъ героевъ и раненыхъ волновали петербургскія гостинныя, въ которыхъ каждый торопился при случаѣ заявить, что онъ былъ большимъ другомъ убитаго X и хорошо знаетъ раненаго Z......

На подгородной роскошной дачѣ переѣхавшихъ ранѣе обыкновеннаго Каменцевыхъ собралось небольшое, интимное общество. Приглашеніе было на обѣдъ, на чтеніе, и «на корпію». Это означало, что, послѣ обѣда, мужчины должны были по очереди, что нибудь читать или разсказывать, непремѣнно касавшееся войны, до заключенія большихъ подрядовъ включительно; а дамы и барышни въ это время щипали корпію и шили бинты; все заканчивалось вечернимъ чаемъ, передъ которымъ дѣлались обязательные сборы въ пользу раненыхъ, а послѣ разрѣшалась необязательная игра въ карты.... Строго выдержанная

программа разнообразилась вторженіемъ въ нее разсужденій о своихъ личныхъ большой и малой важности дѣлахъ. Такія собранія входили въ моду, при чемъ лица положительныя находили ихъ патріотичными, а люди легкомысленные заявляли о нихъ, что c'est du chic—какъ новость.

Если бы Зоѣ было бы съ вечера извѣстно то, что она узнала за пять минутъ до обѣда, отъ сестры Хилина, она умолила бы мать подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ отмѣнить приглашенія; но теперь было уже поздно, пришлось съ нечеловѣческими усиліями, подавляя волненіе, просидѣть обѣдъ, говорить, слушать, боясь ежесекундно, что произнесутъ имя любимаго человѣка и что не достанетъ силъ съ собой при этомъ справиться. Къ счастью, Хилинъ, считавшій въ душѣ обязательные сборы покушеніемъ на его свободу, да и вообще для себя неудобными, на обѣдѣ отсутствовалъ; а то бы конечно онъ не преминулъ сфантазировать, что онъ — Хилинъ большой и даже, кажется, единственный другъ раненаго Чупова и пустился бы въ разныя про «друга» подробности.

Какъ только подали кофе, Зоя извинилась, сказавъ, что ей немного нездоровится, обѣщавъ свою работу, касающуюся бинтовъ и корпіи, прислать съ Лидой Хилиной, которую позвала съ собой въ свой будуаръ.

Лида была совершенный антиподъ съ своимъ

братомъ, если не считать равномѣрной глупости, по количеству которой они сходились, различаясь по ея качеству. Молодой Хилинъ былъ глупъ, но достаточно хитеръ; Лида была олицетворенная простота и, какъ говорятъ, болѣе чѣмъ наивна. Братъ былъ эгоистиченъ и себялюбивъ, сестра добра до самозабвенія. Братъ былъ развязенъ почти до наглости, сестра застѣнчива до излишества и пускалась въ откровенности только съ Зоей, которая Лиду за ея незлобивость очень любила и сдѣлала своей confidente, скрывъ, однако, отъ нея свое чувство къ Чупову, и самой Зоѣ впрочемъ ставшее совсѣмъ понятнымъ очень недавно.

Зоя чуть ли не выучивавшая наизусть всѣ телеграммы и корреспонденціи ежедневно, съ приносомъ газетъ, сегодня не успѣла ихъ прочитать: газеты запоздали, потомъ пришлось ѣхать съ матерью; по возвращеніи, до обѣда, нельзя было послать за ними въ кабинетъ отца, заперевшагося въ немъ съ незнакомыми дѣловыми людьми.

Лида едва успѣла поцѣловаться съ молодой хозяйкой, какъ уже торопливо заявила, снимая перчатки:

— Зоя, милая! новость! только что утромъ прочитала; знаешь: бѣдный Чуповъ раненъ.

— Даа?—съ какой-то острой болью въ сердцѣ выкрикнула бѣдная дѣвушка, становясь блѣднѣе батистоваго платка, который конвульсивно сжала

въ рукѣ; не заботясь, что ея возгласъ могъ привлечь ненужное вниманіе и сейчасъ же какимъ то страстнымъ, подавленнымъ шепотомъ не изъ осторожности, а отъ сдавившей горло спазмы, быстро добавила:—опасно? когда? какъ? да говори же! ради Бога!—чувствуя какъ слабѣютъ ея ноги и что она готова упасть.

— Легко, совсѣмъ легко—въ руку!—быстро отвѣчала Лида, не о чемъ не догадавшаяся.

Услышанный отвѣтъ вернулъ силы Зоѣ и далъ ей возможность овладѣть собою. Она, полуоборотивъ голову, подняла на образъ глаза, полные неисчерпаемой благодарности и молилась въ душѣ.

Въ это время обѣимъ дѣвушкамъ были предложены руки, чтобы вести ихъ въ столовую.

Оставшись послѣ обѣда съ Лидой одна, Зоя позвонила горничную приказать, чтобы были поданы газеты и заперла дверь. Только что пережитый страхъ за жизнь Виктора Павловича, страданія разлуки, необходимость затаивать все въ себѣ самой толкали ее подѣлиться своей тайной съ подругой, въ скромности и доброжелательствѣ которой она не сомнѣвалась. Она задумалась, какъ приступить къ своей исповѣди? пойметъ ли ее Лида, одобритъ ли ея планы на будущее? но лишь принесли газеты и затворилась дверь, какъ Лида ее предупредила и беззаботно защебетала съ легкой краской на лицѣ.

— Ахъ Зоичка, какъ я рада, что его ранили: вѣдь онъ теперь герой! съ повязкой на рукѣ онъ будетъ еще интереснѣе и навѣрно теперь онъ скоро вернется. Знаешь, Зоинька,—еще болѣе оживляясь и застыдясь, добавила она—онъ мнѣ давно, давно нравился, а теперь я въ него ну просто влюблена и, какъ только онъ вернется, я буду съ нимъ кокетничать, ужасно кокетничать. Чтожъ такое, что у него нѣтъ средствъ—какъ мнѣ говорилъ Сержъ; онъ теперь отличился и будетъ вѣрно получать большое жалованье, а mon oncle недавно обѣщалъ прибавить къ моему приданному и тогда можно будетъ жить. Да? Зоинька! не правда ли можно?—

—Чтожъ? bonne chance!—уклонилась отъ прямого отвѣта Зоя и голосъ ея звучалъ помимо воли, строго-насмѣшливо и враждебно. Поползновеніе на откровенность пропало навсегда. Зоя сжалась, какъ нѣжный цвѣтокъ, врасплохъ застигнутый жестокимъ морозомъ, и она вдругъ почувствовала родъ той же неприязни къ Линдѣ, которую испытывалъ на Моховой Чуповъ къ ея брату.

— Господи! какая я гадкая—все о себѣ, а позабыла самое главное—снова заторопилась Линда и пересѣла на диванъ къ Зоѣ, охвативъ ея гибкій станъ рукой. Зоя отстранилась отъ ласки и передвинулась на самый край, проговоривъ:

— Постой! у меня немного болитъ голова; ну а теперь говори: «самое главное».—

— Да ты такая сегодня, какая-то нехорошая!—надувъ губки, отвѣчала Лида; но гримаса быстро разгладилась и дѣвушка весело продолжала:

—«Знаешь, Зоя. Сержъ безъ ума любитъ тебя, онъ про это давно говорилъ мнѣ, но велѣлъ молчать, а вчера позволилъ не скрывать отъ тебя; потому что ему хочется узнать: отчего ты на вашемъ послѣднемъ вечерѣ была такъ грустна и разсѣяна? хотя онъ и старался развеселить тебя. И потомъ онъ говоритъ, что ты всегда смѣялась съ нимъ, а послѣднее время серьезничаешь. А ты ему очень, очень нравишься!—

Сержъ, на лицѣ котораго можно было найдти все, кромѣ здоровья и красоты, мнилъ себя великимъ побѣдителемъ сердецъ, немилосердно хвасталъ передъ простенькой сестрой фиктивными побѣдами; а та простодушно вѣрила и теперь предполагала, что ея сообщеніе будетъ принято Зоей если не съ восторгомъ, то во всякомъ случаѣ съ особымъ удовольствіемъ; а осчастливленная Зоя не на шутку разсердилась на тираду подруги и сурово проговорила:

— Не время теперь для праздной болтовни и смѣха. Тамъ люди умираютъ, льется кровь.... Брату же скажи, что если онъ желаетъ, чтобы я повеселѣла и стала съ нимъ смѣяться, пусть переходитъ на военную службу, отправляется на войну и возметъ одинъ не меньше двухъ крѣпо-

стей. А теперь, извини пожалуйста меня; я очень, очень устала—оставь меня одну отдохнуть.

По выходѣ надувшейся Лиды, Зоя съ лихорадочной поспѣшностью начала пробѣгать газеты; сгорая нетерпѣніемъ встрѣтить скорѣе дорогое имя. Наконецъ-то! Изъ спеціальной телеграммы она убѣдилась, что Чуповъ, раненый легко въ руку, оставался въ бою до конца; а въ корреспонденціи заявлялось: что, при безпримѣрной храбрости дравшихся частей, поручикъ Чуповъ былъ въ числѣ тѣхъ, именами которыхъ навсегда должна гордиться самая требовательная армія.

— Милый! я не ошиблась въ тебѣ,—прошептала взволнованная и гордая за Виктора дѣвушка,—а этотъ противный Хилинъ, такъ глупо старался намекнуть, что онъ ѣдетъ только для отличій—гдѣ нибудь при штабѣ; а дальше уже безмолвно стала думать о немъ, со всей страстностью первой, чистой любви, жаждать скорѣйшаго возврата его или хоть получить строчку отъ него. Неужели же онъ не понялъ тогда.... на вокзалѣ, что онъ получилъ право на это? Или я ошиблась, обманулась въ предположеніяхъ?—Боже, какой тогда стыдъ! какой позоръ! Но кто же тогда? Не Лида же? вдругъ ревниво спросила она самое себя.

— А почему бы и нѣтъ?—промелькнуло невозможное ранѣе соображеніе...

И вся потрясенная, вконецъ измученная, она

опустилась на колѣни передъ маленькимъ висѣвшемъ въ головахъ постели образкомъ, подняла на святой ликъ глаза, полные слезъ и мольбы и, не думая о себѣ, забылась въ молитвѣ, которая вся выливалась въ словахъ: «Господи! спаси его и верни!»

VI.

Немного нащипала за этотъ вечеръ корпіи Зоя. Каменцева нѣсколько разъ навѣдывалась къ дочери, клала руку ей на голову, но каждый разъ слыша: — «да право ничего, мама, я немного устала»—и убѣдившись, что жару нѣтъ, успокоенная возвращалась къ гостямъ, проводившимъ время «по программѣ» на большомъ стеклянномъ балконѣ, сплошь скрытымъ дорогими экзотическими растеніями.

Было оживленно, пожалуй даже весело. Дамы и барышни выщипывали нитки и подшивали бинты, и еще усерднѣе перебрасывались между собой отрывочными фразами о вещахъ, не менѣе для нихъ интересныхъ, чѣмъ ихъ работа. Кавалеры, тоже—тихо, помогали имъ въ созданіи отдѣльныхъ bons mots, а одинъ изъ гостей, полный, осанистый, съ выпученными рачьими глазами, среди которыхъ замѣтно выдвигался мясистый армянскаго пошиба носъ, съ толстыми, какъ бы собирающимися покинуть своего владѣльца, губами,

на лицѣ котораго было ясно замѣтно довольство обѣдомъ и усердіе ему отданное,—стараясь быть витіеватымъ, и послѣдовательнымъ, громко съ причмокиваніемъ передавалъ собранію новости, касавшуюся войны. По словамъ разсказчика выходило будто бы такъ, что нѣсколько благонамѣренныхъ гражданъ, въ похвальномъ усердіи быть и самимъ полезными въ военное время, рѣшили облегчить заботы правительства о продовольствіи солдатъ; а такъ какъ хорошо выпекать хлѣбъ на походѣ въ непріятельской странѣ, безпрестанно сражаясь со врагомъ, представляется немалымъ затрудненіемъ, то они и постановили добиться образованія общества, хотя-бы и съ иностранными капиталами, для заготовки печенаго хлѣба въ нѣскольких пунктахъ Россіи, конечно за плату и по контракту. Причемъ, чтобы хлѣбъ не успѣвалъ по дорогѣ черствѣть и плеснѣвѣть, рѣшено возбудить ходатайство объ устройствѣ особыхъ скатовъ (въ родѣ нефтепроводовъ, что ли) пріурочивъ къ этому дѣлу, въ видахъ сбереженія, хотя бы телеграфные столбы.

Сообщеніе нравилось. Въ немъ усматривали желаніе даже несовсѣмъ русскихъ подданныхъ помочь намъ, отдать Россіи по возможности свое время и труды.

Папа Каменцевъ, вообще неравнодушный къ дѣламъ, гдѣ приходится получать деньги съ казны, слушалъ внимательнѣе другихъ, стараясь дода-

маться: гдѣ же собственно тутъ зарыта собака? и хотя быстро сообразилъ, что несется порядочная околесица, но хорошо памятуя, что «рачьи глаза» обладали удивительной способностью перевирать съ апломбомъ рѣшительно все и что безъ огня дыму не бываетъ, рѣшилъ завтра же въ городѣ разузнать о проектѣ отъ людей, болѣе смышленныхъ и освѣдомленныхъ, а теперь, чтобы показать, что и онъ—Каменцевъ, для войны не посторонній человѣкъ, энергично позвонилъ и приказалъ принести въ холодильникахъ шампанское.

Такое не по времени требованіе нѣкоторыхъ удивило; но почти всѣ въ душѣ были согласны, что въ теплый весенній вечеръ пріятно выпить умѣло замороженное хорошее вино, а поводъ, по которому будутъ пить? такъ вѣдь поводъ всегда найдется.

Когда вино было розлито по стаканамъ, папа Каменцевъ,—считавшій себя въ душѣ, по краснорѣчію Гамбеттой, на русской подкладкѣ, взялъ свой стаканъ, торжественно обвелъ все собраніе ласковымъ взглядомъ и попросилъ вниманія.

— Я всегда глубоко чтилъ и почиталъ, чту и почитаю удостоивающихъ меня своими посѣщеніями,—началъ онъ, покрякивая, черезъ два слова въ третье,—вотъ почему первый мой тостъ въ моемъ домѣ всегда принадлежитъ моимъ дорогимъ гостямъ—это правило; но сегодня разрѣшите, не негодуя на меня, сдѣлать мнѣ исклю-

ченіе; такъ какъ и время, которое мы переживаемъ, исключительное. — И довольный, какъ ему казалось, удачнымъ оборотомъ, папа Каменцевъ поставилъ стаканъ и освободившейся рукой, (другой онъ все время держался за край стола, какъ дѣлаютъ солидные адвокаты)—прихлопнулъ по столу, какъ бы подчеркивая «оборотъ», на минуту остановился и продолжалъ:

— Да-съ исключительное! Мы конечно выйдемъ побѣдителями, но нужны: жертвы, жертвы и жертвы! Сейчасъ вы слышали, какъ люди, такъ сказать, совершенно посторонніе государственной машинѣ, стараются облегчить правительству заботы о продовольствіи войскъ, прежде всего обнаруживая рвеніе и патріотизмъ. И всѣ ихъ понимаютъ, и имъ рукоплещутъ; но тѣ несутъ отечеству трудъ и предлагаютъ средства, а тамъ далеко, далеко за Дунаемъ теперь сверхъ трудовъ — отдается жизнь—тамъ борцы, забывающіе себя. Этимъ послѣднимъ забывающимъ себя и должны принадлежать наши первыя воспоминанія.

Въ виду «оборота» послѣдовали: снова остановка и опять прихлопываніе—болѣе замѣтные, чѣмъ въ первый разъ. Два, три голоса, которые имѣли личные виды на Каменцева, поторопились, какъ бы въ экстазѣ, пользуясь перерывомъ, сказать: charmant! а одинъ тихо,—но такъ, чтобы всѣ, а въ особенности и самъ ораторъ, слышали, даже замѣтилъ: Господи! вотъ талантъ-то!

Польщенный талантъ повелъ рѣчь дальше съ большей увѣренностью, поднявъ высоко стаканъ:

— Всѣ отправившіеся туда намъ дороги; но изъ ихъ среды невольно болѣе всего волнуешься за тѣхъ, которые съ нами дѣлили хлѣбъ-соль, проводили вмѣстѣ время. Многіе, очень многіе изъ числа моихъ знакомыхъ, позволяю сказать, друзей (Каменцовъ считалъ троихъ за многихъ), отправились туда постоять за честь нашей родины и объ одномъ изъ нихъ, котораго вы всѣ почти знаете, встрѣчавши очень часто его въ кругу нашей семьи, я съ истиннымъ восторгомъ прочелъ сегодня, что онъ велъ себя, какъ герой, раненъ; но—къ счастью легко и не покинулъ поля битвы! —

— А это Чуповъ! — раздались голоса, тѣхъ, которые находили, что сказано много, а выпито мало.

— Да-съ,—подтвердилъ не совсѣмъ довольный въ душѣ перерывомъ Каменцевъ,—Викторъ Павловичъ Чуповъ,—одинъ изъ самыхъ для меня дорогихъ близкихъ знакомыхъ. За здоровье и успѣхъ котораго я пью этотъ стаканъ, прося всѣхъ послѣдовать моему примѣру. Ура!—

Ура подхватили и прокричали довольно дружно, а «рачьи глаза» провопилъ свой возгласъ такъ энергично, благодаря дачной свободѣ, что вѣроятно предполагалъ себя штурмующимъ одну изъ самыхъ недоступныхъ турецкихъ твердынь, за которую онъ принялъ свои стаканъ, опорожнивъ

его въ одинъ пріемъ, и поставивъ на столъ такъ сильно, что хрусталь треснулъ; а рядомъ сидѣвшіе подвинулись, чуть-чуть прошептавъ: - Mon Dieu, mais c'est trop!—и громко засмѣялись на замѣчаніе одного остряка: — Чуповъ-то геройствуетъ въ Турціи, а вы, чтобы не отстать, здѣсь силы пробуете!—

«Рачьи глаза» не смутились и громогласно провозгласили:—да-съ, герой! сразу двѣ награды получитъ: за рану крестъ — а за отличіе шпагу, да-съ—такъ по статуту.—

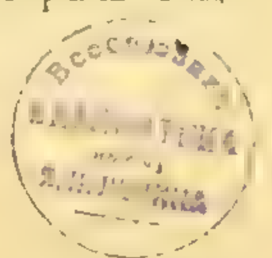
Статутъ былъ не причемъ, да «глаза» его совсѣмъ и не знали; просто вспомнился извѣстный стихъ:

За Брестъ—георгіевскій крестъ
За Прагу—золотую шпагу....

а къ стиху какъ-то нечаянно пристроился и статутъ.

Зоя, желая успокоить мать, рѣшила выдти къ чаю: въ предбалконной понятно и отчетливо раздавался голосъ ея отца, котораго она любила, боясь его порой понимать: на многое она почти сознательно закрывала и уши, и глаза.

Теперь-же, чтобы ему не помѣшать, она не вышла на балконъ, а безшумно присѣла; и казалось ей, чѣмъ дальше говорилъ отецъ, что ни одинъ изъ самыхъ модныхъ пѣвцовъ, ни одна самая блестящая примадонна, не въ состояніи такъ очаровывать, какъ чаровала ее рѣчь отца.

Она открыла дверь, уже послѣ присужденія Чупову двухъ наградъ: какъ разъ въ то время, когда, подъ впечатлѣніемъ минуты, каждый торопился сказать что нибудь хорошее про него.

— Ну, что, дочурка! — нѣжно обратился Каменцевъ къ дочери и потрепалъ ее по щекѣ.

— Теперь, папочка, я отдохнула и чувствую себя совсѣмъ хорошо!—отвѣтила Зоя и два раза подрядъ, крѣпче, чѣмъ обыкновенно, поцѣловала отца.

— А мы безъ васъ пили за успѣхи новаго героя, за Чупова! двѣ награды по статуту! дасъ!— прогудѣли «рачьи глаза», успѣвшіе послѣ разбитаго, выпить еще два стакана, но уже безъ вредныхъ для хрусталя послѣдствій.

— И я отъ души желаю Виктору Павловичу успѣха во всемъ!—сказала Зоя и отпила глотокъ изъ стакана отца; а «рачьи глаза», подмигнувшіе лакею, чтобы и имъ, по этому случаю, подлили, казались ей теперь приличнѣе, умнѣе и лучше, чѣмъ за все время, какъ она ихъ знала.

Чай рѣшили пить на балконѣ, гдѣ было такъ хорошо-прохладно, что не хотѣлось его мѣнять на душную столовую; къ тому-же на балконѣ сверхъ чайнаго, — хватало мѣста и для карточныхъ столовъ.

Когда, послѣ сбора пожертвованій, играющіе усѣлись отдѣльно отъ изобрѣтавшихъ темы для causerie, мадамъ Каменцева, желавшая идти въ

линію съ мужемъ, дала тонъ для направленія разговоровъ.

— И говорите послѣ этого, что мы бредимъ западомъ—что прежде всего насъ интересуетъ заграница?—разъ война—и никто, никто не ѣдетъ на курорты; я по крайней мѣрѣ о ѣдущихъ ничего не знаю.

— Ахъ, вѣдь и курсъ же невозможный!— отвѣтила дама съ острымъ носомъ, почти крючкомъ уперавшимся въ верхнюю губу, говорившимъ, что уже что, что, а съ процентными разсчетами и съ курсомъ дама справится.

— Фи! какой курсъ! кто говоритъ о курсѣ?— возразила хозяйка, — вытянувъ немного губки и чуть-чуть ихъ кривя, — это ей удивительно шло, ровно пятнадцать лѣтъ назадъ,—многіе совсѣмъ-совсѣмъ о курсѣ и не думаютъ! — продолжала она, приведя губы въ нормальное положеніе,—и наконецъ эти общіе порывы? желаніе быть полезнымъ! Причемъ тутъ курсъ?—и губы хозяйки вновь ударились въ сторону.

— Не скажите! всѣ курсы при всѣхъ общинахъ переполнены! — прогремѣли изъ за карточнаго стола «рачьи глаза», пропустивъ масть и получивъ за это отъ партнера надлежащее notabene.

Всѣ—некарточные рѣшительно разсмѣялись замѣчанію «глазъ», что однако не остановило хозяйку продолжать разговоръ въ приподнятомъ тонѣ.

— Оставимте курсъ и курсы —заговорила она— а вспомнимъ, что всѣ, всѣ прямо рвутся туда: Madame Шильцева уѣхала, княжна Леткина ѣдетъ. Соня Оперьева и Китти Звонцева хотятъ ѣхать! И представьте, даже моя дурочка, спрашивала меня: позволю-ли я ей ѣхать сестрой милосердія? Ну, какъ вамъ это нравится: ребенокъ и ѣхать?— она вопрошающе обвела глазами всѣхъ, привлекла къ себѣ Зою, погладила ея пышные, волнистые волосы и снисходительно засмѣялась, любя передъ обществомъ относиться къ дочери, какъ къ ребенку, зачеркивая въ памяти ея двадцать лѣтъ.

«Рачьи глаза», плохо игравшіе, потому что слушали, и нехорошо слушавшіе, потому что играли, поторопились категорично заявить:—слѣдуетъ благословить!

— Но я васъ ужъ совсѣмъ не благословляю!— ядовито заявилъ партнеръ--вѣдь это Богъ знаетъ что? цѣлую масть зря пробросать.

VII.

По разъѣздѣ гостей, хозяева, расходясь спать, признали вечеръ вполнѣ удавшимся.

Самъ Каменцевъ, недавно значительно пострадавшій въ двухъ предпріятіяхъ и тщательно скрывавшій свои потери, былъ доволенъ, что узналъ объ образованіи общества снабженія войскъ печенымъ хлѣбомъ, разсчитывая успѣть вписаться

въ члены компаніи, разсудивъ, что, послѣ неудачъ, всегда долженъ, по теоріи вѣроятностей, быть успѣхъ; притомъ казна плательщикъ всегда вѣрный и аккуратный. Но и помимо случайно полученнаго извѣстія, которое онъ собирался утилизировать, по его мнѣнію, вечеръ удался: потому что строго отвѣчалъ данному настроенію; а затѣмъ и тостъ за юнаго офицера, безъ связей и значенія въ нужномъ для хозяина мірѣ, въ присутствіи лицъ, за которыхъ Каменцеву полезно бы было пить и утромъ, и днемъ, и ночью, казался ему великимъ дипломатическимъ ходомъ, удостовѣряющимъ патріотическую благонадежность внѣ конкурса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и доказывающимъ, что на погребѣ финансовыя потери не отразились; стало быть ихъ будто бы и не было.

Каменцева была рада, что ея «единственная» какъ часто называла она дочь: нетолько не расхворалась, а выглядѣла оживленной и такъ хорошо, какъ она уже давно ее не помнила; потомъ Каменцевой нравилось, что она кстати успѣла заявить, что и Зоя, не меньше княжны Леткиной желаетъ быть полезной и страдаетъ за бѣдныхъ раненыхъ; но вѣдь той куда больше тридцати, а Зоѣ только еще двадцать.

А сама Зоя была вся подъ впечатлѣніемъ похвалъ и блестящихъ отзывовъ о Викторѣ Павловичѣ, которые со скрываемымъ, но глубокимъ удовольствіемъ она слушала цѣлый вечеръ.

Быстрѣе обыкновеннаго отпустила она раздѣвавшую ее горничную; сама открыла окна и легла въ постель.

Дача замерла; все спало, кромѣ Зои. Не смотря на ночной, свѣжій воздухъ, врывавшійся сквозь спущенные занавѣсы, ей было душно. Пульсъ работалъ такъ сильно что видно было какъ каждый нервъ дѣвушки отзывался на охватившія ея думы. Порой она привставала, опирала голову на руку, у ней вырывался вздохъ, точно она сбрасывала какую тяжесть, а сердце выстукивало такъ, что ей самой были слышны его удары. Передъ Зоей проходило, то въ послѣдовательномъ порядкѣ, то отрывками, все время знакомства ея съ Чуповымъ.

«Меньше чѣмъ годъ она такихъ ночей не знала; какъ бы ни были сильны впечатлѣнія дня, стоило ея головѣ коснуться подушки и она засыпала сномъ балованнаго ребенка. А теперь все есть, родные ласкаютъ ее пожалуй еще больше — только покоя и сна нѣтъ. Сегодняшній вечеръ ее положительно сбиваетъ съ толку: мама только и повторяла, что Чуповъ tres distingué et toujours comme il faut; а это для мама если не все, то пожалуй самое главное. А отецъ? тотъ прямо заявилъ, что знакомство съ Чуповымъ его гордость. Тогда для чего было его отталкивать? для чего подъ конецъ стали къ нему относиться въ ихъ домѣ только офиціально вѣжливо?

А ларчикъ просто открывался. Зоѣ были совершенно не извѣстны воззрѣнія отца на ея бракъ и она не совсѣмъ вѣрила и мало сочувствовала стремленіямъ матери по тому же вопросу.

Папа Каменцевъ—прежде всего человѣкъ практики и комерческихъ соображеній, такъ въ нихъ погрузился, что считалъ ихъ главнымъ гвоздемъ даже въ вопросахъ чувства, позабывъ, вѣроятно за давностью, что самъ женился на Надинѣ, т. е. Надеждѣ Михайловнѣ — матери Зои, бывшп немного богаче церковной крысы и что все его теперешнее финансовое благополучіе имѣло фундаментомъ деньги Надежды Михайловны; хотя, конечно, если первоначальный капиталъ удесятерился, то это была несомнѣнная заслуга дѣловитой изворотливости самого Каменцева и баловавшихъ его удачъ.

Наконецъ, — не рѣдко думалось ему и не безъ извѣстной доли основательности, —я самъ ходячій капиталъ: не очень-то часто попадаются люди моего характера съ умѣньемъ во время рискнуть, во время сдержаться,—т. е. по его мнѣнію, истые свѣточи финансовой практики нашего времени; благоразумно оставляя въ сторонѣ, при этихъ разсужденіяхъ догадку, что и у будущаго мужа его дочери могли бы оказаться таланты для обращенія съ фондами не менѣе удобные, чѣмъ и у самого beau père'а.

— «А нынче дорога открыта только золоту,

золоту и опять таки золоту!»—разсуждалъ очень часто Каменцевъ, настолько часто, что какъ-то невольно у него вошло въ привычку говорить въ акціонерной компаніи, гдѣ, за честь имѣть его директоромъ, ему платили хоть и бумажками, но очень крупными и въ изрядномъ количествѣ:— «да господа былъ золотой вѣкъ, а мы живемъ въ золотые времена! — дорога такъ или иначе открыта широко только золоту! — а чтобы оратора не заподозрѣли въ цинизмѣ, сейчасъ-же торопился добавлять—«конечно золоту чистому и добытому чистыми руками!»

Мечтая о будущности дочери, которую по своему очень любилъ, Каменцевъ точно также не отдѣлялъ ея благополучія отъ возможности пользоваться и ей солиднымъ финансовымъ положеніемъ; глубоко убѣжденный, что, по сродству крови, и она иначе думать не могла, совсѣмъ упуская изъ виду, что въ свои университетскіе года богатство далеко не было его кумиромъ.

— А развѣ моя Зоя, — ея красота не тоже чистѣйшее золото — девяносто шестой пробы?— продолжалъ соображать Каменцевъ, —и конечно, какъ рѣдкая драгоцѣнность она должна принадлежать не иначе, какъ милліонеру!

Предположенія о другихъ качествахъ будущаго зятя были совершенно неопредѣленныя, точно вѣчно затуманенныя; вѣрнѣе, на нихъ онъ и не задерживался, потому что, по его мнѣнію,

милліонъ in eo ipso всегда интерссенъ, и изященъ и благороденъ.

Но если Каменцевъ не утруждалъ себя разборомъ положенія и личныхъ свойствъ будущаго мужа Зои, то о ея приданомъ, какъ истый дѣлецъ, онъ не забывалъ вспоминать, рѣшивъ освободить себя отъ этой родительской повинности.

— Ну гардеробъ, платье, разные эти колье, браслеты, вообще bijoux, конечно необходимы и даже высшаго качества,—думалъ онъ,—это непремѣнная вывѣска дома, его представительности. Но деньги давать рѣшительно нѣтъ надобности. Всякій выемъ—это ослабленіе себя; это значитъ съуживать планы, сокращать ихъ и уменьшать приливъ плюса.

Выходитъ, что не только обижать себя, а какъ бы посягать и на благо дочери: ей-же, а никому другому, достанется впослѣдствіи и все родовое, и все благопріобрѣтенное.

Если самъ Каменцевъ былъ по взглядамъ кровный тимократъ и выше всего ставилъ милліонъ, то жена его больше всего и прежде всего преклонялась передъ титуломъ и породой, хотя неособенно хорошо одолѣвала тонкости и тайны генеалогіи.

Происходившая сама изъ семьи генерала, служба котораго почти вся протекла въ таможенныхъ учрежденіяхъ стариннаго, болѣе чѣмъ удивительнаго распорядка, и считавшая въ своей родиѣ

большой процентъ особъ съ титуломъ превосходительствъ, а двухъ даже высокопревосходительствъ, по странному капризу судьбы все болѣе служившихъ на мѣстахъ, не столь поощрявшихъ честолюбіе, сколько дававшихъ возможность устроивать жизнь болѣе чѣмъ комфортабельно, Надежда Михайловна не видала нужды и, съ малыхъ лѣтъ, убѣдившись, что зачастую деньги проникаютъ въ карманы безъ особаго труда ихъ обладателей, не приписывала почти никакого значенія деньгамъ; довольно правильно разсуждая, что деньги дѣло наживное, чему яркимъ доказательствомъ былъ ея мужъ — Иполитъ Антоновичъ, съумѣвшій значительно преувеличить полученныя отъ ея родителей пятьдесятъ тысячъ и преувеличить настолько, что еще три года назадъ онъ ей сообщалъ, что они теперь въ полумиліонѣ — такъ что,—говорила себѣ Надежда Михайловна, останавливаясь на замужней карьерѣ своей «единственной»:—не будетъ трудное дать Зоѣ въ три, а то въ четыре раза больше, чѣмъ получилъ въ приданное Иполитъ.

Снисходительно относясь къ имущественному цензу искателей руки и сердца ея дочери, Надежда Михайловна, въ тоже время, очень строго смотрѣла на «position» и вообще происхожденіе жениховъ. А требованія ея были въ этомъ отношеніи немалыя, если знать, что madame Каменцева, въ силу ей одной извѣстныхъ соображе-

ній, мысленно, а очень близкимъ людямъ и вслухъ, называла «parvenu» всѣхъ, не получившихъ права на титулъ по самому рожденію или не добравшихся еще хоть до первой ступени превосходительныхъ чиновъ,—нисколько не заботясь, что, при злоязычіи, такая пренебрежительная кличка можетъ обернуться и на ея голову; такъ какъ, и при умѣренной памяти, можно было не забывать, что, не въ отдаленныхъ еще колѣнахъ, родичи Каменцева проявляли свою служебную дѣятельность въ умѣломъ подпѣваніи съ крилоса и чтеніи Апостола и что хотя папаша Надежды Михайловны былъ генералъ, какъ слѣдуетъ быть, «взаправдашній», за то дѣдушка началъ свою, хоть сколько нибудь замѣтную, житейскую карьеру со скромнаго званія писаря коммиссаріатскаго департамента.

Если самъ Каменцевъ неособенно долго задерживалъ свои мысли на будущемъ замужествѣ дочери, закончивая ихъ всегда—довольно основательнымъ рѣшеніемъ: –«ну, такія, какъ Зоя, безъ жениха не останутся»!—причемъ, перебирая эту тему, никогда не безпокоилъ себя воспоминаніями: какъ онъ сватался и не обременялъ своей памяти возстановленіемъ въ ней своего нравственнаго облика, какой онъ имѣлъ тотчасъ послѣ того, когда покинулъ стѣны almae matris, то, въ противоположность мужу, Надежда Михайловна, думая:—за кого-то удасться выйти Зоинкѣ? раз-

бирала этотъ вопросъ продолжительно и детально; въ сознаніи, что выходъ замужъ—для дѣвушки *ихъ круга*—своего рода гамлетовское to by, or not to by и, перебирая мысленно: кого изъ графовъ, князей или изъ молодыхъ, заслуженныхъ генераловъ придется осчастливить своимъ выборомъ Зоѣ? очень любила припоминать то время, когда она была невѣста и когда Иполитъ «такъ ее преслѣдовалъ, такъ преслѣдовалъ, что стоило ей о немъ только подумать и онъ передъ ней тотчасъ являлся, будто въ сказкѣ явись передо мной, какъ листъ передъ травой.

Надежда Михайловна, и по прошествіи двадцати двухъ лѣтъ своего замужества, настолько безповоротно вѣрила въ рыцарскую обстановку сватовства Каменцева, что всегда съ особымъ удовольствіемъ, съ полузакрытыми отъ томнаго настроенія глазами, смаковала это сватовство, во всѣхъ его подробностяхъ; причемъ однако, при болѣе объективномъ взглядѣ на указанное время, нашлись бы двѣ, три черты способные нѣсколько омрачить чистоту и прелесть воспоминаній.

Прежде всего, Иполитъ, сватаясь за нее, не принадлежалъ ни къ княжескому, ни къ герцогскому роду и былъ только почти генералъ т. е. даже еще и не былъ, а какъ онъ самъ тогда заявлялъ, долженъ былъ не сегодня, завтра-быть имъ; хотя въ дѣйствительности это не сегодня, завтра полученія почти генеральства или чина

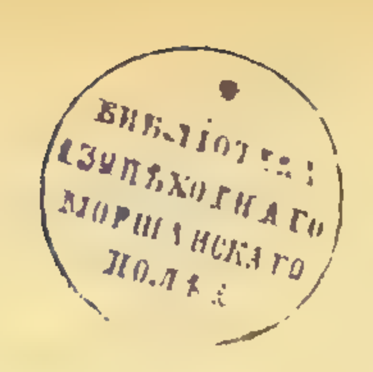
статскаго совѣтника растянулось въ долгіе пять лѣтъ; однако такая былая неустойчивость мужа нисколько не ослабляла требованія отъ зятя генеральства или вѣскаго титула; потому что во первыхъ, съ женской изворотливостью сама себѣ увѣряла madame Каменцева:—чего, чего только не сдѣлають зависть и интриги? а то, конечно бы, пятилѣтняго ожиданія почти генеральства не было-бы: во вторыхъ —у Иполита за то теперь уже, а ему всего-то пятьдесятъ съ небольшимъ, двѣ звѣзды и онъ въ ожиданіи третьей; въ третьихъ, какъ ея Зоя «единственная» и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ, такъ ея Иполитъ былъ всегда «такой особенный», какимъ-то внѣ конкурса,—прочимъ не въ примѣръ и сравненіе! въ четвертыхъ, самое имя,—да! она встрѣчала это имя въ романахъ, но въ дѣйствительной жизни только и знала одного Иполита,—своего мужа и въ пятыхъ,—развѣ кто нибудь умѣетъ такъ любить и можетъ такъ говорить про любовь, какъ онъ Иполитъ? При этомъ аргументѣ о возможности послабленія въ титулахъ и званіяхъ для Иполита,—Надежда Михайловна нѣсколько краснѣла потому что... потому что свое краснорѣчіе во имя древняго Эрота Каменцевъ доказалъ тѣмъ, что убѣдилъ наивную Надину вполнѣ ему довѣриться, еще за мѣсяцъ до свадьбы.

Какъ заключительный акордъ въ этомъ мажорномъ маршѣ доводовъ и пунктовъ объ исключи-

тельности Иполита Антоновича, всегда еще Надеждой Михайловной припоминалась замѣченная въ свое время его способность, прельщая дѣвушку, не забывать покорять попутно—«ахъ, нынче этого совсѣмъ не знаютъ!»—сокрушалась Каменцева,—и сердца ея родителей тактомъ и услужливостью.

А услужливость, съ помощью которой Каменцевъ въ былое время окончательно покорилъ родительскія сердца невѣсты, заключалась въ томъ, что онъ, еще не дѣлая, какъ неувѣренный въ успѣхѣ, предложенія, заручился довѣренностью и вызвался продать ненужное отцу Надежды Михайловны имѣніе за болѣе дорогую цѣну, чѣмъ за это имѣніе давали. И недѣли не прошло, какъ Каменцевъ заявилъ, что онъ нашелъ покупателя, дающаго вмѣсто тридцати тысячъ, которыми хотѣлъ удовольствоваться будущій тесть, тридцать пять тысячъ, и, подъ акомпаниментъ благодарности, сдѣлалъ предложеніе; а когда оно не было отринуто и оффиціально оповѣщено, Иполитъ Антоновичъ поторопился представить восхищенному своему будущему родственнику всѣ тридцать пять тысячъ, мудро прибавивъ къ тридцати, полученнымъ отъ покупателя, собранныя потомъ и кровью свои пять тысячъ; очень скоро вернувшіяся въ свое прежнее мѣсто, какъ вошедшія въ приданое Надины; а. по удостовѣреніи, что Надина съ мужемъ вполнѣ счастлива:—«только вотъ Иполитъ смущается иногда вздорожаніемъ жизни,

благодарный за выгодную продажу тесть далъ возможность Каменцеву положить въ денежный портфель послѣдняго снова пять тысячъ, при заявленіи:—что все равно безъ твоего содѣйствія «Крутые Бубенцы» не пошли бы дороже тридцати».

На берегахъ Босфора.

Въ гостиной человѣкъ шесть гостей и самъ хозяинъ испытывали, какъ незанятые винтомъ, неособенно прiятное состоянiе. О всѣхъ новостяхъ дня было переговорено, до ужина оставалось времени еще порядочно, а дальнѣйшiй разговоръ какъ-то не клеился.

Точно за якорь спасенiя хозяинъ схватился за осѣнившую его мысль обратиться съ просьбой что нибудь разсказать къ товарищу по училищу Владимiру Сергѣевичу Старцеву, молодцоватому, еще нестарому полковнику, вынужденному ранѣе службой на долго оставить Петербургъ и возвратившемуся въ него всего нѣсколько дней назадъ.

— Отчего-же? если не будетъ поздно?—согласился полковникъ, приготовляясь исполнить просьбу съ видомъ человѣка, привыкшаго и любящаго говорить въ обществѣ.

I.

Война съ турками кончилась. Начался тотъ перiодъ томительный и нудный, который такъ хорошо помнятъ бывшiе въ послѣдней кампанiи.

Вся и все рвалось въ Россію—на родную землю и рвалось заслуженно: вѣдь же наша миссія казалась конченной!

Каждая недѣля начиналась разговорами, что вотъ на дняхъ будетъ посадка на суда. Недѣля проходила, наступала новая со старыми надеждами, а посадки нѣтъ и нѣтъ. Потомъ пошли зловѣщіе слухи, что о возвращеніи домой и думать нечего, и что мы, подравшись съ турками, должны подраться на турецкой же территоріи еще и съ англичанами.

Мы стояли въ одномъ изъ селеній, такъ живописно разбросанныхъ по берегамъ Мраморнаго моря. Въ видѣ исключенія, мѣстечко было сплошь турецкое, не взирая на то, что почти всѣ прибрежныя деревни были или греческія, или армянскія, или смѣшаннаго населенія.

Если не считаться со страстнымъ желаніемъ видѣть скорѣе родину, то надо признать, что жизнь была право недурна: служба не тяжелая, ученья производились такъ только, чтобы люди не распускались, провизія и дешева, и хороша, развлеченій сколько угодно уже по одному тому, что къ Константинополю рукой подать.

Зажилось еще лучше, когда жена командира полка, вѣроятно наскучивъ дожидаться мужа, не стѣсненная въ средствахъ, рѣшилась пріѣхать къ нему.

Нашъ лагерь ожилъ, онъ уже не казался

расположеннымъ на вражьей землѣ: безпрестанно появлялась то тамъ, то здѣсь фигура семилѣтняго мальчика—сына командира, живого, добраго ребенка, съ которымъ все офицерство успѣло завести дружбу еще *тамъ*... въ Россіи.

Кромѣ жены командира и его сынишки, намъ было радостно смотрѣть на стараго степеннаго дворецкаго, на шестидесятилѣтнюю старуху-няню и на гувернанку—бойкую француженку, часто непритворно восклицавшую:

— O, Рюси, Рюси cе trés карошъ, comme la France!

Съ пріѣздомъ семьи полкового командира, онъ пересталъ столоваться съ офицерами, но мы и въ экономическомъ отношеніи, и въ смыслѣ болѣе лучшаго времепрепровожденія, только выиграли, потому что радушный начальникъ ежедневно приглашалъ штабъ и баталіонныхъ командировъ къ себѣ обѣдать, а остальное офицерство было разбито на очереди и обѣдало у командира черезъ два дня въ третій.

Вдругъ среди нашего мирнаго житья, совсѣмъ настроившагося на россійскій ладъ, пошли слухи, что легко можетъ наступить конецъ такому благодушію и придется становиться *«въ ружье»*; опять стали говорить о постройкѣ наблюдательныхъ вышекъ, воздвигнутыхъ ранѣе, по распоряженію генерала Тотлебена и попортившихъ въ свое время порядочно крови и туркамъ, и намъ.

Получилось приказаніе ограничить посѣщенія офицеровъ въ Константинополь и отнюдь имъ не носить тамъ военнаго платья.

Да что ужъ говорить про Константинополь: въ нашемъ гниломъ мѣстечкѣ турки, при встрѣчахъ всегда клапявшіеся, приговаривая почтительно: «эфенди!» теперь стали отворачиваться и торопились опускать глаза, во взглядахъ которыхъ и слѣдовъ не осталось прежней приниженности! Видимо они снова начали надѣяться на «энглиза».

II.

Было чудное утро—такое, какими можно любоваться только развѣ на берегахъ Мраморнаго моря.

Соблазненный прекрасной погодой, я отошелъ отъ лагеря не дальше версты и присѣлъ на камень любоваться чуть волнующимся моремъ.

Но я былъ не одинъ: въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ меня шалилъ Витя, подъ присмотромъ не замѣтившаго меня денщика.

Денщикъ, забравшись въ тѣнь двухъ рядомъ росшихъ огромныхъ кипарисовъ, клевалъ носомъ такъ усердно, что эта то подымавшаяся, то опускавшаяся часть его лица жалобно что-то высвистывала.

Никѣмъ не стѣсняемый Витя, стоя на самомъ краю берега, съ величайшимъ стараніемъ запу-

скалъ по водной глади плоскіе камни и раковины, любуясь прыжками, которые они дѣлали по водѣ, навстрѣчу двигавшейся медленно лодкѣ.

До лодки было еще далеко, берегъ былъ очень мелокъ, и я, не находя никакой опасности въ забавѣ ребенка, не хотѣлъ ему мѣшать и, опускаясь на свое укромное, малозамѣтное, а для меня уже насиженное мѣстечко, не окликнулъ Витю.

Я задумался и даже показавшійся мнѣ какимъ-то далекимъ всплескъ веселъ не привлекъ моего вниманія и не заставилъ повернуться въ сторону шума.

Но вотъ послышался характерный хрустъ: такъ бываетъ, когда по мокрому песку быстро, быстро бѣгутъ.

Я вскочилъ, пораженный неожиданностью. Прямо на меня, во всю прыть своихъ маленькихъ, но крѣпкихъ ногъ, мчался Витя, съ искаженнымъ отъ ужаса личикомъ, съ перепугу даже потерявшій способность кричать. Ребенка старался догнать высокій, звѣремъ смотрящій, съ занесеннымъ, какъ бы для удара, кулакомъ, рыжій турокъ, показавшійся мнѣ почему-то знакомымъ.

Медлить было нельзя.

— Витя, ко мнѣ, ко мнѣ!—закричалъ я, а самъ поднялъ свой каучуковый хлыстъ, приготовляясь по удачнѣе познакомить голову турка съ тяжелымъ набалдашникомъ хлыста.

Мальчикъ съ разбѣга кинулся ко мнѣ и, трясясь своимъ маленькимъ тѣльцемъ, прижался къ моей ногѣ. Разбуженный крикомъ денщикъ вскочилъ, тупо выпучилъ глаза и, ничего не понимая, бросился къ Витѣ, засучивая на всякій случай рукава.

Турокъ, увидѣвъ двухъ взрослыхъ, да еще военныхъ, круто повернулъ къ берегу, въ нѣсколько прыжковъ достигъ лодки, погрозилъ оттуда кулакомъ, громко выругался и тотчасъ же, схвативши́сь за весла, отчалилъ отъ берега и только тогда испуганный Витя разразился судорожнымъ плачемъ.

Покуда я съ денщикомъ успокаивалъ Витю, къ намъ подошелъ старый, съ хитрымъ лицомъ, старавшійся придать ему доброе выраженіе, мулла и началъ что-то непонятное намъ бормотать, какъ можно было догадываться: прося извинить рыжаго, а самъ въ тоже время подобострастно кланялся.

Я его прогналъ.

Когда Витя нѣсколько пришелъ въ себя, я узналъ, что мальчикъ, увлекшись метаніемъ, не замѣтилъ, что лодка, въ которой сидѣли рыжій и мулла, подошла совсѣмъ близко. Одна изъ плоскихъ раковинъ попала въ лодку, а слѣдомъ за ней пущенная угодила съ рикошета прямо въ бороду старика и застряла въ волосахъ. Тогда-то по жесту муллы рыжій турокъ и кинулся за ребенкомъ.

Водворенный мною въ отчій домъ юный метальщикъ получилъ надлежащее внушеніе, денщикъ—вполнѣ заслуженный нагоняй и вся эта исторія казалась исчерпанной до конца, по крайней мѣрѣ, въ тотъ же день, за обѣдомъ, къ которому былъ приглашенъ и я, надъ ней только смѣялись.

III.

Обѣдъ подходилъ къ концу. Командиръ былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Всѣ себя чувствовали прекрасно, отдавшись беззаботной болтовнѣ, которую особенно удачно поддерживала mademoiselle Люси, казалось, совершенно не знавшая, что значитъ надъ чѣмъ нибудь задумываться.

— Да, поручикъ,—обратился ко мнѣ командиръ,—у mademoiselle есть просьба къ вамъ, она даже просила моего содѣйствія, но если я его оказываю, то скрѣпя сердце, и,—улыбнулся командиръ,—только подъ давленіемъ двойной атаки,—показавъ глазами на жену и француженку.

— Фи, Поль! Ты же обѣщалъ!—сказала хозяйка.

— Ви давалъ parole!—сейчасъ же оживленно затараторила Люси, невозможно произнося слова и перековеркивая ихъ.

Она любила говорить по русски и не смущалась барьерами произношенія:

— Менѣ такъ нато, ошень нато, et s'est fini,— съ улыбкой наклонила она свою вѣтреную головку.

— Ну, хорошо,—отвѣтилъ командиръ,—будь по вашему! только я думалъ, что вы раздумаете, послѣ того, какъ узнали, что турки въ состояніи кидаться даже на дѣтей,—напомнилъ онъ утренній случай, —а выходитъ, что и француженки такъ же храбры, какъ французы.

— О! ми храпъ, ошень храпъ, c'est vrai, уже серьезно и съ достоинствомъ заявила Люси, страстно любившая свою страну.

— Ну, въ такомъ случаѣ извольте!—окончательно сдался командиръ и обратился ко мнѣ:— видите ли у mademoiselle есть въ Константинополѣ кузина, которую она не видала шесть лѣтъ. Mademoiselle знаетъ только, что та живетъ въ Галатѣ и содержитъ меблированныя комнаты, и по ея мнѣнію c'est tout, а по моему очень мало, чтобы розыскать кузину.

— Mais oui, mais oui! des chambres garnies— комнатъ—быстро проговорила Люси, позабывъ даже свою любовь къ русскому языку.

— Галата и меблированныя комнаты!—подумалъ я и, вѣроятно, покраснѣлъ.

Да, я зналъ въ Галатѣ француженку, содержавщую меблированныя комнаты: золотой, т. е. девять рублей въ день, прекрасное помѣщеніе,

ванна, отличный обѣдъ, сытый завтракъ, а для насъ, русскихъ, даже еще и недурной ужинъ.

По бѣшенымъ цѣнамъ при стоянкѣ войскъ подъ стѣнами Стамбула, и совсѣмъ дешево; если къ помянутымъ пунктамъ добавлялось еще и кокетливое, игриво-граціозное обращеніе содержательницы madame Тосьё.

Она была вдова, обладавшая наружностью между двадцатью четырьмя и тридцатью годами. Когда она была оживлена, въ духѣ, а такъ было почти всегда, ей казалось даже меньше двадцати четырехъ. Въ минуты раздумья, и то самаго хмураго, она выглядывала ужъ никакъ не старше тридцати: возрастъ, когда женщины такъ любятъ нравиться и лучше чѣмъ когда-нибудь узнаютъ, кому онѣ нравятся.

— Такъ вотъ, пустить mademoiselle одну болѣе чѣмъ рискованно, хотя она и противъ этого ничего бы не имѣла,—продолжалъ командиръ.— Вы чаще другихъ ѣздили въ Константинополь и, по разсказамъ, лучше другихъ въ немъ оріентируетесь. Не хотите ли помочь mademoiselle Люси найти, не зная улицы, chambres garnies madame, madame...—замялся командиръ и потеръ рукой лобъ, стараясь вспомнить ему сказанную фамилію.

— Ah, mon Dieu! mais madame Tossieu, Tossieu — ma cousine, — съ апломбомъ подсказала Люси, точно удивляясь, что можно кому нибудь позабыть такую фамилію.

Я справился съ собой и подавилъ смущеніе, а смутиться было отчего: если я часто ѣздилъ въ Константинополь, то только потому, что при первомъ посѣщеніи имѣлъ счастье, или несчастье остановиться именно у madame Тосьё; послѣ ужъ я нигдѣ, кромѣ какъ у ней, и не останавливался. Много тамъ было оставлено золотыхъ, много получено самыхъ смѣлыхъ любезностей, но... и только—въ результатѣ ноль.

— Съ удовольствіемъ, —отвѣчалъ я, смотря на командира.—Весь къ вашимъ услугамъ,—продолжалъ я, совершенно офиціальнымъ тономъ по направленію Люси.

— Тогда я васъ отпускаю,—сказалъ полковникъ,—на четыре дня—думаю, что этого достаточно и для розысковъ, и для свиданія,—рѣшилъ командиръ и добавилъ:—только пожалуйста не забудьте одѣть статское платье.

Люси, съѣдаемая жаждой встрѣчи съ sa cousine и желая выиграть и пятый день, захлопотала, чтобы ѣхать въ тотъ же день, сейчасъ, послѣ обѣда.

Съ такимъ рѣшеніемъ и перешли на кофе.

Только что командиръ, разсказывая анекдотъ, которыхъ онъ зналъ такое множество, началъ разсматривать ликеры, желая каждому предложить по вкусу, какъ передъ столомъ вытянулся вѣстовой.

— Ваше—ство, докладывалъ онъ, вытягиваясь все больше и больше, точно этимъ онъ надѣялся

увеличить интересъ къ поводу, заставившему его помѣшать господамъ кушать.—Турка пришедши и при немъ солдатикъ нашъ—мукуѣдань, то есть, изъ татаръ, значитъ, будетъ; до васъ просятся, ваше—ство!

— Что такое тамъ? забезпокоился командиръ, вѣроятно предполагая жалобу на солдата.

— Енъ, ваше—ство, при церкви, а татаринъ замѣсто языка—для перевода, значитъ!

— Введи ихъ въ мою палатку,—приказалъ командиръ вѣстовому и, извинившись передъ обѣдавшими, вышелъ изъ-за стола.

Вернувшись, командиръ сообщилъ, что приходилъ мѣстный муфтій и, называя его тысячу разъ пашей и столько же разъ вспоминая Аллаха, извинялся за своего, въ переводѣ по нашему, причетника, который такъ глупо утромъ напугалъ сына «паши» и что рыжій со страху за возможное возмездіе такъ струсилъ, что, кажется, куда-то сбѣжалъ.

— А ты что же?—спросила командира жена.

— Конечно же сказалъ, что я ничего не имѣю и напрасно причетникъ прячется, и потомъ ma chère, онъ очень просилъ насъ завтра утромъ осмотрѣть мечеть и минаретъ. Это интересно! ты пойдешь? Муфтій, желая, вѣроятно, примириться совершенно со своимъ маленькимъ врагомъ,—показалъ командиръ на Витю,—обѣщалъ приготовить и ему, выражаясь по нашему, сюрпризъ.

— Хорошо, я пойду съ удовольствіемъ! — отвѣтила она, вставая изъ-за стола.

Черезъ нѣсколько часовъ въ тотъ же вечеръ mademoiselle Люси обнимала и цѣловала madame Тосье—sa cousine.

IV.

— Не хорошо я сдѣлалъ, что скрылъ свое знакомство съ madame Тосье, но ужъ совсѣмъ поступилъ некрасиво,—и здѣсь Владиміръ Сергѣевичъ вздохнулъ такъ, что афиши и газета, лежавшія на столѣ, приподнялись.—Да-съ, и некрасиво, и неосторожно, что нарушилъ приказаніе командира переодѣться въ статскій костюмъ; но, съ другой стороны, съ десяти лѣтъ нося форму, какъ, думалось мнѣ, я буду выглядывать въ совершенно неудобномъ для меня одѣяніи, спрашиваю я?—и Старцевъ помимо воли выпятилъ грудь и какъ-то расправилъ плечи, которыя удостовѣряли, что лучше всего ему было въ военномъ сюртукѣ.

Пощипавъ усы, признакъ недовольства собой, полковникъ продолжалъ:

Конечно, еще по дорогѣ я признался Люси, что ея кузину знаю, и попросилъ оставить это между нами. Въ вечеръ пріѣзда въ maison meublée, хозяйка, вѣроятно вся отдавшаяся бесѣдѣ со своей родственницей, удѣлила мнѣ не болѣе чет-

верти часа. Она была очень мила и любезна за благополучное доставленіе ея кузины, но выглядывала какъ-то растерянно, точно она чего-нибудь боялась.

— На другой день, утромъ, пройдясь по коридору, я замѣтилъ, что всегда полныя комнаты madame Тосье пустуютъ, а на площадкѣ лѣстницы встрѣчавшійся со мной въ штабѣ интендантскій чиновникъ хлопоталъ о скорѣйшемъ выносѣ его чемодана. Мы поздоровались. Интендантъ смотрѣлъ на меня съ нескрываемымъ удивленіемъ.

— Вы остаетесь? да еще и въ формѣ?—быстро спросилъ онъ.

— Отчего же нѣтъ?—отвѣтилъ я вопросомъ, тоже удивленный.

— Да теперь же здѣсь не безопасно! Съ минуты на минуту могутъ открыться военныя дѣйствія!

— Ну вотъ тоже!—разсмѣялся я.—Я здѣсь пробуду четыре дня и думаю не скучать!

— Храни васъ Господи, а я бы не совѣтовалъ оставаться!—сказалъ интендантъ, торопясь попрощаться со мной, и побѣжалъ садиться въ фаэтонъ, довольный, что его вещи уже снесены и уложены.

Интендантъ былъ не совсѣмъ неправъ, въ чемъ я убѣдился, когда пошелъ пройтись по Галатѣ, положимъ, это не Пера, сплошь заселен-

ная европейцами, тогда какъ въ Галатѣ, преобладаютъ турки; но все же я, бывшій въ Стамбулѣ много—много дней десять назадъ, теперь не узнавалъ настроенія улицъ: редифы, такъ старательно еще недавно отдававшіе честь своимъ побѣдителямъ, теперь неохотно, еле-еле прикладывали руку къ фескѣ, а иногда прямо дерзко улыбались въ лицо; заптіи, сперва при проходѣ русскаго офицера тянувшіеся во всю и смотрѣвшіе ему и въ ротъ и глаза, теперь или отворачивались, или умышленно дѣлали видъ, что не замѣчаютъ, кто идетъ.

Возвращаясь съ прогулки, я за два—за три дома до помѣщенія madame Тоссье увидѣлъ двухъ оборванцевъ, которымъ показывалъ на меня весь перекосившійся отъ злости—кто бы вы думали?—рыжій причетникъ изъ мѣстечка.

Рѣзкій свистъ и хохотъ раздался въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня и вся компанія, дерзко и вызывающе смотря на меня, дикимъ хоромъ заорала «гяуръ!»

Не видя близко полиціи и зная немного восточныя повадки, я схватился за эфесъ сабли и круто повернулся къ безобразникамъ. Тогда, свиснувъ напослѣдокъ, они скрылись въ ворота, какъ было мнѣ извѣстно, проходного двора.

V.

Всегда веселая постоянно беззаботная, madame Тосье приготовила мнѣ тоже неожиданность. Послѣ завтрака, въ сообществѣ Люси и ея, она вдругъ запѣла въ унисонъ съ интендантомъ.

— Знаете ли,—говорила она своимъ чуднымъ парижскимъ жаргономъ,—знаете ли, м-сье Старцевъ, я провожу Люси обратно сама, я знаю это мѣстечко, а вы поѣзжайте сегодня—право, такъ будетъ лучше.

— Что? вотъ первый разъ вижу, чтобы хозяйка сама заставляла пустовать свои нумера!— удивился я.

— Ахъ, Боже мой, не все же деньги!—возразила она съ такой, мало ей привычной, серьезностью.—Я городъ знаю, могутъ быть безпорядки и право же рискованно оставаться здѣсь русскимъ офицерамъ, а я ихъ такъ успѣла полюбить за это время, что хочу все здѣсь бросить и перевести дѣла въ Россію.

Я вспыхнулъ и сухо отвѣчалъ, что обязанъ, такъ какъ далъ слово, и обратно отвезти Люси, и что русскіе офицеры не боятся никого и ничего, такъ, что о турецкой черни и говорить смѣшно и теперь я ни за что раньше даннаго мнѣ срока не покину Галаты; если же я ее, madame Тосьё, стѣсняю и привлекаю на нее

непріятности, то готовъ сію же минуту искать себѣ другое помѣщеніе.

Мнѣ показалось, что она чуть-чуть поблѣднѣла, сейчасъ же что-то шепнула Люси и та оставила насъ вдвоемъ.

— О нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—горячо заговорила она и, новая, незнакомая мнѣ, нотка придавала ея словамъ особую прелесть и сердечность.— Не за себя я боюсь: я и Люси внѣ опасности. А вы, вы? что можетъ быть съ вами? Но если вы не хотите ѣхать, тогда уже лучше оставайтесь у меня! Да? Останетесь? по крайней мѣрѣ тутъ можно положиться на portier—Жакъ французъ и мнѣ очень преданъ!

Я поторопился ее поблагодарить, сказалъ, что остаюсь съ радостью, что страхи ея напрасны и мнѣ полагаться на преданность Жака нѣтъ никакой необходимости.

Но не такъ думала madame Тосьё. Она тутъ же составила планъ, при слѣдованіи которому, по ея мнѣнію, я буду цѣлъ и невредимъ: Жакъ— человѣкъ испытанный: онъ вычеркнетъ меня изъ книги и впишетъ подъ фамиліей французскаго негоціанта, карточку котораго и помѣститъ въ швейцарской; тотъ же Жакъ доставитъ мнѣ статское платье, а я долженъ подчернить свои волосы и тогда все будетъ хорошо!

Самолюбіе не позволило мнѣ согласиться на такой маскарадъ даже ради прекрасныхъ глазъ

госпожи Тосьё. Я поцѣловалъ ей руку, заявивъ, что черезъ часъ или полтора она совершенно успокоится, и къ ея ужасу сейчасъ же пошелъ гулять.

Когда я вернулся благополучно домой, милѣйшая хозяйка вдругъ повеселѣла и видимо стала вѣрить, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ.

Смеркалось. Улицы въ этой части города рано пустѣютъ. Мы трое ждали обѣда, которому ничего, казалось, не мѣшало быть шумнымъ и веселымъ.

Вдругъ брошеннымъ съ улицы камнемъ стекло одного изъ оконъ, подлѣ котораго я стоялъ, было разбито въ дребезги. Съ яростью голоднаго тигра, у котораго вырываютъ изъ пасти кость, кинулся я на улицу, захвативъ на ходу свой каучуковый хлыстъ—надежное оружіе въ опытныхъ рукахъ.

У подъѣзда Жакъ, смущенный отсутствіемъ постового заптія, видимо о чемъ-то упрашивалъ трехъ оборванцевъ, тѣ глупо хохотали и громче другихъ ненавистный рыжій. Бѣшенство овладѣло мной при видѣ его фигуры и хлыстъ со страшнымъ свистомъ опустился ему на плечо — лѣвая рука повисла какъ плеть; сильному турку было этого мало, онъ поднялъ здоровую руку, устремлясь на меня, но второй ударъ, по самой кисти, заставилъ съ болѣзненнымъ стономъ об-

ратиться негодяи въ бѣгство, а спасительный хлыстъ загулялъ по спинѣ второго оборванца, пока тотъ не упалъ на колѣни, моля о пощадѣ.

Заразившійся моимъ примѣромъ Жакъ захватилъ третьяго и съ усердіемъ бывалаго швейцара пріучалъ его къ своимъ кулакамъ.

Моя вспышка такъ же быстро прошла, какъ и началась.

— Ну, достаточно, Жакъ,—замѣтилъ я.

Тотъ пріостановилъ свою работу; этимъ воспользовались уличные буяны и съ бысротой дикихъ козъ ударились бѣжать.

Когда я вернулся въ комнаты, то засталъ madame Тосьё въ истерикѣ... Я съ Люси едва-едва привелъ ее въ себя, но она страшно безпокоилась, боясь ночью не скандала, а прямо-таки нападенія. Какъ я ни увѣрялъ ее, что толстая дубовая дверь больше чѣмъ надежна, да и съ желѣзными рѣшетками второго этажа справиться не легко, она повторяла одно:

— Мнѣ и Люси бояться нечего! Но вы, вы?...

Вечерній мракъ, мертвая тишина улицъ, изрѣдка нарушаемая лишь звонко раздававшимися шагами патрулей, только нервировали madame Тосьё, и чѣмъ дальше, тѣмъ печальнѣе и печальнѣе становилась она.

Наконецъ, со слезами на глазахъ она стала умаливать меня довѣриться ей, хотя на ночь оставить мою, выходившую на улицу, комнату и по-

мѣститься въ маленькой безъ мебели, кромѣ одной тахты, каморкѣ, дверь которой запирается секретомъ, ей одной извѣстнымъ, а самый входъ такъ удачно замаскированъ, что неосвѣдомленный человѣкъ никогда его не найдетъ.

Сумасбродная мысль пронеслась у меня въ головѣ:

— Извольте,—согласился я,—но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы мое плѣненіе раздѣлили и вы, иначе я буду убитъ гораздо скорѣе скукой, чѣмъ здѣсь, самыми смѣлыми турками!

— Хорошо!—какимъ-то упавшимъ голосомъ медленно проговорила она, смотря вдумчивымъ, загадочнымъ взглядомъ на меня.—Я должна уступить, тѣмъ болѣе, что все равно не въ силахъ заснуть раньше, чѣмъ разсвѣтетъ.

Она очень скоро сдѣлала соотвѣтствующія распоряженія по дому и простилась съ Люси, даже ей не сказавъ о мѣстѣ, гдѣ я долженъ считаться въ безопасности.

Комнатка-кладовка, куда мы забрались, дѣйствительно напоминала помѣщеніе, которое можно было взять развѣ правильной осадой.

Мы усѣлись рядомъ, à la guèrre, comme à la guèrre, какъ бы въ отдѣльномъ купэ вагона, а всѣмъ извѣстно, какъ сближаетъ путешествіе. Я началъ посмѣиваться надъ ея ложной тревогой и, чтобъ ее успокоить, говорилъ, какъ великъ престижъ русскихъ послѣ того, когда часто наши

двѣ—три роты отражали цѣлые турецкіе таборы; потомъ увлекся самъ и началъ передавать о перенесенныхъ невзгодахъ и лишеніяхъ, о случаяхъ особаго геройства офицеровъ и солдатъ...

Никогда никто ни до, ни послѣ болѣе такъ внимательно меня не слушалъ: вся обратившись въ слухъ, она изрѣдка повторяла:

— О, Боже! Сколько страданій, сколько жертвъ! – торопясь смахнуть выступавшую на ея прекрасныхъ глазахъ предательскую слезу.

— Теперь вы сами видите, можно ли чѣмъ запугать людей, прошедшихъ черезъ такія испытанія. Зачѣмъ же было волноваться, мучить себя изъ-за какого-то поручика, который если-бы и пропалъ, едва ли кому отъ этого было бы тепло или холодно?—и я, благодарный за ея участіе, поцѣловалъ у ней руку съ большимъ чувствомъ и крѣпче, чѣмъ то принято дѣлать, когда благодарятъ изъ-за приличія.

— Да, мнѣ понятны и страданія, и тоска одиночества! – и голосъ ея понизился до едва слышнаго шопота.—Я много страдала и была очень несчастна при первомъ мужѣ.

— Такъ вотъ какая ты?—промелькнуло у меня въ головѣ.—Значитъ, веселость твоя значительно напускная, простое самообладаніе и нежеланіе дѣлиться горечью жизни съ другими,—и я снова припалъ къ ея рукѣ.

Сперва она хотѣла было ее отдернуть, но по-

томъ глаза ея сдѣлались влажны, точно ихъ подернуло дымкой; изящная головка опустилась низко—низко, и она, пролепетавъ:

— Не безпокоиться за васъ, не мучиться,—нельзя...—и потомъ, быстро и рѣшительно поднявъ свое поблѣднѣвшее лицо, она еще тише добавила:—нельзя, когда я люблю васъ:—и двѣ чудныя захолодѣвшія руки крѣпко обвили мою шею...

— А знаете, кѣмъ стала madame Тосьё потомъ? — и какъ бы боясь, чтобы не сдѣлали какого-нибудь обиднаго предположенія, полковникъ самъ поторопился отвѣтить:

— Скоро будетъ двадцать лѣтъ, какъ она носитъ фамилію Старцевой и я ни одной минуты за все время объ этомъ не жалѣлъ.

VI.

Ночью, а можетъ быть еще съ вечера, подулъ другой вѣтеръ, угнавшій часть судовъ «энглиза» отъ береговъ Мраморнаго моря, зато взамѣнъ ушедшихъ въ Черномъ прибавилось нашихъ; вѣроятно отчасти благодаря этому обстоятельству, утромъ, на другой день, къ madame Тосье пришелъ полицейскій офицеръ, умоляя дать ему возможность повидать меня. На ломаномъ, но достаточно понятномъ французскомъ языкѣ, полицейскій униженно упрашивалъ меня простить нанесенное мнѣ вчера безпокойство, клянясь, что

ничего подобнаго не повторится, что подлѣ дома Тосьё будетъ усиленный полицейскій постъ и все, что угодно, лишь бы я пожалѣлъ его и нигдѣ не жаловался, а въ особенности тамъ—у насъ въ штабѣ.

Я его успокоилъ и когда пошелъ гулять, то замѣтилъ, что часовые редифы, отдавая честь, снова старательно выпяливали глаза, а заптіи при проходѣ прикладывали руку къ фескамъ съ такимъ усердіемъ, что на нихъ кисточки тряслись.

Черезъ три дня—однихъ изъ лучшихъ моей жизни, я вмѣстѣ съ Люси вернулся въ мѣстечко уже вечеромъ, она отправилась въ помѣщеніе командира, а я на другой конецъ, въ свою квартиру.

Встрѣтившій меня у дверей денщикъ поторопился мнѣ доложить:

— Ваше благородіе, вамъ письмо, отъ командера присылали.

Съ зловѣщимъ предчувствіемъ я вскрылъ конвертъ, на которомъ было крупно написано «крайне экстренно». Я прочелъ въ письмѣ:

«Тороплюсь; очень прошу васъ проводить тотчасъ же по возвращеніи mademoiselle Люси въ Одессу».

Далѣе было указано, въ какой гостинницѣ будутъ насъ ожидать, и что объ отпускѣ, мнѣ обезпеченномъ, я узнаю отъ временно командующаго полкомъ.

Точно весь покрытый самыми злыми пчелами, я бросился къ адъютанту узнавать подробности. Онѣ оказались нерадостными. Командиръ, какъ любитель, старался вообще не пропускать осмотра достопримѣчательностей. Въ мѣстечкѣ была старинная мечеть, особенно поражавшая своимъ затѣйливымъ, арабскаго стиля, минаретомъ. Командиръ ранѣе раза два—послѣдній разъ со мной, оттого рыжій и былъ мнѣ памятенъ, покушался осмотрѣть ее, но всегда наталкивался на тѣ или другія благовидныя препятствія. Утромъ, послѣ моего отъѣзда, мулла самъ зашелъ къ командиру напомнить объ обѣщанномъ посѣщеніи.

Мечеть во всѣхъ подробностяхъ была показана командиру и его семейству самимъ муллою, который, по осмотрѣ, повелъ гостей по полутемной лѣстницѣ на верхнюю площадку минарета, такъ какъ раньше говорилъ черезъ оставшагося у дверей переводчика, что тамъ, на стѣнахъ, замѣчательная мозаика, временъ не то Солимана Великолѣпнаго, не то самого Магомета.

Мулла пропустилъ посѣтителей впередъ: фанатикъ сдержалъ слово и дѣйствительно приготовилъ сюрпризъ не только для Вити, но и для его родителей.

Командиръ медленно подымался въ полумракѣ, держа сына за руку, сзади шла жена, а за нею мулла. Двигаться было не легко, помимо темноты, еще по причинѣ мѣстами еще не-

убранныхъ послѣ ремонта подпорокъ и поперечинъ.

На полпути, при поворотѣ на среднюю площадку, вдругъ командиръ и Витя оба зацѣпились, отчего упали на колѣна.

Лишь только командиръ закричалъ женѣ:

— Не иди, ma chère, дальше! дай намъ подняться!—какъ что-то прошумѣло и лѣстница огласилась душу раздирающимъ воплемъ ребенка, за которымъ раздался отвратительный взрывъ дьявольскаго хохота быстро убѣгавшаго изувѣра-муллы.

Потомъ выяснилось, что была внизу протянута веревка, за которую зацѣпились командиръ и Витя, а надъ ней какъ разъ было помѣщено еле державшееся бревно, со шнуркомъ-приводомъ, за который и дернулъ въ нужную для негодяя минуту мулла.

Фанатикъ-мулла пропалъ безслѣдно; командиръ отдѣлался легкимъ ушибомъ, а у несчастнаго ребенка была переломлена нога.

Какъ только поврежденная ножка Вити была загипсована и врачи заявили, что путешествіе малютка можетъ перенести безъ вреда для своего здоровья, вся семья командира въ тотъ же день выѣхала въ Россію на почтовомъ пароходѣ.

За бѣлымъ крестомъ.

I.

Уже шестой годъ Викторъ Терпиловъ безропотно несъ всѣ тяготы скромнаго офицерскаго существованія въ одномъ изъ армейскихъ съ хорошимъ боевымъ прошлымъ полковъ.

Онъ вообще не сѣтовалъ на свою жизнь. Но иногда червячекъ неудовлетвореннаго служебнаго честолюбія давалъ себя знать и шевелился въ молодой офицерской душѣ, съ болью напоминая, что, выйди Терпиловъ изъ училища въ гвардію, на что по успѣхамъ въ наукахъ и всему остальному имѣлъ право, онъ бы такъ не отсталъ отъ своихъ сверстниковъ по выпуску. Гвардіи онъ побоялся изъ-за недостаточности средствъ и надѣялся, что поступленіе въ академію уравняетъ его съ товарищами.

Однако, поступленіе въ академію не давалось Терпилову и не по его винѣ, а по волѣ недоброжелательной къ офицеру судьбы. Готовился онъ къ экзаменамъ въ храмъ высшихъ военныхъ знаній добросовѣстно и имѣлъ всѣ шансы на благо-

пріятный результатъ; но смерть отца, какъ разъ въ то время, когда Терпилову надо было ѣхать въ Петербургъ, заставила его отложить экзамены до слѣдующаго года.

Но и въ слѣдующемъ году академія не приняла Терпилова въ число своихъ слушателей, и это было тѣмъ обиднѣе, что три вступительные экзамена были имъ выдержаны блестяще. Къ несчастью для него—только три! Остальные сдавать не пришлось: отвычка ли отъ петербургскаго климата, усиленная ли умственная дѣятельность, при бѣготнѣ раннимъ утромъ къ Николаевскому мосту съ Песковъ, вмѣстѣ съ продовольствованіемъ сомнительной свѣжести обѣдами, изъ еще болѣе сомнительной кухмистерской, повліяли на здоровье Терпилова,—но только вмѣсто того, чтобы идти на четвертый экзаменъ въ военную академію, онъ былъ отвезенъ въ военный госпиталь въ бреду и со всѣми признаками брюшного тифа.

Онъ, однако, поправился и не унывалъ.

— Ну, ужъ на будущій-то годъ поступлю навѣрняка! — утѣшалъ онъ себя, въ сознаніи добросовѣстности своей подготовки.

А начало будущаго года оказалось удивительно сложнымъ и мало предвѣщавшимъ добраго: стало очевиднымъ, что сербы не хотятъ слушать турокъ, турки жалѣть сербовъ, а черногорцы и герцеговинцы еще менѣе намѣрены жалѣть турокъ, которые, пока что, бросились рѣзать и бить болгаръ.

Викторъ, конечно, жалѣлъ и сербовъ, и герцеговинцевъ, и болгаръ, но еще больше пожалѣлъ себя, когда узналъ, что допуска къ вступительнымъ академическимъ экзаменамъ изъ-за возможной мобилизаціи не будетъ. Онъ бы не впалъ въ уныніе, если бы академическія отличія пришлось промѣнять на возможныя боевыя, но горе заключалось въ томъ, что въ академію не пускали, а надежды попасть на войну тоже не было, потому что на театръ военныхъ дѣйствій были двинуты корпуса южныхъ округовъ.

— Господи! Господи!—изводился Терпиловъ:— отстанешь отъ книгъ, все перезабудешь, отучишься отъ занятій и что за жизнь будетъ дальше? Десять лѣтъ подпоручикомъ, столько же поручикомъ! А потомъ что? Вотъ незадача-то мнѣ! Загніешь отъ тоски, и—хочешь, не хочешь—начнешь смотрѣть на жизнь, какъ нашъ милѣйшій капитанъ-завсегдатай. Еще хорошо, коли такъ, какъ онъ, а то вѣдь можно начать пить мертвую съ досады!

Капитанъ-завсегдатай былъ человѣкъ до нѣкоторой степени замѣчательный. Прежде всего онъ гордился тѣмъ, что мѣнялись полковые, батальонные командиры, а онъ все оставался въ полку, представляя изъ себя нѣчто совершенно необходимое для существованія полка.

На вопросъ, сколько лѣтъ онъ служитъ въ полку?—капитанъ постоянно съ достоинствомъ отвѣчалъ одно и то-же:

— Давно-съ! Старичокъ! Древнѣе всѣхъ по своей службѣ, но не по чинамъ-съ, конечно!

Завсегдатаемъ его прозвали потому, что онъ, гдѣ бы ни была стоянка полка, ни съ кѣмъ изъ обывателей не знакомился, никуда не ходилъ и даже дома только ночевалъ; а остальное время, если не былъ занятъ службой, безвыходно проводилъ въ дежурной полковой комнатѣ, въ которой было завоеванное имъ, по праву обычая и привычки, отдѣльное кресло, и уничтожалъ, какъ онъ выражался, «враговъ человѣчества».

Пилъ онъ, дѣйствительно, много, но никто никогда не видалъ его—«въ неудобной, сударь мой, для офицерскаго ранга позиціи».

Кромѣ враговъ въ образѣ рюмокъ, капитанъ другихъ враговъ не зналъ, за исключеніемъ только покусителей на добрыя товарищескія отношенія, и по его терминологіи смутьяны, карьеристы и лебезители были такая порода людей, надъ которой плакать не приходится.

— Да! Нечего сказать, много здѣсь наслужишь?— не унимался въ своихъ сѣтованіяхъ расходившійся Терпиловъ.—Полкъ хорошъ, товарищество дружное, – а то бы давно началъ хлопотать о переводѣ куда нибудь на окраину или о прикомандированіи къ артиллеріи. А еще окружники *) мнѣ завидуютъ: «тебѣ, говорятъ, легче по службѣ двигаться», а

*) Т.-е. окончившіе окружныя училища, становящіеся по чинопроизводству всегда ниже выпускаемыхъ изъ военныхъ училищъ.

прапорщикъ Чурбашкинъ, кажется, больше всего ненавидитъ мою вторую звѣздочку.

О прапорщикѣ Чурбашкинѣ можно сказать нѣсколько отдѣльныхъ словъ не съ меньшимъ основаніемъ, чѣмъ и о капитанѣ-завсегдатаѣ.

Поступилъ онъ на военную службу, въ возрастѣ около тридцати лѣтъ, вольноопредѣляющимся и по мотиву на столько исключительному, что Чурбашкинъ могъ считаться рѣдкостью не только для одного полка, а, къ счастью арміи, даже для совокупности всѣхъ россійскихъ полковъ. Испробовавъ самыя различныя профессіи, доступныя его скромнымъ свѣдѣніямъ, и неудовлетворенный открывшимися ему средствами существованія, Чурбашкинъ рѣшилъ улучшить послѣднія путемъ выгодной женитьбы, «хоть на козѣ съ рогами, да съ деньгами», что, по соображеніямъ Чурбашкина, значительно облегчалось военнымъ мундиромъ.

Вольноопредѣляющимся онъ былъ въ одномъ полку, портупей-юнкеромъ въ другомъ и, хотя въ послѣднемъ были офицерскія вакансіи, Чурбашкинъ, по комбинаціямъ, понятнымъ вполнѣ только ему самому, офицерскія эполеты надѣлъ только въ третьемъ—гдѣ служилъ и Викторъ, и ужъ конечно не отсутствіе рвенія со стороны Чурбашкина было причиной, что онъ оставался въ этомъ полку холостымъ.

II.

При объявленіи войны, въ числѣ больше всего на нее рвавшихся были Терпиловъ и капитанъ; Чурбанкинъ же нѣсколько захандрилъ, словно ему угрожала опасность оставить многочисленную, горячолюбимую семью.

Терпиловъ разсуждалъ: если посчастливится получить бѣленькій крестикъ, такъ Богъ съ ней и съ академіей! Бѣлыхъ крестиковъ въ Россіи куда меньше академическихъ значковъ! Да, наконецъ, въ академію можно и послѣ войны попасть! Одно другому не мѣшаетъ.

Капитанъ же ликовалъ потому, что интересно встряхнуться и кромѣ того было какъ-то совѣстно: быть самымъ древнимъ человѣкомъ въ полку и ни разу не участвовать ни въ одномъ сраженіи, если не считать кулачныхъ боевъ за время бытности кадетомъ.

Велики были разочарованіе и огорченіе Терпилова и капитана, когда дни проходили за днями, а ихъ полкъ и не думали тревóжить.

Когда, наконецъ, прошелъ слухъ о мобилизаціи и внутреннихъ округовъ, Терпиловъ съ капитаномъ ожили, у нихъ одновременно сорвалось радостное «наконецъ-то!» —и они крѣпко пожали другъ другу руки.

Быстро, точно неослабно подгоняемый всѣми

сознаваемой необходимостью, нигдѣ не задерживаясь, прибылъ полкъ на театръ войны.

Первыя, такъ трепетно ожидавшіяся, дѣла не оставили у Виктора особенно замѣтнаго впечатлѣнія: это были незначительныя стычки съ противникомъ, торопившимся отступать, послѣ небольшой перестрѣлки. Страшнаго такія столкновенія не имѣли въ себѣ ничего, кончаясь однимъ, двумя ранеными, которыхъ Виктору не приходилось даже видѣть; а потому и самый бой напоминалъ по своему порядку, ничѣмъ не прерывавшейся разсчитанности, мирные маневры съ учебной стрѣльбой.

— Гдѣ тутъ получить Георгія? Насморкъ и ревматизмъ куда скорѣе можно схватить! — изводился Викторъ и сейчасъ же утѣшалъ себя: — ну, да какъ обойтись безъ большого сраженія? Оно впереди. Предчувствіе не обмануло Терпилова: оно, дѣйствительно было впереди... и въ очень близкомъ впереди...

Предписано было овладѣть, во что бы то ни стало, двумя образцово приспособленными къ оборонѣ укрѣпленіями, выдвинутыми впередъ, для защиты большого непріятельскаго лагеря. При первомъ же ознакомленіи съ диспозиціей становилось яснымъ, что затѣваемое сраженіе относится къ тѣмъ, которыя сильно вліяютъ на ходъ всей кампаніи. Въ диспозиціи не была упущена ни одна мелочь, и особенно подчеркивалась на-

стоятельность возможно незамѣтнаго, безъ малѣйшаго шума, приближенія къ предмету атаки, а потому приказывалось «ословъ *) съ собой не брать»—пунктъ, давшій поводъ къ разнообразнымъ остротамъ и позволившій капитану-завсегдатаю увѣрять всѣхъ, что Чурбашкинъ будетъ оставленъ.

Задолго до разсвѣта, полкъ снялся со своего бивуачнаго расположенія. Стройно, съ могильной тишиной вытягивалась колонна за колонной. Изрѣдка, то въ томъ, то въ другомъ ряду вырывался негромкій, но глубокій вздохъ, точно последнее прости каждому только что сдѣланному шагу, а съ нимъ и всему прошлому. Былъ свѣжій хорошій предутренникъ, обѣщавшій чудный, солнечный день; но было неизвѣстно: кому доведется его пережить? Разговоровъ, почти шопотомъ, очень мало, будто каждый хотѣлъ вдосталь наговориться самъ съ собою. Всѣхъ пронизывалъ легкій ознобъ отъ свѣжести воздуха, отъ рано брошеннаго сна и отъ нервнаго возбужденія.

Уже болѣе двухъ часовъ части въ движеніи. Еле замѣтной, свѣтлой полоской блеснуло солнце, все разрастаясь, посылая больше и больше лучей, заигрывая съ каждой травкой, съ каждымъ цвѣточкомъ, съ вершинами холмовъ, на которыхъ задержались ночлегомъ дикіе гуси, стремительно

*) Ослы издаютъ громкій, характерный крикъ, далеко слышный.

теперь срывавшіеся, быстро вздымавшіеся въ голубую безоблачную высь и проносившіеся надъ никогда ими невиданнымъ скопищемъ однообразныхъ людей. Такое чудное утро усиленно будило жажду жизни даже у того, кто и ни Богъ вѣсть какъ дорожилъ своимъ существованіемъ...

Время идетъ какъ-то странно: оно кажется въ своемъ движеніи удивительно медлительнымъ, и всѣ недовольны, хотя никто не хочетъ получить скорѣе пулю въ лобъ. Невдалекѣ засверкала узкими извилинами не вполнѣ еще разставшаяся съ туманомъ широкая, но мелкая, удобно-проходимая въ бродъ рѣчка. На ея берегахъ остановились для послѣдняго отдыха, передъ боемъ. Здѣсь же разбивался перевязочный пунктъ. Санитары и фельдшера трудились надъ размѣщеніемъ навѣсовъ для будущей работы хирурговъ. Въ порядкѣ расположившіеся лазаретные фургоны и повозки придавали мѣсту остановки видъ полевого госпиталя. Около санитарныхъ экипажей виднѣлись смягчая своимъ присутствіемъ суровую, военную картину, сестры милосердія, въ безукоризненно чистыхъ передникахъ и въ ослѣпительныхъ на солнцѣ бѣлыхъ головныхъ платкахъ. И офицеры, и солдаты были сосредоточены, будто каждый дѣлалъ себѣ провѣрку; многіе почувствовали потребность потрогать крестъ, а то, взглянувъ, и поцѣловать его съ воспоминаніемъ о далекихъ деревнѣ, селѣ, городѣ и оставленныхъ тамъ близкихъ.

Терпиловъ, произведенный передъ мобилизаціей въ поручики и уже командовавшій ротою, обошелъ всѣхъ своихъ людей, пытливо взглядывая въ глаза каждому, какъ бы рѣшая, на кого можно положиться, и взвѣшивая вѣроятность, съ кѣмъ, въ случаѣ если онъ самъ останется въ живыхъ, увидится послѣ битвы? Потомъ онъ отошелъ въ сторону, сѣлъ и задумался, то и дѣло спрашивая себя: «что то будетъ, что-то будетъ?» Этотъ вопросъ неотвязчиво стоялъ и передъ другими.

Къ нему подошелъ молодой, меньше года служившій прапорщикъ, и скорбно, съ внутренней болью на лицѣ, сказалъ тихо, оглядываясь, чтобы не услыхалъ кто-нибудь изъ солдатъ:

— Вотъ вспомни, что я буду убитъ въ числѣ самыхъ первыхъ. У меня съ вечера предчувствіе.

— Фу, какія глупости! И потомъ охота тебѣ на себя напускать,— отвѣтилъ, какъ можно успокоительнѣе, Викторъ, думая въ то же время: «очень можетъ быть!»

Прапорщикъ Чурбашкинъ все тосковалъ, что позиція наша кажется удивительно открытой, и старательно освѣдомлялся о количествѣ артиллеріи при отрядѣ, и какъ и гдѣ она будетъ расположена.

Вслѣдъ за офицеромъ, убѣжденнымъ въ своей скорой смерти, къ Терпилову подошелъ капитанъ-острякъ и заявилъ: «что, оно, конечно, для воина сраженіе вещь святая, но нѣтъ основанія

до встрѣчи съ противникомъ отказывать себѣ въ удовольствіи, безъ потери, понятно, благоразумія, уничтожить двухъ-трехъ враговъ рода человѣческаго!» Однако, не желая никого вводить во искушеніе и опасаясь нежелательнаго примѣра для солдатъ, капитанъ, потоптавшись на мѣстѣ, пошелъ къ фургонамъ, чтобы, схоронившись въ кустахъ, расправиться по-свойски съ частью содержимаго огромной, висѣвшей черезъ плечо, фляги.

Терпиловъ, машинально слѣдуя за уходящимъ, остановилъ глаза на добромъ лицѣ стоявшей шагахъ въ двадцати отъ него сестры милосердія почтенныхъ лѣтъ. Она ласковымъ, невозмутимо спокойнымъ выраженіемъ лица живо напоминала Виктору мать, всегда его благословлявшую, когда онъ уходилъ надолго или если ему предстояло что-нибудь серьезное.

Онъ поднялся, съ минуту простоялъ въ задумчивости и рѣшительно подошелъ къ сестрѣ милосердія.

— Сестрица! У меня къ вамъ просьба,—снимая фуражку, сказалъ онъ ей, смотря дѣтскимъ лучистымъ взглядомъ на встрепенувшуюся женщину.

— Что у васъ?—поторопилась она спросить и по привычкѣ стала глазами искать своего доктора.

— Отойдемъ, пожалуйста, на нѣсколько шаговъ такъ, чтобы насъ не было замѣтно,—попросилъ офицеръ.

Удивленіе сказалось во всей фигурѣ сестры; но она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ крайнему фургону, спросивъ на ходу строгимъ, офиціальнымъ тономъ:

— Что же вамъ собственно угодно?

— Благословите меня передъ дѣломъ, какъ дома крестила меня моя матушка!—безъ всякаго жеманства продолжалъ свою просьбу Терпиловъ.

— Ахъ, вотъ что!—ласковымъ, проникавшимъ въ душу голосомъ отвѣтила сестра. Ей тотчасъ припомнились умиравшіе солдаты, просившіе, передъ отходомъ въ вѣчность, напутствія у «милосердной сестрицы», и она посмотрѣла на стоявшаго офицера такъ, какъ дано въ удѣлъ смотрѣть только изъ ряду вонъ добрымъ женщинамъ, будь то мать или сестра, жена или возлюбленная, сочувствующая, просто знакомая или обязанная оберегать человѣка по долгу службы женщина.

Викторъ сдѣлалъ шагъ впередъ и почтительно склонилъ обнаженную голову. Сестра три раза перекрестила его, тихо и съ чувствомъ произнося при этомъ:

— Господи, спаси васъ! Сохрани здравымъ и невредимымъ! — потомъ она опустила руку въ свою сумочку, торопливо порылась и, доставъ аккуратно свернутый маленькій пакетикъ, взяла одинъ изъ хранившихся тамъ серебряныхъ крестиковъ, протянула его офицеру, и мягко, груд-

нымъ голосомъ, какъ говорятъ монахини во время обѣтовъ, сказала ему:

— Возьмите пожалуйста! Освященный — отъ Иверской!

Терпиловъ горячо поблагодарилъ, крѣпко поцѣловалъ руку у сестры и вернулся къ своему мѣсту уравновѣшеннымъ, съ особымъ чувствомъ умиротворенности и съ сознанiемъ, что теперь все будетъ гораздо лучше.

III.

Лишь только подошелъ Викторъ къ своей ротѣ, какъ по отряду пронеслось отдаваемое вполголоса приказанiе трогаться. Всѣ перекрестились, наружно или мысленно. Отойдя отъ рѣчки на нѣсколько сотъ шаговъ, полкъ перестроился въ боевой порядокъ - и была пора, потому что не прошли батальоны еще и полуверсты, какъ стали раздаваться съ укрѣпленiй, плохо видимыхъ невооруженнымъ глазомъ, сперва рѣдко, а потомъ чаще и чаще орудiйные выстрѣлы. Непрiятельскiе снаряды, впрочемъ, зарывались въ землю, не разрываясь, и вообще не приносили пока никакого вреда. Видимо противникъ еще не пристрѣлялся, и неудачная его стрѣльба оживила людей, вызывая иногда шутки.

— Мы-то не шумимъ, а вотъ они-то не хо-

тять слушаться приказа!—сказалъ капитанъ своему младшему офицеру.

— Извѣстно, ваше высокоблагородіе! - попробовалъ, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, вмѣшаться въ «господскій разговоръ», фельдфебель: — народъ — суета! Неспокойственный!

- Ну, тамъ суета - не суета, это ихъ дѣло! А ты у меня смотри, чтобы ни одна каналья отставать не вздумала! — флегматично осадилъ фельдфебеля капитанъ.

Между солдатами въ остроуміи упражнялись преимущественно пѣсенники, плясуны и забубенные головушки: «ёнъ по православному воинству коситъ»! -замѣчалъ одинъ. — «Климатъ жаркій! вотъ отъ пота порохъ и засырѣлъ у него! Ничего не подѣлаешь!» —вторилъ другой.

Скоро однако шутки кончились, и ко всѣмъ вернулось строго-серьезное настроеніе, когда турецкая граната пронеслась, не то шипя, не то свистя, и, разорвавшись, выбила изъ строя девять человѣкъ.

Отрядъ наступалъ молча, не отвѣчая на открывшуюся по немъ стрѣльбу, точно презирая угрозы своего врага. До главнаго укрѣпленія, ясно уже выглядывавшаго какой-то сумрачной, сѣрой, грозной массой, не желавшей никому принадлежать кромѣ своихъ хозяевъ, оставалось менѣе двухъ верстъ.

Вдругъ мрачная вершина вражьяго холма освѣтилась на мгновеніе двойной полосой огня (оборона была двухъярусная): и два оглушительные орудійные залпа слились въ одинъ, а вслѣдъ за ними частымъ градомъ затрещали безъ прицѣла поднятыя магазинки, заставившія непотерявшихъ наблюдательности нашихъ солдатъ удивляться: «какъ ёнъ далече бьетъ!»

— Пошла писать губернія!—проворчалъ капитанъ.

Дальше не было ни надобности, ни возможности скрывать линію наступленія и двигаться безъ поддержки огня. Батарея за батареей стали лихо выноситься на позиціи и мгновенно открывать пальбу, внося въ непріятельскіе таборы смерть, разрушеніе и смуту. Массовой поединокъ разгорѣлся во всю свою ширь!

Ротамъ капитана-завсегдатая и Терпилова было приказано, зайдя, какъ можно лѣвѣе, оттуда продолжать наступленіе, отнюдь не прерывая связи съ другими частями. Двигаясь полуоборотомъ къ намѣченному мѣсту, Терпиловъ увидѣлъ на взрытомъ пулями и осколками гранатъ небольшомъ пригоркѣ трупъ подходившаго къ Виктору на рѣчкѣ молодого прапорщика. Онъ лежалъ съ распростертыми руками, съ подогнутыми точно отъ корчи ногами, и съ насквозь пробитымъ, вискомъ.

На секунду невольно, съ глубокимъ состра-

ланіемъ задержался Терпиловъ около тѣла товарища.

— Угадалъ! —глухо сорвалось съ запекшихся отъ жары и утомленія губъ поручика.

— Такъ точно, ваше благородіе! Енъ вонъ откуда дѣйствуетъ! — показалъ рукой на холмъ жалонеръ, считавшій невѣжливымъ оставлять безъ отвѣта высказанное офицеромъ какъ бы предположеніе.

Сраженіе начинало походить на бойню: болѣе половины наличнаго состава офицеровъ полка было убито и ранено, а изъ солдатъ до тысячи человѣкъ, т. е. четвертая часть.

Но вотъ неясно, потомъ отчетливѣе и отчетливѣе, перекатами справа, слышится по всей линіи «ура»: малое укрѣпленіе было взято. Артиллерія, усилившись подкрѣпленіями, неустанно громила упорнаго врага, посылая снаряды черезъ головы своей пѣхоты.

Успѣхъ переходилъ на нашу сторону.

Терпиловъ оглядѣлся и, замѣтивъ, что онъ зарвался, подавшись слишкомъ впередъ, и, помня предписаніе не терять связи, остановилъ роту, выжидая приближенія другихъ. Счастье ему улыбнулось: можно было расположиться во рву, а впереди лежавшая складка мѣстности дѣлала его роту почти неуязвимой, и онъ могъ безнаказанно обстрѣливать непріятельскія траншеи. Люди вздохнули свободнѣе: смерть какъ-бы отходила отъ

нихъ на неопредѣленное пространство и время. Пользуясь своимъ исключительнымъ, выгоднымъ расположеніемъ, рота открыла увѣренный, мѣткій, непрерывный огонь. Иногда шутники-стрѣлки, у которыхъ чрезмѣрно разогрѣлись ружья, чтобы дать послѣднимъ остудиться, прекращали стрѣльбу и, надѣвъ на штыкъ фуражку, высоко поднимали винтовки, вызывая этимъ усиленный огонь турокъ. Какимъ-то короткимъ, обрывистымъ смѣхомъ встрѣчали солдаты рой пуль, нѣтъ нѣтъ да и пробивавшихъ фуражки, но оставлявшихъ всегда нетронутыми ихъ обладателей. Однако видно было, что рота Терпилова, по приносимому вреду, стала не въ моготу обороняющемуся. И вотъ къ полному изумленію не только Терпилова, а и простыхъ рядовыхъ, изъ-за турецкихъ закрытій маршъ-маршемъ выносятся два орудія, чтобы на близкомъ разстояніи покончить съ неустанно-стрѣляющими, залегшими во рву гяурами. Эти турецкіе артиллеристы шли на вѣрную гибель: ихъ велъ или фанатикъ служебнаго долга, ислама и любви къ родинѣ, или нумера *) были напоены возбуждающимъ напиткомъ, въ родѣ особо приготовленной бузы,—такое поощреніе храбрости практиковалось, напримѣръ, въ Сулеймановскихъ войскахъ.

Дерзкія два орудія, несшіяся на вѣрную гибель, приковали все вниманіе Терпилова. Съ пер-

*) Нумерами называется прислуга у орудій.

ваго момента ихъ появленія онъ слѣдилъ за ними лихорадочными глазами: такъ смотритъ пьяница, послѣ томительнаго выжиданія на подносимую ему, въ роковое время, рюмку водки. Все позабыто. Двѣ мысли острымъ гвоздемъ впились въ взбудораженный мозгъ: овладѣть этими бѣшеными, презирающими смерть орудіями и, какъ результатъ, получить возможность украситься завѣтнымъ бѣлымъ крестомъ.

— Не стрѣлять по орудіямъ, пока не прикажу!—возбужденно-громко прокричалъ онъ.

Ему вспомнилось, что, по крайней мѣрѣ, четвертая часть его роты бьетъ безъ промаха на извѣстныхъ разстояніяхъ.

— Несчастные!—точно отдавая дань геройству противника, обмолвился Викторъ; но жажда захвата орудій и впереди георгіевскій крестъ—заглушили не только разсѣявшееся, какъ струйка дыма при вѣтрѣ, состраданіе, а и чувство самосохраненія. Онъ привсталъ, обнаруживая себя, для пораженій, больше, чѣмъ на половину, и быстро оглянулся направо, налѣво и назадъ,

Нѣтъ вблизи никого: добыча не должна и не можетъ ускользнуть изъ его рукъ.

А орудія снялись съ передковъ въ шестистахъ шагахъ.

Еще не успѣли шевельнуться, для отъѣзда, передки остановившихся орудій, какъ Терпиловъ дико-хриплымъ голосомъ заоралъ:

— Теперь закатывай! — въ увлеченіи выкрикивая команду неуставными словами.

Только по выстрѣлу успѣли дать сумасбродно вынесшіеся орудія, какъ уже ихъ прислуга и лошади были перебиты. Орудія стояли безпомощными, охраняемыя теперь лишь рѣдкими выстрѣлами ихъ далекихъ собратій, да безтолковой, все больше ослабѣвавшей трескотней изъ траншей.

Точно загипнотизированный идеей захвата орудій Терпиловъ, вырвавъ изъ кобуры револьверъ одной рукой, другой высоко поднимая саблю и махая ею, выскочилъ изъ охранявшаго его убѣжища и съ крикомъ «ура-ра-ра! а, а!» —ринулся впередъ, ничего не видя передъ собой кромѣ, будто два большіе глаза, смотрѣвшихъ на него дульныхъ отверстій.

На половинномъ разстояніи отъ такъ неудержимо-страстно желаемаго мѣста, Терпилова точно что около праваго плеча хлестнуло; онъ немного подался назадъ и, задѣвъ ногами за торчавшіе сухіе корешки прошлогодней кукурузы, опрокинулся и упалъ на спину, сильно ударившись позвоночникомъ о кукурузникъ.

Ближайшіе солдаты бросились поднимать офицера.

Терпиловъ былъ ошеломленъ, но не надолго; оправившись, онъ съ новой энергіей бросился впередъ, но дальше была неудобная, изрытая, почва, и когда онъ добѣжалъ до орудій, то на

одномъ изъ нихъ полулежалъ капитанъ-завсегдатай, обнимая обѣими руками тѣло орудія и поливая его текшей изъ груди кровью, а часть людей капитанской роты вытягивала орудійные замки. Сзади слышалось все громче и увѣреннѣе раздававшееся ура, одна за одной, колеблющимися, извилистыми линіями, наступавшихъ частей.

Трескотня изъ непріятельскихъ окоповъ сразу стихла, укрѣпленіе замолчало, и на немъ былъ выкинуть огромный, замѣтный издали бѣлый флагъ, а съ нимъ, по крайней мѣрѣ на этотъ день, пропадала для Терпилова надежда на полученіе бѣлаго креста...

Викторъ былъ контуженъ въ плечо. Контузія не причиняла никакой боли, но зато ушибленная спина нѣсколько дней болѣла невыносимо; однако, Терпиловъ и не думалъ безпокоить врачей, заваленныхъ по горло работой, днемъ и ночью перевязывавшихъ раненыхъ, дѣлавшихъ такія сложныя ампутаціи, что случайно присутствовавшій на двухъ изъ нихъ Викторъ, благодаря Бога за свое спасеніе, изводился за несчастныхъ страдальцевъ до глубины души и нисколько не завидовалъ капитану-завсегдатаю, получившему Георгій такой дорогой цѣной. Виктору даже и въ голову не приходило заручиться на будущее перевязочнымъ свидѣтельствомъ *) объ ушибѣ и контузіи.

*) Перевязочное свидѣтельство отъ врачей перевязочнаго пункта о ранахъ, ушибахъ и контузіяхъ имѣетъ огромное значеніе, для причисленія къ тому или другому пенсіонному разряду.

Капитанъ, въ началѣ боя раненый въ мякоть руки, не оставилъ поля битвы, но вторая рана принудила его покинуть Турцію совсѣмъ. Онъ былъ эвакуированъ въ Россію, гдѣ, благодаря сильной натурѣ, хорошему уходу и тому, что легкое не было задѣто, поправился настолько, что могъ продолжать службу въ строю.

Чурбашкину въ этомъ памятномъ для полка дѣлѣ повезло: лишь только начался бой, онъ былъ легко раненъ пулей, чуть занѣшившей конецъ одного изъ пальцевъ лѣвой руки. Поступивъ благоразумнѣе очень многихъ и не брезгая перевязочнымъ пунктомъ, онъ оставался тамъ, дожидаясь очереди, и, по оказаніи ему помощи, вернулся въ строй, уже за нѣсколько минутъ до сдачи укрѣпленія. Выходило: что онъ былъ въ дѣлѣ, будучи раненымъ, и, настойчиво, гдѣ требовалось, подчеркивая это, онъ добился представленія къ наградѣ свыше очередной.

На встрѣчѣ встрѣча.

Ожидалось вступленіе въ городъ полка. Городъ этотъ былъ уѣздный, но по количеству населенія и по своей бойкости оставлялъ за собою многіе—губернскіе. Тонъ городской жизни давало богатое купечество, имѣвшее первенствующее значеніе.

Встрѣча полку—новому постояльцу—была сдѣлана самая торжественная. Послѣ молебствія на городской чертѣ, полкъ съ музыкой и пѣсенниками тронулся по разукрашеннымъ флагами улицамъ къ городской думѣ, гдѣ былъ приготовленъ отъ города обѣдъ.

Музыка передъ головнымъ батальономъ гремѣла непрерывно, долетая до второго и третьяго—въ отдѣльныхъ, обрывистыхъ ударахъ турецкаго барабана. Зато съ тѣмъ большимъ рвеніемъ удалью и свистомъ, громыхая бубнами, звеня тарелками, пѣсенники этихъ батальоновъ выкрикивали:

И стрѣлки, и всѣ солдаты—
Безпардонный все народъ!
Берегитесь супостаты,
Коли мы пойдемъ впередъ,—

выкрикивали они на устрашеніе невѣдомаго и во всякомъ случаѣ отсутствующаго врага, на потѣху себѣ и на удовольствіе толпѣ, съ обѣихъ сторонъ провожавшей сплошной стѣной вернувшихся на родину бойцовъ, покрытыхъ побѣдной славой.

Изъ толпы то и дѣло раздавались сердечныя пожеланія и привѣтствія, протягивались мужскія, женскія и дѣтскія руки съ вѣнками и цвѣтами для офицеровъ, съ цвѣтами, папиросами и незатѣйливыми лакомствами для солдатъ. Чѣмъ дальше слѣдовалъ полкъ, тѣмъ больше становился похожимъ на двигающійся цвѣтникъ: даже на многихъ штыкахъ были воткнуты пучки свѣжей зелени.

Впереди Виктора Терпилова, гордо, съ видомъ тріумфатора-главнокомандующаго, шелъ, сколько можно выпячивая грудь, прапорщикъ Чурбашкинъ съ черной перевязью, на которой покоилась рука съ «обручальнымъ кольцомъ». Такъ офицеры называли въ шутку перевязку легко пораненнаго пальца прапорщика. Перевязь надѣвалась лишь тогда, когда, по словамъ ея владѣльца, «начинало что-то подергивать», а подергиванье какъ-то странно всегда совпадало съ необходимостью или вѣроятностью быть въ большомъ обществѣ. Чурбашкинъ, по обилію полученныхъ цвѣтовъ и вѣнковъ, уподоблялся грандіозному кусту въ пору полнаго цвѣтенія.

По простой ли случайности или вслѣдствіе

скромной, не бросавшейся въ глаза фигуры Терпилова, па голову ниже, рядомъ съ нимъ маршировавшаго, унтеръ-офицера, но только онъ одинъ, изъ всѣхъ около его бывшихъ солдатъ и офицеровъ, оставленъ былъ безъ всякаго знака вниманія въ этихъ все разгоравшихся оваціяхъ.

Чувство ѣдкой горечи незаслуженной обиды ядовитой змѣйкой закралось въ душу Виктора, и онъ, самъ тому удивляясь, началъ завидовать даже Чурбашкину. При всякой другой обстановкѣ, предпочтеніе, оказанное носителю «обручальнаго кольца», его бы только разсмѣшило; но при этомъ сплошномъ ликованіи, подъемѣ духа и встрѣчавшихъ, и встрѣчаемыхъ, тяжко было сознавать себя какъ бы вычеркнутымъ изъ общаго итога.

«Или я такъ ничтоженъ, или такъ антипатиченъ?» назойливо думалось Виктору. Онъ весь на ходу какъ-то съежился и, поникнувъ головой, казался кругомъ обиженнымъ судьбой.

На поворотѣ въ узкій переулокъ, когда полкъ невольно растянулся, изъ толпы выдѣлилась молодая, хорошенькая дѣвушка. Помимо наружности, простой, но строго выдержанной, изящный костюмъ сдѣлалъ бы ее замѣтной и не на провинціальной улицѣ. Изъ-подъ кокетливо надѣтой шляпки вырывался безпокойный, каштановаго цвѣта локонъ, который вмѣстѣ съ выбившимися, вьющимися, мягкими и тонкими, какъ паутина,

волосками, служилъ подходящей рамкой для свѣжаго, густо-розоваго отъ волненія и стыдливости лица.

Синіе лучистые глаза, окаймленные длинными рѣсницами, такъ и искрились восторгомъ возбужденія; они ласкали, смѣясь, и смѣялись, лаская. Подавшись впередъ всѣмъ своимъ стройнымъ, гибкимъ, точно созданнымъ для рисунка, станомъ, дѣвушка протянула руку, плотно обтянутую свѣтло-сѣрой перчаткой изъ шведской замши, и подала Терпилову небольшой, красиво-подобранный букетъ, перевитый лентами національныхъ цвѣтовъ.

Маленькій пунцовый ротикъ что-то такое лепеталъ, и скорѣе можно было догадываться, чѣмъ понять, что цвѣты подносятся на память радостной встрѣчи желанныхъ побѣдителей.

Удрученное настроеніе, какъ по велѣнію сказочной феи, покинуло Терпилова, когда онъ, принимая цвѣты, взглянулъ на дѣвушку: зависть и чувство обиды замѣнилось съ быстротой молніи радостнымъ возбужденіемъ, расплывавшимся по всѣмъ нервамъ ранѣе обойденнаго вниманіемъ офицера. Онъ тоже не сказалъ, а прерывисто выкрикнулъ:

— Ахъ, благодарю васъ!—и ему хотѣлось, не сводя глазъ съ дѣвушки, вѣчно ее благодарить. Но радоваться и пользоваться жизнью надо было не одному ему; подлѣ колыхалась толпа, со всѣми

ей присущими трагическими, драматическими и комическими положеніями. Слѣдомъ за маленькой ручкой въ шведской замшѣ, протянулась къ тому же Терпилову жилистая, мускулистая, красная рука съ чѣмъ-то металлическимъ, хотя и безъ перчатки, но въ такой естественной, терпкой кожѣ, которая при всякой погодѣ могла съ успѣхомъ замѣнить много дюжинъ перчатокъ. Здоровой атлетической рукой управляла тоже густо-розовая, вѣрнѣе, красная, лукаво-добродушная физіономія купца средняго достатка.

— Родимый, благодѣтель,—вопилъ купецъ:— не обидь, сдѣлай милость: возьми! Самъ изъ оной вкушалъ за здравіе васъ, рассейскихъ витязей!

Было бы верхомъ нелѣпой щепетильности отказать купцу. Терпиловъ взялъ чарку, низко кивнулъ головой и свободную руку приложилъ къ сердцу, въ знакъ глубокой благодарности.

Чистосердечное заявленіе купца о своихъ чувствахъ пришлось по душѣ всѣмъ его окружавшимъ и вызвало долгое, дружное, раскатистое ура, но сослужило дурную службу Виктору: синеокая красавица была оттерта, и по пути въ думу онъ ея болѣе не видалъ.

Лиха бѣда—начало: не успѣлъ кончиться узкій переулокъ, и Терпиловъ уже былъ нагруженъ лентами, кокардами, букетами и вѣнками настолько, что тоже походилъ на цвѣточный кустъ,

непомѣрно разросшійся, если не въ вышину, то въ ширину. Но среди всѣхъ сувенировъ и знаковъ проявленія сочувствія и симпатіи, для Виктора сдѣлался самымъ дорогимъ букетикъ съ національными лентами. Онъ несъ его бережно, опасаясь хоть чуточку помять, и всѣ дальнѣйшіе тріумфы, и все окружающее перестали занимать растроганнаго офицера.

И странно: полный недавно-испытанными боевыми впечатлѣніями, отмѣченной вниманіемъ толпы, шедшій на пиршество, которое должно будетъ напоминать только о боевой жизни, Терпиловъ замечтался на ходу, и мысли его были полны мира, жажды покоя, и среди этихъ думъ невольно, и какъ бы случайно, нѣтъ, нѣтъ—да и промелькнетъ желаніе семейнаго очага съ молодой женой, похожей... похожей—ну, хоть на ту незнакомку которую онъ встрѣтилъ на встрѣчѣ.

Изъ прошлаго гвардейской жизни.

Тридцать лѣтъ назадъ.—Роковая колонна.—Веревка, создавшая репутацію.—Дипломатическій отвѣтъ.—Тяжелыя минуты кавказскаго героя. Дешевая оцѣнка интереснаго положенія. Что страшнѣе смерти?

По случаю празднованія одного изъ юбилеевъ, я, послѣ многолѣтняго перерыва, попалъ въ Михайловскій манежъ, при обстановкѣ, почти тожественной съ тою, при которой, неся строевую службу, приходилось когда-то бывать въ немъ зимою еженедѣльно, а иногда и чаще, благодаря разводамъ, церковнымъ парадамъ и репетиціямъ къ нимъ.

Долженъ сознаться, что когда я переступилъ порогъ входныхъ дверей, меня охватило особое настроеніе: что-то сближало съ давно канувшимъ въ Лету прошлымъ, точно цѣлый рядъ лѣтъ вычеркивался и, проходя мимо генералитета, я невольно подбадривался на ходу, плечи сами-собой откидывались назадъ, грудь выдвигалась впередъ... въ тщетномъ стремленіи заручиться видомъ молодцоватости, а порой даже испытывался нѣкото-

рый, давно забытый трепетъ, что вдругъ услышишь адресованное къ тебѣ: «Извольте отправиться на гауптвахту!» — въ полномъ забвеніи, что никто выправкой отставныхъ не заинтересованъ, да и самая гауптвахта-то для нихъ можетъ быть страшна развѣ только по приговору мировыхъ и иныхъ судовъ.

Вотъ онъ, этотъ, какъ выражались остряки еще севастопольскихъ временъ, военный университетъ, замѣчательное зданіе, гордость строительнаго искусства. Оно все то же, если не считать устройства электрическихъ фонарей и исчезновенія гимнастическаго, особенно мнѣ памятнаго, городка. Все тотъ же утрамбованный полъ, тотъ-же безконечный потолокъ, тѣ-же, попрежнему бросающіяся въ глаза своей массивностью и бѣлизной, привходныя колонны, которыми заядлые курильщики, рискуя попасть подъ-арестъ, пользовались, какъ закрытіемъ отъ строгаго глаза начальства.

Однако, стоило пробыть въ манежѣ десять— пятнадцать минутъ, чтобы иллюзія разсѣялась. Настоящее и было настоящимъ: другія отношенія, иныя требованія, другіе взгляды...

А давно-ли? Или тридцать, тридцать пять лѣтъ большое время не только для каждаго отдѣльнаго лица, а и для суммы существующаго?

Однихъ ужъ нѣтъ!
А тѣ далече...

И всѣ оставшіеся смотрятъ на свѣтъ Божій уже не такъ, какъ смотрѣли на него, выступая на арену житейскую прапорщиками и подпоручиками...

Невыразимо стало мнѣ жаль прошлаго со всѣми его минусами и плюсами и потянуло подѣлиться воспоминаніями съ читателемъ, въ надеждѣ, что что-нибудь и остановитъ его вниманіе.

Теперь я видѣлъ, какъ мимо колоннъ проходили безучастно, не считая которая изъ нихъ первая, вторая, третья... А было время, когда для многихъ была памятна и важна только вторая колонна и даже лишь одна лѣвая сторона ея и позабыть это было рискованно.

Какъ живая, встаетъ передъ глазами мощная, сѣдая фигура начальника дивизіи, человѣка добраго, отзывчиваго ко всѣмъ нуждамъ подчиненныхъ, но относительно строя самаго требовательнаго педанта. Провѣряя подготовку къ важному для полка смотру, онъ всегда напоминалъ командиру головной роты:

«Пожалуйста, чтобы правофланговый шелъ прямо на лѣвую сторону второй колоны! Иначе ничего не выйдетъ».

Прохожденіе началось и не удовлетворяло требованіямъ генерала.

— «Поручикъ!» обращается онъ къ командующему ротой,—кстати замѣтить настроенному мечтательно, какъ собиравшемуся не нынче, завтра

сдѣлать предложеніе нравившейся ему дѣвушкѣ,—«на что шелъ правофланговый?».

— «На правую сторону второй колоны, ваше превосходительство!» —торопится отвѣтить поручикъ.

— «Ну, вотъ, ну, вотъ!» уже начинаетъ раздражаться генералъ—«на лѣвую! помните лѣвую! Иначе ничего не выйдетъ!»—

Загремѣла музыка. Пошли и опять направленіе не на желательной высотѣ.

— «На что шелъ правофланговый?»—кричитъ генералъ, встряхивая въ волненіи плечами, «на что?»

— «На лѣвую сторону третьей колонны!»—послѣдовалъ фатальный отвѣтъ, повлекшій для сдѣлавшаго его трехдневное содержаніе на гауптвахтѣ.

Но злоключеніе бѣднаго поручика арестомъ не кончилось. Убѣдившись въ грусти одиночества, онъ, по освобожденіи отъ перенесенной Немизиды, поторопился привести задуманное въ исполненіе; но увы! дѣвушка совсѣмъ не вышла къ нему, а предполагавшійся будущій тесть, встрѣчавшій ранѣе поручика съ распростертыми объятіями, заковалъ себя въ такой холодъ, что о дѣланіи предложенія не стоило и думать. Проектировавшійся тесть—коммерціи совѣтникъ или совѣтникъ-же отъ мануфактуръ за основу бытія своего признавалъ, что раздражать начальство—

непорядокъ. Между тѣмъ хорошій знакомый поручика, самъ желавшій пристать къ берегу, на который заглядывался и офицеръ, пользуясь близостью къ послѣднему, присвоилъ у того на квартирѣ приказъ объ арестованіи, представивъ этотъ приказъ коммерціи совѣтнику, какъ доказательство рискованности вручать судьбу дщери человѣку, способному попасть хотя-бы и во временное заточеніе. Папаша, а съ нимъ и дочка, вспомнивъ, что у предателя трехъуголка съ плюмажемъ и мундиръ красивъ немснѣе гвардейскаго, не возражали и дочка вмѣсто будущей поручицы была объявлена будущей коллежской ассесоршей.

Если манежъ не былъ скупъ на тернія, то вмѣстѣ съ тѣмъ многимъ, угоднымъ судьбѣ, онъ дарилъ и розы. Въ числѣ такихъ удачниковъ былъ офицеръ, занимавшій должность батальоннаго адъютанта. Въ тѣ времена количество труда, сопряженнаго съ обязанностями батальоннаго адъютанта, было таково, что создалась даже зависть къ его безпечальной жизни; причемъ говаривали, что въ полкахъ лучше всего живется: батальонному адъютанту, тамбуръ-мажору и полковому козлу. Казалось бы, гдѣ тутъ отличиться? А одинъ изъ адъютантовъ, и какъ разъ болѣе другихъ смотрѣвшій на службу съ точки зрѣнія любителя, благодаря манежу, былъ отмѣченъ и на долго пріобрѣлъ славу расторопнаго, дѣльнаго офицера.

Пришли мы какъ-то въ манежъ, для репетиціи церковнаго парада, развернулись въ линію. Думаю: «сейчасъ выравняемся и пойдетъ дальше все по заведенному порядку».

Не тутъ-то было. Около хора музыкантовъ происходитъ необычное движеніе. Смотрю туда и вижу какую то машину, вродѣ древней катапульты, впрочемъ ни въ одномъ курсѣ артиллеріи не описанной; главными составными частями машины были вертящаяся катушка и намотанная вокругъ ея веревка.

Самъ изобрѣтатель, захвативъ конецъ веревки, начинаетъ, точно бѣлка въ колесѣ, мелькать мимо растянутаго фронта и дѣлается едва замѣтнымъ, остановившись у противоположной, поперечной стѣны; тамъ онъ сдаетъ конецъ ефрейтору, съ приказаніемъ тянуть веревку по землѣ возможно сильнѣе, а самъ бѣжитъ съ прежней быстротой на середину. Веревка подымается кверху и, вдругъ отпущенная, хлестко ударяется о песокъ, оставляя на немъ борозду; послѣ чего съ удивительной скоростью свертывается и задача быстраго выравниванія благополучно разрѣшена.

Если изобрѣтательность счастливое свойство человѣческаго ума, то и находчивостью можно предупредить многія щекотливыя положенія. Всѣ мы въ томъ же манежѣ были разъ восхищены догадливостью одного полковника, сразу разсѣявшей охватившее было смущеніе его по рангу

стоящихъ. Дѣло въ томъ, что однажды, послѣ удачнаго смотра, къ офицерамъ подошло лицо, занимавшее очень высокое положеніе и интересовавшееся полкомъ промежутками, иногда превышавшими даже годовой срокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ любившее показать, что въ его памяти хорошо удерживаются фамиліи всѣхъ, чуть ли не до послѣдняго прапорщика.

— «Кажется все прежніе?» — говоритъ подошедшее начальство, привѣтливо кланяясь и, смотря на ближе другихъ къ нему стоявшаго полковника, спрашиваетъ его тономъ, въ которомъ звучитъ сомнѣніе: угадалъ или нѣтъ, — «полковникъ X?»

Спрошенный, носившій другую фамилію, не смущаясь отвѣчаетъ:

— «Такъ точно, ваше—ство, онъ до сихъ поръ командуетъ вторымъ баталіономъ!»

— «А что же я его не вижу?» — уже увѣренно задаетъ новый вопросъ начальство, вѣроятно довольное въ душѣ дипломатическимъ отвѣтомъ.

Дѣйствительный полковникъ X торопится отдѣлиться изъ групны офицеровъ. Ему милостиво кланяются и начальство, заявивъ командиру полка:—«а полкъ, какъ всегда, молодцомъ выглядитъ!»—отходитъ въ сторону, чтобы снова освѣдомиться объ офицерствѣ черезъ годъ, а можетъ быть и больше.

8

Съ тѣхъ поръ находчивый штабъ-офицеръ или назначался начальствомъ, или выбирался обществомъ офицеровъ. во всѣ, какія только были собираемы комиссіи.

Обратно только что переданному, находились люди, для которыхъ манежъ и все тамъ творившееся, представлялись какимъ то жупеломъ, огненнымъ потокомъ, готовымъ нежданно-негаданно подхватить и праваго, и виноватаго и, съ одинаковымъ равнодушіемъ, обратить въ пепелъ и того, и другого.

Типичнѣйшимъ представителемъ въ этомъ отношеніи былъ уже давно скончавшійся, славный товарищъ, безконечно добрый, какъ къ подчиненнымъ офицерамъ, такъ и къ нижнимъ чинамъ, полковникъ Д—ъ, хорошо извѣстный большинству старыхъ офицеровъ гвардейской пѣхоты. Напоминавшій своей замѣтной фигурой, курчавыми, черными волосами и профилемъ лица арапа Петра Великаго, старый кавказскій герой, заслужившій въ своихъ безчисленныхъ стычкахъ и экспедиціяхъ два георгіевскихъ знака для нижнихъ чиновъ, а затѣмъ золотое оружіе за храбрость и офицерскій георгіевскій крестъ, полковникъ Д. былъ переведенъ въ гвардію по личной волѣ Императора Александра II. Даже въ рядахъ кавказскихъ войскъ, въ самый кипучій періодъ ихъ дѣятельности, когда отвагой и мужествомъ на Кавказѣ было кого-нибудь удивить трудно,

полковникъ Д. былъ извѣстенъ по своей изъ ряда вонъ выдававшейся храбрости. Раненый и контуженный, бившійся въ рукопашныхъ стычкахъ часто одинъ противъ десяти горцевъ, полковникъ Д. давно привыкъ самой страшной опасности смотрѣть въ лицо спокойными глазами. Между тѣмъ онъ въ манежѣ оказывался безпомощнымъ, какъ слабое дитя. Жилы на лбу надувались, онъ багровѣлъ, потъ крупными каплями выступалъ на лицѣ, онъ несомнѣнно переживалъ тяжелыя минуты и все это имъ испытывалось ради своевременнаго произнесенія одного слова! да, одного слова — «прямо»! по которому его роты должны будутъ двинуться впередъ, для прохожденія мимо начальства.

Въ концѣ концовъ, не осиливъ тайны соблюденія безупречныхъ интерваловъ, полковникъ Д. вошелъ въ соглашеніе съ молодымъ поручикомъ, завѣдывавшимъ учебной командой и владѣвшимъ тонкостями манежныхъ упражненій, какъ знаменитый виртуозъ своимъ смычкомъ. Поручикъ дѣлалъ незамѣтный для другихъ знакъ, по которому мучительное слово срывалось съ устъ полковника и дѣлалось, въ подходящей для того моментъ, достояніемъ ведомой части. Время-же, когда полковникъ Д. парадировалъ лично мимо начальства, было для этого офицера прямо-таки пыткой и я самъ слыхалъ, какъ онъ совершенно искренно и серьезно говаривалъ:

— «Да-съ, я вамъ скажу, на аулы ходить куда проще! Да-съ, много спокойнѣе!»

Подобно полковнику Д., неумѣньемъ справляться съ пустяками мирнаго времени и безпочвеннымъ страхомъ начальства выдѣлялся одинъ прапорщикъ. Всякій начальническій взглядъ вліялъ на него буквально такъ же, какъ дѣйствуетъ созерцаніе очковой змѣи на сидящую противъ нея пичужку.

Онъ начиналъ безъ толку суетиться, терялся, не могъ справиться съ самыми нехитрыми построеніями, а отъ замѣчаній и малѣйшаго окрика блѣднѣлъ и начиналъ нервно трястись. Удивительнѣе всего, что годами онъ былъ на много старше всей полковой молодежи и въ частной жизни превосходилъ, конечно, ее своей опытностью. Онъ поступилъ на военную службу по особому къ ней влеченію, поздно, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ былъ учителемъ математики въ одной изъ провинціальныхъ гимназій. И онъ, кандидатъ математическихъ наукъ, быстро и легко рѣшавшій на бумагѣ самыя сложныя геометрическія и тригонометрическія задачи, часто, отъ приступа непонятной робости, затруднялся такой простой вещью, какъ завести свои взводъ въ параллельное положеніе первому, головному. А затѣмъ, тотъ же прапорщикъ, въ послѣднюю турецкую войну, отличался не только замѣчательнымъ мужествомъ, но удивлялъ това-

рицей полнѣйшимъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ въ часы, когда смерть неустанно летала вокругъ и около.

Боязнь прапорщика передъ своимъ начальствомъ надумала утилизировать одна demi-vièrge, довольно близко извѣстная не одному изъ молодыхъ офицеровъ. Но тѣ, послѣ легкихъ и быстрыхъ побѣдъ, отступая, успокоивали расходившіеся нервы «барышни»; если принадлежали къ лагерю мечтательныхъ, букетомъ средней стоимости, а сочувствовавшіе практическимъ воззрѣніямъ Собакевича ограничивались двумя—тремя фунтами конфектъ или болѣе или менѣе изящнымъ колечкомъ изъ наружныхъ лавокъ Гостиннаго двора.

Съ прапорщика же полудѣва рѣшила взять дань болѣе основательную. Онъ рискнулъ не испугаться предъявленнаго при разлукѣ ультиматума и не повѣрить заявленію коварной женщины, что она будетъ искать пріобрѣтенія золотого руна, хотя бы даже путемъ жалобы командиру полка.

Онъ ошибся. Demi-vièrge, сфабриковавъ себѣ, съ помощью подушки или другихъ комбинацій, интересное положеніе, явилась, съ видомъ оскорбленной невинности, къ командиру съ жалобой на погубителя. Извѣстный въ свое время всему Петербургу красавецъ и знатокъ женщинъ,—командиръ полка, конечно, сейчасъ же понялъ, какого рода поруганная добродѣтель проситъ его

не столько суда, сколько милости, и принялъ жаловавшуюся съ такимъ олимпійскимъ величіемъ, что та съ перепугу, вмѣсто выраженія желанія сдѣлать намѣченнаго офицера своимъ ежегоднымъ данникомъ на двѣсти пятьдесятъ рублей, стала безсвязно лепетать:

— Прапорщикъ.... ваше превосходительство.... дѣвушка... сколько можно. .

— По-о-звольте! прервалъ безсмыслицу командиръ,—я собственно не понимаю, что вамъ угодно? У меня очень мало времени. Я попрошу васъ опредѣленнѣе и, главное, скорѣе!

Просительницѣ показалось, что потолокъ командирской квартиры начинаетъ ее давить, а полъ подъ ея ногами проваливаться.

— Пожалуйста-же! — послышалось приглашеніе ускорить просьбу.

— Двадцать пять рублей!—сорвалось съ языка въ конецъ смутившейся дѣвицы.

— Очень хорошо! Вы ихъ получите!—безапелляціонно рѣшилъ командиръ, показывая всѣмъ своимъ видомъ, что аудіенція окончена.

Покусившаяся атаковать имущественныя блага прапорщика, поспѣшно начала отступать къ дверямъ, въ нихъ, однако, задержалась, воспроизвела книксенъ и томно пробормотавъ:—о! danke! danke! — спустилась съ лѣстницы съ быстротой рикошетировавшаго ядра.

Для разъясненія претензіи командиръ даже

не потребовалъ прапорщика, а приказалъ адъютанту передать тому, что онъ, командиръ, не желаетъ, чтобы къ нему обращались съ подобными просьбами и предлагаетъ прапорщику вознаградить просительницу, находя, что та спросила «очень дешево»!

Хотя адъютантъ, передавая прапорщику состоявшееся рѣшеніе, едва удерживался отъ смѣха, бѣдный прапорщикъ мучился такъ, какъ вѣроятно не страдалъ ни одинъ изъ его былыхъ учениковъ при разрѣшеніи самой головоломной задачи. Каждое адъютантское слово производило на него несомнѣнно болѣе жгучее впечатлѣніе, чѣмъ только что разрядившійся картечный выстрѣлъ, а мнѣ, бывшему случайнымъ свидѣтелемъ пережитой невзгоды товарища, вспомнился отвѣтъ новобранца изъ первой партіи, которую мнѣ довелось учить тотчасъ послѣ выпуска въ офицеры.

Желая пріучить новобранцевъ къ находчивости, я иногда предлагалъ имъ вопросы, не относящіеся къ предметамъ, на которыхъ должно бы было сосредоточиваться ихъ вниманіе въ данное время.

— Ну-ко, Ковальковъ, живо! Что, по твоему, должно быть страшнѣе смерти?—спросилъ я какъ-то новобранца.

— Дяденька *) Илья Панкратычъ!—быстро от-

*) Такъ новобранцы называютъ приставленныхъ къ нимъ солдатъ-руководителей первоначальнаго обученія.

вѣтилъ Ковальковъ, а по разлившемуся слѣдомъ на его лицѣ смущенію можно было догадаться, что онъ считаетъ себя давшимъ маху, поторопившись откровенностью.

— Что такъ? Сильно дерется, что-ли?—спросилъ я, но Ковальковъ уже, какъ говорится, успѣлъ уйти въ себя и добыть изъ него истину было дальше затруднительно, или, вѣрнѣе, прямо-таки невозможно.

Пришлось особенно внимательно начать слѣдить за Ильей Панкратычемъ и повести дѣло такъ, что, кажется, я началъ представляться ему чѣмъ-то горшимъ смерти: но за то довѣренные не въ мѣру взыскательному дядькѣ новобранцы вздохнули свободнѣе, въ народившемся вѣроятно въ нихъ сознаніи, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ.

II.

Крылатыя слова.—Привычка—вторая натура или себѣ дороже стоитъ.—Мучительное недоразумѣніе.

Въ тѣ времена только, только начиналось гоненіе на всероссійскую пословицу: будто бы брань на вороту не виснетъ! И само собой, какъ при всякомъ соприкосновеніи старыхъ привычекъ съ новыми, еще не успѣвшими пустить прочныхъ корней, правилами нѣтъ, нѣтъ,—да и происходили разныя qui pro quo.

Мнѣ, какъ надо думать и другимъ, очень многимъ, пришлось, на одномъ изъ ученій, перенести великій конфузъ изъ-за не во время сорвавшагося крылатаго слова, впрочемъ очень скоро утратившій свои горечь и остроту, такъ какъ кончилось все чѣмъ то въ родѣ водевиля съ переодѣваніемъ, хотя первый актъ его для меня лично носилъ всѣ зачатки трагедіи.

Тотъ же генералъ, о которомъ было говорено, какъ о требовавшемъ направленія на роковую колонну, смотрѣлъ степень подготовки ротныхъ ученій въ полку. Была вызвана рота, въ которой я командовалъ 2-мъ взводомъ (нынѣ полуротой). У меня былъ извѣстный гвоздикъ въ головѣ или для многихъ заядлыхъ строевиковъ понятная слабость —требовать, при командѣ «стой», когда людямъ приходилось съ моментомъ остановки сбрасывать ружья, чтобы ни одинъ штыкъ на застревалъ, не болтался, а всѣми единовременно ружья ставились въ требуемое положеніе. Еще за нѣсколько дней до смотра у меня не было причинъ сѣтовать въ этомъ отношеніи на людей своего взвода.

Другой конекъ, на которомъ я любилъ кататься, былъ стремленіе, пользуясь здоровыми легкими, командовать такъ, будто меня были обязаны слушать не пятьдесятъ, шестьдесятъ человѣкъ, а мало-мало цѣлая дивизія сразу.

Зная, что начальство къ громогласной командѣ

относится одобрительно, кричу изъ всѣхъ силъ, уподобляясь трубѣ іерихонской, «стой! и съ грустью замѣчаю, что два какіе то штыка отстали отъ товарищей, нарушая общую гармонію.

— «Штыки! штыки!»—съ легкой укоризной замѣчаетъ генералъ, — «надо ровнѣе брать къ ногѣ!»

Ужъ я ли не вопилъ команду—кажется, такъ, что не только каждый солдатъ, а и его каблуки должны были ее слышать. А тутъ замѣчаніе! И это: «штыки! штыки!» глубоко запало въ отравленное сердце, производя въ немъ непріятное царапанье. Повторяется то же построеніе и опять пара ненавистныхъ мнѣ ружей - кунктаторовъ не захотѣли или не сумѣли быть исправными. Замѣчанія дѣлавшаго смотръ почему то этотъ разъ не послѣдовало, но я, снова оскорбленный въ своемъ строевомъ усердіи, теперь не выдерживаю и какъ злобствующій въ безсильномъ гнѣвѣ, захваченный капканомъ дикій звѣрекъ, пускаю по адресу виновныхъ сдавленнымъ до шепота голосомъ «крылатое словечко», въ полной увѣренности, то по значительности разстоянія оно до начальническаго уха дойти не можетъ.

Однако, или резонансъ въ манежѣ былъ лучше, чѣмъ я думалъ, или я промахнулся, не соразмѣривъ въ азартѣ своихъ голосовыхъ средствъ, а «словечко» не осталось для генерала тайной.

Дальше рота училась, не вызвавъ болѣе ни

одного замѣчанія, и вообще смотръ прошелъ для нея блистательно. Полку приказано стоять вольно и дали оправиться, а производившій смотръ началъ дѣлать разборъ всего имъ видѣннаго среди собранныхъ вокругъ офицеровъ. Дошла очередь и до меня.

— «Прапорщикъ! вы командуете хорошо: громко и отчетливо. Люди видно въ рукахъ...» — сказалъ генералъ.

Мнѣ стало казаться, что меня пеленаютъ въ нѣжнѣйшій бархатъ и подносятъ къ самому моему носу розы съ наитончайшимъ запахомъ.

— «Но», — принимая суровый видъ, продолжалъ начальникъ, «нельзя дѣлать такихъ замѣчаній солдатамъ не только на смотру, а и на домашнихъ ученьяхъ. Они тоже люди. Стыдно произносить такія слова!...»

Бархатъ обратился въ царапающуюся до крови дерюгу, а ароматъ розъ смѣнился міазмами плохосодержимой въ жаркое лѣто мясной лавки. Въ смущеніи я сдѣлался по цвѣту лица схожимъ съ ярко-алымъ воротникомъ пристыдившаго меня генерала.

Полагать надо, что полнѣйшая растерянность моей физіономіи и признаніе всякаго отсутствія въ сорвавшемся крылатомъ словѣ злой воли способствовали тому, что дальнѣйшая кара была мною избѣгнута.

Кончилось сообщеніе намѣченныхъ указаній,

оставался общій церемоніальный маршъ. Генералъ командуетъ смирно; команда, кѣмъ слѣдуетъ, повторяется и полкъ застываетъ въ гробовой тишинѣ, а генералъ, не отдавая новаго приказанія, говоритъ о чемъ то съ бригаднымъ. Но вдругъ раздались два, три сдерживаемыя покашливанія.

- «Не кашлять! Послѣ команды «смирно» ни звука во фронтѣ!»—сердится генералъ и, вѣроятно, желая выдержать людей; снова продолжаетъ разговоръ, не приказывая приступать къ построеніямъ. Минута, другая—въ воздухѣ стоитъ идеальное беззвучіе, а затѣмъ, гдѣ-то въ самомъ концѣ фронта слышится всѣми силами подавляемое «кхе! кхе!»

Злосчастное, одиночное кхе-кхе, какъ на зарѣ перенимаемое пѣтухами «кукареку», было подхвачено двумя, тремя изъ малоустойчивыхъ рядовыхъ и требуемая тишина нарушена.

— «Не кашлять!» — громко приказываетъ генералъ и слѣдомъ съ его устъ слетаетъ крылатое словечко, по своей сочности не менѣе колоритное, чѣмъ мое... Ужъ не знаю вспомнился ли справедливо вознегодовавшему начальнику сдѣланный имъ мнѣ выговоръ, но у меня, кажется, зашевелилась тогда же въ душѣ надежда, что и для меня не закрыта дверь къ командованію въ будущемъ чѣмъ нибудь по значительнѣе скромнаго взвода.

Для уясненія, какъ было трудно идти по

дорогѣ уничтоженія привычныхъ фразъ, позволю передать, насколько мнѣ извѣстно, забытый теперь, а въ свое время довольно популярный разсказъ о командирѣ, получившемъ отдѣльную часть въ самомъ центрѣ Россіи, гдѣ большинство офицеровъ принадлежало къ старинымъ, помѣщичьимъ фамиліямъ.

Новый командиръ, лихой, бывавшій въ бояхъ офицеръ, знатокъ и любитель военнаго дѣла, безконечно добрый и любившій свой полкъ, обладалъ вполнѣ независимымъ, хорошимъ состояніемъ, препорядочную часть котораго тратилъ на пріемы и улучшеніе быта своихъ солдатъ.

Этотъ безупречный начальникъ имѣлъ одинъ или если хотите полтора минуса: страшную вспыльчивость, соотвѣтственную его отходчивости и добросердечію, а вмѣстѣ съ этимъ качествомъ и поразительную склонность сдабривать свои въ порывахъ сказанныя замѣчанія болѣе чѣмъ аттическою солью; въ общемъ онъ въ этомъ отношеніи вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе гоголевскаго городничаго, какъ извѣстно, проводившаго на практикѣ ту мысль, что «слово не вредитъ».

На первомъ же ученьи офицерство было нѣсколько сконфужено и удивлено обиліемъ вычурныхъ выраженій, когда командиръ оставался чѣмъ нибудь недовольнымъ; но попечаловалось о всемъ услышанномъ только между собой, въ предположеніи, что командиръ былъ настроенъ исключи-

тельно. Однако второе, третье и дальнѣйшія ученья съ наглядностью доказали, что приходилось считаться не съ исключеніемъ, а съ твердо привившимся правиломъ; относиться же къ извѣстнымъ словечкамъ безразлично, когда бываетъ трудно разобраться, кого они касаются, офицерство нашло для себя неудобнымъ, что и дошло конфиденціонально до власти, стоявшей непосредственно выше командира.

На обращенныя къ послѣднему увѣщеванія о необходимости сдерживать себя, старый воинъ откровенно доложилъ:

— «Ваше превосходительство! по долгу службы я обязанъ дѣлать все для лучшаго разъясненія солдатамъ ихъ обязанностей, а «*такъ*» они гораздо скорѣе усвоиваютъ все, что отъ нихъ требуется».—

На дружескіе же совѣты своего сотоварища относительно излишества риторики, вспыльчивый командиръ всегда отвѣчалъ:

— «Знаю, голубчикъ мой, что не хорошо! да что подѣлаешь: привычка—вторая натура. И радъ бы перестать, а только себѣ дороже стоитъ!—Тѣмъ не менѣе, къ концѣ концовъ онъ додумался до положенія, при которомъ были и овцы цѣлы, и волки сыты, для чего, послѣ каждаго «крылатаго словца», сейчасъ же добавлялъ: «кромѣ господъ офицеровъ».

Благодаря допускавшейся иногда выпуклости

выраженій, я на первомъ ротномъ ученьи перечислыталъ такое безпросвѣтное состояніе, что даже самоубійство можно было зачесть за сносный исходъ. Мой ротный командиръ былъ прекрасный человѣкъ: въ мѣру требовательный, образцовый хозяинъ и самъ педантично-исполнительный по службѣ, всегда старался своихъ субалтернъ-офицеровъ въ возможныхъ случаяхъ не подводить подъ служебный обухъ. Это все я узналъ впослѣдствіи, хотя и очень скоро; точно также, какъ и то, что ротный, по происхожденію финнъ или шведъ, распоряжался съ очень многими русскими словами до того своеобразно, что даже и собраніе ученыхъ филологовъ въ иныхъ случаяхъ едва-ли бы сразу опредѣлило истинный смыслъ «словъ», съ одной стороны какъ бы и русскихъ, а съ другой—будто бы какого угодно нарѣчія, кромѣ всероссійскаго.

Къ моему великому горю, представляясь наканунѣ начальству и дѣлая служебные визиты, я своего ротнаго не засталъ дома; а уже вечеромъ мнѣ была принесена записка, оповѣщавшая о назначенномъ на утро ученьи, на которомъ мнѣ и предстояло увидѣть свое ближайшее начальство впервые.

Безъ пяти минутъ въ восемь утра, я засталъ роту уже выведенной на улицу, а акуратно въ восемь фельдфебель мнѣ докладывалъ о показавшемся на панели ротномъ. Поздоровавшись съ

людьми, капитанъ на мое представленіе отвѣтилъ:

— «Очень ріятна!»—и, отложивъ дальнѣйшее ознакомленіе съ моей особой до послѣ ученья, тотчасъ же приступилъ къ занятіямъ. Въ строю изъ офицеровъ былъ только я одинъ.

Посыпались; «роти!—налива» (рота налѣво), «взоти» (взводы), «поли оби роти» (полуоборотъ) и т. д. Рота была внимательна и не давала основаній для недовольства ею, но вотъ капитанъ начинаетъ раздражаться и затѣмъ сердито раздается:

— «Лепегъ-ефъ (Лебедевъ), калофь отпустилъ! Ну рямо калофъ!»—а немного спустя, еще рѣзче:

— «А теперь тругій! Прапорщикъ! морта вися! Ну, я тибѣ ричу? Иль ни тибѣ? Ну, я тибѣ покасу!»—и послѣ финальнаго сочнаго слова, рота, по командѣ: «роти той»! останавливается, какъ вкопанная, а разгнѣванный капитанъ большими шагами устремляется по направленію занимаемаго мною мѣста.

Съ момента произнесенія слова «прапорщикъ» (въ строю опять повторяю я былъ единственный офицеръ) я утратилъ способность яснаго сознанія. Страшное оскорбленіе, дикая, дерзкая форма замѣчанія душили меня. Все вокругъ меня заходило, принимая какія-то расплывчатыя формы. Я былъ близокъ къ обмороку. Стальная дисциплина, вынесенная изъ училища, невольно зажимала ротъ

для протеста въ строю, а незнаніе жизни, полное отсутствіе опытности у девятнадцатилѣтняго юноши, какимъ я тогда былъ, не могли мнѣ подсказать ничего путнаго, облегчившаго выходъ изъ невыносимаго положенія. Съ приближеніемъ ротнаго къ фронту, въ мой отуманенный мозгъ, какъ расплавленными свинцовыми каплями, ворвалась страшная догадка: а вдругъ ударитъ? или хоть замахнется? «Скорѣе выйти изъ фронта, скорѣе»! помогали мнѣ остатки сообразительности, но ноги отказывались служить велѣнію мозга и точно вросли въ булыжную мостовую. Значитъ гибнуть? Рука крѣпче сжала ефесъ сабли, а передъ помутившимися глазами съ ураганной быстротой замелькали военный судъ, каторга, кандалы, убитый горемъ отецъ, вѣчныя слезы и отчаяніе матери...

Изъ своей неестественной оцѣпенѣлости я былъ выведенъ новымъ окрикомъ командира: «мотри, прапорщикъ, послидній расъ...»

Какъ степная, дикая лошадь озирается, кося глазами, на бичъ, съ которымъ познакомилась впервые, такъ и я взглянулъ по направленію угрозъ съ частымъ повтореніемъ страшнаго для меня слова прапорщикъ и увидѣлъ ротнаго, сулившаго красивому солдату и карцеръ, и лишеніе отпуска, и другихъ скорпіоновъ возмездія, причемъ между грозящимъ пальцемъ офицера и носомъ невнимательнаго солдата образовалась ди-

станція, недававшая мѣста для пропуска даже и тонкаго листа почтовой бумаги... Тревога съ моей стороны оказалась фальшивой и, пожалуй, нѣтъ надобности добавлять, что зародилась она только потому, что фамилія рядового Прапорщикова въ произношеніи капитана обратилась въ существительное нарицательное—«прапорщикъ».

III.

Памятный выстрѣлъ.—Три группы въ одномъ лагерѣ.—Своеобразная охота.—Безпроигрышные призы.—Сдавшееся хладнокровіе.—Штерцеръ не виноватъ.—Рябятишкамъ на башмачишки.—Квадраты по заказу.—Отыгрышъ на дробинкахъ.

Если недоразумѣніе, порожденное моимъ недостаточнымъ знакомствомъ съ ротнымъ, а ротнаго съ русскимъ языкомъ, вспоминается, не оставляя послѣ себя никакой горечи, то другой случай, при которомъ потерпѣвшимъ могъ сдѣлаться рядовой, а его обидчикомъ, вѣрнѣе посягателемъ на самую его жизнь, былъ я, возстаетъ въ памяти и черезъ долгій рядъ многихъ лѣтъ, какъ тяжелый кошмаръ...

Въ первые годы моей службы, офицеровъ никто не усчитывалъ и не стѣснялъ въ количествѣ патроновъ, выпускавшихся при подготовкѣ къ призовой стрѣльбѣ, и каждый офицеръ могъ, безъ особыхъ на то разрѣшеній, пользоваться свободными валами своего полка. Мѣры охране-

нія отъ возможныхъ несчастныхъ случаевъ зависѣли отъ большей или меньшей осмотрительности самого стрѣляющаго. Находились многіе, на столько увѣренные въ безопасности своей стрѣльбы, что, при упражненіяхъ на 200 шаговъ, признавали возможнымъ обходиться безъ горниста, дававшаго сигналы.

Страстно любившій стрѣльбу, гордый, что мною, тогда двадцатилѣтнимъ юношей, пристрѣлены, съ разрѣшенія ротнаго, опытнаго стрѣлка, всѣ ружья роты и почти безъ станка, а съ руки, я въ лагеряхъ пользовался каждой свободной минутой, чтобы пускать пулю за пулей, въ погоню за минимальной суммой квадратовъ изъ пятка. Мнѣ и въ голову никогда не приходило, что пуля можетъ сорваться и угодить мимо мишени. Не брали же съ собой горнистовъ стрѣлки не сильнѣе меня? такъ съ чего я, ради своего удовольствія, буду лишать отдыха своихъ сигнальщиковъ? И я сталъ выходить на линію огня съ денщикомъ, предназначавшимся изображать изъ себя охранительную цѣпь, и съ однимъ махальнымъ, для задѣлки пробоинъ и показа мѣстъ попаданія.

Махальному обыкновенно приказывалось выходить не торопясь изъ ровика закрытія, послѣ каждаго выстрѣла. Много разъ все обходилось, какъ слѣдуетъ, и заведенный порядокъ не приносилъ никакихъ огорченій ни мнѣ, ни махальному.

Для лучшаго уясненія дальнѣйшаго, надо ска-

зать, что крайніе валы, передъ закатомъ солнца, освѣщались замѣчательно своеобразно: верхняя половина ихъ оставалась ясной, тогда какъ нижняя, точно по обрѣзу, бывала уже въ густой тѣни.

Въ одинъ изъ вечеровъ я отправился стрѣлять, имѣя махальнымъ испытаннаго, внимательнаго солдата. Много мною было тогда выпущено пятковъ и я собираюсь дѣлать послѣдній. Изъ показокъ махальнаго соображаю, что надо взять мушку помельче. Тщательно прикладываюсь, раздается выстрѣлъ и, вмѣсто того, чтобы увидѣть выходящаго изъ-за закрытія махальнаго, я въ недоумѣніи, съ ужасомъ вижу въ солночной полосѣ поднявшуюся изъ тѣни фигуру солдата! Какъ ни въ чемъ не бывало, онъ поворачивается лицомъ ко мнѣ, складываетъ руки на груди и тотчасъ выбрасываетъ ихъ крестомъ—знакъ, что пуля попала въ самое яблоко. Бросаю винтовку и бѣгу, какъ ошалѣлый, къ самой мишени со смѣшаннымъ чувствомъ страха передъ возможнымъ пораненіемъ или контузіей и радости, и благодаренія Богу, что не случилось убійства!

— «Новожиловъ! что-ты?»—только и могъ я выкрикнуть, видя своего махальнаго здравымъ и невредимымъ и какъ-то мало этому вѣря.

— «Виноватъ, ваше благородіе! позамѣшкался самую малость! а этотъ пятокъ, ваше благородіе, акуратнымъ вышелъ!» — совершенно спокойно

отвѣчалъ Новожиловъ, будто на вершокъ надъ его головой, всего нѣсколько секундъ назадъ, просвистѣла не пуля, а легкій резиновый мячекъ. Мало того, онъ этимъ *«позамѣшкался малость»* какъ бы старался обѣлить меня отъ преступнаго невниманія и переносилъ вину на себя.

Оказалось, что въ моментъ выстрѣла Новожиловъ сидѣлъ на корточкахъ, внизу мишени, стараясь тщательнѣе задѣлать предыдущую пробоину, а я былъ сбитъ съ толку появленіемъ у валика для закрытія другого солдата, изъ любви къ искусству наблюдавшаго этотъ разъ вмѣстѣ съ Новожиловымъ за полетомъ офицерскихъ пуль и ранѣе изъ-за валика не показывавшагося.

На меня случай подѣйствовалъ угнетающимъ образомъ: цѣлую недѣлю я не могъ рѣшиться взять ружье въ руки и только послѣ исповѣди товарищамъ, мнѣніемъ которыхъ особенно дорожилъ, я нѣсколько успокоился.

Къ лагерямъ, не смотря на то, что во время ихъ почти всѣ здоровѣли, полнѣли и розовѣли, офицерство относилось трояко: одни ихъ любили, радостно привѣтствуя выступленіе въ Красное Село; другіе видѣли въ лагерной жизни досадливое стѣсненіе, обременительную тяготу, которую чѣмъ скорѣе отбыть, тѣмъ лучше, и встрѣчали конецъ лагернаго сезона съ нескрываемымъ ликованіемъ, какъ бы сбрасывая постоянно давящій грузъ, и третьи, въ сознаніи необходимости лаге-

рей, лично для себя не испытывали отъ нихъ ни большого горя, ни великихъ радостей...

Тонъ времяпрепровожденію офицеровъ за лѣто давала первая группа, члены которой бывали обыкновенно иниціаторами лагерныхъ развлеченій: хлопотали объ устройствѣ общей жженки, собирали по вечерамъ кружки поющихъ офицеровъ и устраивали въ саду, передъ столовой, хоровое пѣніе, почти всегда заканчивавшееся ужиномъ, который затягивался, такъ сказать, сверхсмѣтно и будто бы неожиданно. Они же больше другихъ волновались за смотры и ученья, производившіеся въ присутствіи высшаго начальства и не только касавшіеся своего полка, а и всѣхъ другихъ частей, въ особенности расположенныхъ по сосѣдству. Почти вся первая группа состояла изъ страстныхъ поклонниковъ цѣльной стрѣльбы и именно къ ней принадлежали самые выдающіеся знатоки и практики стрѣлковаго дѣла.

Попутно можно добавить, что эта-же группа усерднѣе другихъ содѣйствовала процвѣтанію кассы буфета и расширенію кошельковъ всевозможныхъ маркитантовъ, мороженщиковъ и фруктовщиковъ.

Въ числѣ развлеченій, при которыхъ пріятное соединялось съ полезнымъ, не послѣднее мѣсто занимали своеобразная охота и безпроигрышные призы.

Если можно, хотя и съ натяжкой, допустить,

что безпроигрышные призы сохранились еще и до нашихъ дней, то уже своеобразная на самомъ стрѣльбищѣ охота навѣрное отошла давно въ область преданій и не возродится вновь. Но въ тѣ времена, когда, выражаясь словами, кажется, горбуновскаго купца, «цибулизація на наши мѣста такъ не напирала», охота эта имѣла много поклонниковъ.

Въ полуверстѣ и далѣе за стрѣльбищинскими валами мѣстность была поросши рѣдкимъ кустарникомъ и вся въ ямахъ. Почему-то эти ямы и кусты весной бывали любимѣйшимъ мѣстопребываніемъ одичавшихъ, бездомныхъ собакъ. Черезъ кустарникъ проходить одному даже и съ хорошей палкой было не всегда безопасно отъ бывшихъ друзей человѣчества.

За измѣну своимъ былымъ хозяевамъ и проживательство на положеніи бродягъ красносельскимъ «диньго» *) жестоко мстили любители стрѣльбы по движущимся цѣлямъ. Для нанесенія четвероногимъ бродягамъ всяческихъ «проторей и убытковъ», обыкновенно пользовались свободными промежутками между уходомъ уже отстрѣлявшихъ ротъ и неприбытіемъ приходившихъ имъ на смѣну. Такъ какъ за отдаленностью будущія жертвы виднѣлись неясными пятнами, то предварительно мѣстность освѣщалась тщательнымъ

*) Диньго—особая порода дикихъ собакъ въ Австраліи; прирученіе ихъ почти невозможно: онѣ крайне кровожадны и сильны.

осмотромъ черезъ сильные бинокли. Чтобы приспособить для охоты тогдашнія винтовки Крынка, прицѣльные щитики у которыхъ не отвѣчали большимъ разстояніямъ, къ щиткамъ привязывались расчерченныя деревянныя пластинки. Не рѣдкость было видѣть, когда, въ увлеченіи спортомъ, какой нибудь любитель — даже въ солидномъ штабсъ-капитанскомъ чинѣ, ничтоже сумняшися, для удобства поражаемости становился на зыбкій столикъ, приносившійся для отмѣтки результатовъ стрѣльбы.

Послѣ отбоя по всей линіи и снятія махальныхъ, заядлые охотники, вмѣсто того, чтобы пользоваться отдыхомъ, бѣжали по кочкамъ, а часто и по невозможной мокротѣ, далеко за валы, для удостовѣренія, что старанія спортсмэновъ не пропали втунѣ. Находимые три, четыре, а иногда и въ большемъ числѣ собачьи трупы какъ-бы подрывали точность извѣстнаго вычисленія, будто для того, чтобы убить противника, требуется столько свинца, сколько вычеркиваемый изъ списка живыхъ вѣситъ самъ!

Для тонкой стрѣльбы безъ кровопролитія употреблялись пустыя пивныя или изъ-подъ вина бутылки, которыя сговорившаяся компанія въ три, четыре, пять человѣкъ, выставляла на палкахъ, а то и прямо на землю во сто шагахъ. Каждый промахнувшійся обязанъ былъ во время обѣда потребовать бутылку пива или вина, а по-

павшій въ цѣль, торжествуя свою побѣду, долженъ былъ ее отмѣтить такимъ же требованіемъ. А такъ какъ распредѣленіе призовъ происходило при равномѣрномъ участіи и взявшихъ ихъ, и не взявшихъ, то отъ забавы никто и не страдалъ, а придерживаясь воззрѣній общества строгой трезвости, страдали всѣ въ одинаковомъ масштабѣ.

Особенно счастливъ былъ въ стрѣльбѣ по стекляннымъ цѣлямъ одинъ штабсъ-капитанъ съ нѣмецкой фамиліей, у котораго, впрочемъ, сверхъ фамиліи, нѣмецкаго была развѣ только симпатія къ любимому древними тевтонами и современными бюргерами напитку. Разъ какъ-то, къ удивленію самого штабсъ-капитана и его окружавшихъ, онъ далъ пять выстрѣловъ, а бутылка стоитъ цѣлехонька.

— «Я буду вамъ говорить правда!»—заявляетъ большой пріятель штабсъ-капитана, шведъ.

— «Ему жалько непустая путылька! Я ставилъ съ пивомъ, онъ и не попадаить»!

— «И не буду напрасно добро въ землю лить»,— спокойно отвѣтилъ штабсъ-капитанъ, очень довольный, что нашелся поводъ прекратить неудачную трату патроновъ.

Шведъ выстрѣлилъ и въ доказательство истины его словъ изъ перебитой бутылки фонтаномъ взметнулся разгорѣвшійся на солнцепекѣ напитокъ, а штабсъ-капитану пришлось въ этотъ-же день пережить еще новое огорченіе.

Едва-ли можно встрѣтить человѣка болѣе хладнокровнаго и невозмутимаго, чѣмъ этотъ штабсъ-капитанъ. Отъ роду онъ ни съ кѣмъ не становился хотя въ мало-мальски натянутыя отношенія, ни на кого не горячился. Онъ не только былъ всегда:

Доволенъ самъ собой
Своимъ обѣдомъ и...

за неимѣніемъ жены, всѣми его окружавшими и всѣми обстоятельствами, но и даже такими положеніями, при которыхъ другіе начали бы кряхтѣть и проклинать судьбу. Его денщикъ, въ противоположность барину, любившій щегольнуть не токмо изысканностью костюма, а и затѣйливыми фразами, такъ обрисовывалъ среди своей братіи свое ближайшее начальство:

— «Что говорить! вполнѣ спокойственный баринъ и даже до удивительности. И ежели, въ примѣръ взять, касательно недохватки денежной ему все едииственно—будто не его забота. Ну, при получкахъ всѣмъ вокругъ его хорошо бываетъ—очень ужъ до похвалы снисходителенъ и сейчасъ что-нибудь въ презентъ»!

И вотъ, въ день несчастливой стрѣльбы по «не пустая путилька» вполнѣ спокойственный баринъ взвинтился и пришелъ въ негодованіе чуть-ли не до обморока изъ-за сущаго пустяка. У штабсъ-капитана была престранная привычка: онъ имѣлъ обыкновеніе являться въ столовую раньше

другихъ и выпивать тамъ двѣ рюмки водки — всегда ни больше, ни меньше. Первую рюмку, по словамъ одного остряка, онъ закусывалъ гримасой, а вторую маленькимъ, съ горошину, шарикомъ хлѣба, который клалъ на два вытянутыхъ пальца и ударомъ по нимъ пальцами другой руки заставлялъ шарикъ летѣть въ ротъ. Продѣлавъ такой пассажъ, штабсъ-капитанъ могъ безропотно ждать обѣда часъ, два, а то и болѣе и ѣлъ все подаваемое съ одинаковымъ удовольствіемъ. Водка на столъ подавалась въ совершенно такихъ же графинахъ, какъ и съ водой, только для отличія на водочные надѣвался металлическій ярлычекъ. Одинъ изъ офицеровъ для шутки перемѣнилъ ярлычки съ однихъ графиновъ на другіе. Входитъ штабсъ-капитанъ, потираетъ руки и, заявивъ, что теперь самое время червячка заморить, приготовляетъ «горошину», не торопясь наливаетъ первую рюмку, проглатываетъ ее, но, вмѣсто обычной гримасы, получается нѣчто ужасное: глаза его налились кровью, лицо исказилось, съ секунду онъ пробылъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, потомъ съ особымъ хрипомъ раздалось: «Это! — это! чортъ знаетъ что» и обозленный офицеръ хватилъ графинъ о столъ такъ, что отъ сосуда осталось одно воспоминаніе... Это, кажется, былъ единственный случай, по крайней мѣрѣ ставшій извѣстнымъ другимъ, когда онъ вышелъ изъ себя.

Кромѣ шведа, штабсъ-капитанъ особенно дру-

жилъ съ однимъ поручикомъ. Начало этой пріязни надо, кажется, искать въ одинаковой любви къ стрѣльбѣ и въ одинаковомъ же равнодушіи ко всему, внѣ полковаго міра происходившему. Поручикъ на искусство стрѣльбы смотрѣлъ положительно съ чувствомъ благоговѣнія и, кажется, признавалъ это искусство превыше всѣхъ, надъ которыми работало человѣчество со времени своего появленія на свѣтъ. Въ поручичьемъ чинѣ онъ просидѣлъ что-то около десяти лѣтъ—такая неподвижность чинопроизводства случалась и въ гвардіи, поэтому предѣломъ земного счастья онъ почиталъ полученіе четвертой звѣздочки, ибо, по его же словамъ—«для трехъ звѣздочекъ у него черезъ-чуръ бакенбарды были длинны, а подстригать ихъ онъ ни за что бы не согласился»; а затѣмъ имѣть такія средства, чтобы быть въ состояніи пріобрѣсти себѣ коллекцію ружей всѣхъ временъ и народовъ.

Началъ онъ службу на одной изъ восточныхъ окраинъ, гдѣ постоянныя передвиженія и чуть не ежедневныя боевыя столкновенія съ только что покоряемыми, воинственными инородцами не могли служить ареной развитія строгой показной педантичности.

— «Экая важность»,—оправдывалъ себя, уже служа въ гвардіи, поручикъ,—«если я на десять минутъ въ роту опоздаю; а потомъ съ каждымъ солдатомъ займусь, о его нуждѣ переговорю и

пробуду въ ротѣ сверхъ положеннаго. По моему я тогда службу несу какъ слѣдуетъ и совѣсти моей упрекать меня не въ чемъ»!—

Заставить ждать товарища, при смѣнѣ дежурства, на полчаса, иногда и больше, онъ вовсе не считалъ грѣхомъ и нарушеніемъ гарнизоннаго устава.

— «Ну, да—велика напасть, подумаешь, полчаса», — басилъ онъ въ случаяхъ сѣтованія на него;— «да я завтра съ удовольствіемъ обожду меня смѣняющаго и два, и три часа! А то полчаса! есть о чемъ говорить»!—

Понятно, что командиры полковъ очень часто не соглашались съ толкованіями поручика о способѣ прохожденія службы, отчего онъ имѣлъ возможность прекрасно выучить права начальниковъ по дисциплинарнымъ взысканіямъ, безъ изученія этихъ правъ по XXIII кн. св. воен. пост.

Несмотря на свое, какъ говорятъ бойкія портнихи изъ модныхъ мастерскихъ, «прохладное» отношеніе ко многимъ обязанностямъ, въ двухъ случаяхъ всѣми признавался авторитетъ поручика: въ вопросахъ, касавшихся товарищества, и въ свѣдѣніяхъ, относящихся къ стрѣльбѣ.

Стрѣлялъ поручикъ, если такъ можно выразиться, всегда внушительно—съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой. Передъ и послѣ каждаго выстрѣла онъ что-то соображалъ, обдумывалъ и только прогудѣвъ, не стѣсняясь ни чьимъ

присутствіемъ,—«егмы» вынималъ и вкладывалъ патронъ.

Атестатамъ, выдававшимся поручикомъ тому или другому оружію, вѣрили безповоротно. Если онъ скажетъ:—«въ корню испорчено! не ружье-съ, а палка!»—то выслушавшіе этотъ приговоръ не сомнѣвались въ томъ, что передвигай сколько угодно мушку, выправляй прицѣлъ, просвинцовывай хоть весь каналъ, отправляй въ любую оружейную, а все равно отъ винтовки толку добиться будетъ уже нельзя!

Въ злополучный день заморенія червячка водой, штабсъ-капитанъ вечеромъ, чтобы отвести душу, со своимъ другомъ отправились къ валамъ набивать руку къ предстоящей вскорѣ призовой стрѣльбѣ. Помимо этой причины и у друга было основаніе поразвлечь себя: онъ только что отбылъ «лишку», а двѣ еще улыбались ему въ ближайшемъ будущемъ.

Теперь оба офицера счастливы:

«Что имъ до шумнаго свѣта?
Что имъ друзья и враги?»
«Было бы сердце согрѣто
Боемъ удачной стрѣльбы»

Позволяю себѣ исказить строфы извѣстнаго романса. Стрѣляющіе превыше всѣхъ горестей и треволненій суетнаго міра. Разговоръ ведется отрывистый: только и слышно—«егмы!»

— «А не фуксъ?»—спрашиваетъ штабсъ-капитанъ.

Но своего рода стрѣлковая вакханалія пріостанавливается, въ виду приближенія полкового командира, позади котораго выступалъ лакей, бережно несшій полированный ящикъ.

Ружья отставляются и офицеры вытягиваются. Командиръ любезно здоровается и говоритъ:

— «Поручикъ! я вамъ не помѣшаю, если въ вашу мишень сдѣлаю нѣсколько пробныхъ выстрѣловъ. У меня немного времени и не стоитъ дожидаться постановки новой мишени! Только что получилъ изъ-за границы. Хочу попробовать. А, кажется, не дурень?»—спрашиваетъ командиръ и показываетъ принятый отъ лакея штуцеръ, отдѣланный роскошно, какъ дорогая игрушка.

Поручикъ смотритъ на новинку и у него, не страдавшаго любостяжаніемъ, пробѣгаетъ по лицу улыбка одобренія штуцера, омрачаемая нѣкоторою завистью.

Командиръ былъ страстный охотникъ и преимущественно по крупному звѣрю. Самъ стрѣлялъ очень и очень недурно, но по охотничьи—быстрой вскидкой, а такъ какъ онъ былъ человѣкъ въ высшей степени нервный, то и результаты стрѣльбы получались или блестящіе, или, когда онъ бывалъ не въ ударѣ, пули летѣли, не справляясь съ прицѣломъ, куда вѣтеръ укажетъ.

Вскидываетъ командиръ шегольскій штуцеръ—

разъ! и первно ждетъ показки. Мимо!—Два! тоже самое. Третья пуля попала въ сѣрую полосу, а четвертая и пятая послѣдовали примѣру первой и второй.

— «Кажется понапрасну нахвалили!»—говоритъ командиръ, —«поручикъ, не попробуете ли вы»?

Поручикъ беретъ штуцеръ, какъ хрупкую стеклянную вещь или ручку новорожденнаго ребенка, внимательно прикладывается. Раздается «егмы», а махальный показываетъ пробоину вершкахъ въ четырехъ отъ яблока. Слѣдующая пуля къ послѣднему еще ближе, а третья—угодила въ нуль.

— «Странно!»—останавливаетъ испытаніе новинки командиръ, приказывая вложить лакею штуцеръ въ ящикъ,—«надо какъ нибудь еще попробовать!»—и уходитъ со стрѣльбища.

— «Эхъ! съ такимъ бы *штуцерочкомъ* да на призовку! Чудесъ можно было бы натворить!» тихо вздыхаетъ вдогонку поручикъ.

— «Эхъ ты, простота туркестанская!»—философствуетъ въ унисонъ его другъ.—«Да я бы на твоемъ мѣстѣ изъ простой деликатности всѣ пули мимо посылалъ, а можетъ быть съ ними и двѣ лишки вмѣстѣ бы улетѣли».—

— «Ну вотъ, тоже!»—загудѣлъ поручикъ—«вопервыхъ: онъ (т. е. полковой) хоть и строгъ, да справедливъ и не станетъ сантименты разво-

дить, если нарядилъ, а во-вторыхъ — штуцеръ не виноватъ! и ни за какія блага я порочить его не стану!» — закончилъ офицеръ, разсуждая о штуцерѣ, какъ о существѣ, снабженномъ волею и другими душевными качествами.

Какіе однако ни были великолѣпные стрѣлки въ полку, никто изъ нихъ въ мое время не достигалъ прямо-таки, сверхъестественной мѣткости ставшей обычной у двухъ офицеровъ не родныхъ для меня частей.

Первый изъ нихъ былъ поручикъ морской артиллеріи, прикомандированный къ флотской ротѣ бывшаго учебнаго баталіона. Уже давно, давно изъ рядовъ нашей арміи навсегда исчезли типы, хотя немного напоминавшіе этого поручика, а поэтому рѣшаюсь ознакомить съ нимъ читателя нѣсколько подробнѣе. Образованіе свое поручикъ получилъ въ рабочемъ учебномъ экипажѣ, упраздненномъ намного раньше исчезновенія со служебнаго поприща своихъ послѣднихъ питомцевъ. По выпускѣ изъ экипажа со свѣдѣніями, думать надо, не особенно большого калибра, будущему поручику приходилось до всего доходить своимъ умомъ. Долго вѣроятно не давались ему офицерскіе погоны, если онъ свой послѣдній чинъ пріобрѣлъ въ возрастѣ, значительно уже отодвинувшемся отъ пятидесяти лѣтъ.

— «Другіе у насъ до такого чина доходятъ и попозднѣе»! – не безъ извѣстной гордости иногда

сообщалъ морской артиллеристъ. Отъ долгаго-ли пребыванія на морской водѣ, какъ извѣстно имѣющей отвратительный горько-соленый вкусъ или отъ горечи и водянистости своего житейскаго пути, но только поручикъ положительно не переваривалъ воды вообще, за то охотно замѣнялъ ее производнымъ—въ уменьшительной формѣ, по аналогіи разсуждая, что если «дочь и дочка» одно и то же, то почему-же дѣлать разницу между «водой и водкой»? Замѣна производилась видимо съ давнихъ поръ и съ достаточнымъ усердіемъ, чему служили неотразимыми свидѣтелями: съ одной стороны играющій лоскомъ густой румянецъ съ переливами, прочно расположившійся на поручичьемъ носу, а съ другой стороны очень частое стремленіе рукъ вытанцовывать польку tremblante. Поэтому-то стрѣльба морского артиллериста, до постановки себя на хорошій якорь, была ниже заурядной: пули били разбросанно, а случались нерѣдко даже и промахи. Онъ самъ говаривалъ лицамъ, которымъ болѣе другихъ довѣрялъ и не опасался ихъ злоязычія, что «съ пустымъ трюмомъ качка всегда сильнѣе»! причемъ не забывалъ каждый разъ похлопывать символически себя по животу. Зато, какъ только онъ принималъ опредѣленную, необходимую ему порцію, руки поручика начинали держать ружье, какъ въ клещахъ, зрѣніе прояснялось, и горе тому, кто рѣшался стрѣлять съ

нимъ на пари. Для закрѣпленія себя на якоря, поручикъ являлся въ тиръ съ болѣе чѣмъ принято оттопыреннымъ, заднимъ карманомъ, а если по забывчивости или другимъ причинамъ карманъ не топорщился, то старый служака входилъ съ немецкѣе его ветхимъ сторожемъ тира въ таинственныя совѣщанія, слѣдствіемъ каковыхъ было появленіе полнѣйшей жизнерадостности, вмѣсто недавней сумрачности.

Призы выбивалъ поручикъ поразительно часто. Послѣдняя сумма квадратовъ, какъ я помню, у него была меньше тридцати. Но не самая цифра важна: она могла быть—простой случайностью, а на много знаменательнѣе, какъ онъ къ ней осторожно подходилъ. По положенію, стрѣляющій не получалъ приза, если выбивалъ хотя и лучшій по сравненію съ другими состязавшимися, пятокъ, но равный и болѣе крупный, по суммѣ квадратовъ, тому, за который уже былъ награжденъ. Помня это, поручикъ добивался своего minimum'а возможно меньшей разницей въ квадратахъ: напр. если послѣдній призъ данъ ему за 98, то слѣдующій онъ умудрялся получать за 90 или 88, хотя послѣ въ этотъ же день дѣлалъ пятки въ 60, 50, а то и менѣе. Любопытствующимъ по этому поводу онъ всегда отвѣчалъ:

— «Эхъ, господа! куда торопиться? Поспѣшишь—людей насмѣшишь!» —

Когда составлялась «пулька», поручикъ всѣми способами наровилъ стрѣлять послѣднимъ.

— «Эхъ господа! вы гвардія—вездѣ впереди»!—говорилъ онъ съ лукавой улыбкой,—«а я ужъ послѣдышемъ буду»!—и послѣдышъ обстрѣливалъ лучшаго стрѣлка, только чуть-чуть понизивъ его квадратъ. При поздравленіяхъ его со взятіемъ приза, поручикъ, благодаря, не забывалъ добавить:

— «Эхъ, господа гвардейцы! Вамъ призы что? Честолюбіе одно. Можно сказать только забава! А у меня этотъ призъ ребятишкамъ на башмачишки пойдетъ»! —

И такое заявленіе было пожалуй и правдиво, такъ какъ по словамъ самого поручика, «кромѣ его и женинаго рта еще восемь малъ-мала меньше ртовъ у него прокорма требуютъ».—А сами изволите знать:—велико-ли мое жалованье? На него всѣмъ сытыми мудрено быть!»—

Всѣ слушавшіе соглашались, что не только мудрено, а прямо невозможно и одному-то поручьичему рту на одно его жалованье быть накормленнымъ согласно желанію и аппетиту! Но во имя истины слѣдуетъ сказать, что пріумноженіе семьи не только не смущало родительскаго сердца, а наоборотъ веселило его, потому, что по правиламъ морского вѣдомства, на каждаго малолѣтняго, съ извѣстнаго возраста, полагалось офицерамъ ежегодное пособіе на воспитаніе ребенка.

Другой феноменальный стрѣлокъ, которому нельзя было не удивляться и который навсегда оставался памятенъ всѣмъ, хотя бы разъ увидѣвшимъ его искусство, блестяще началъ свою служебную карьеру въ одномъ изъ полковъ нашей дивизіи. Одного мимолетнаго взгляда было достаточно, чтобы смѣло предсказать, и не будучи пророкомъ, что строевая служба вообще, а въ гвардейскомъ корпусѣ въ особенности, и есть настоящая стихія для молодого офицера, среди которой будущее должно было ему улыбаться самой привѣтливой и широкой улыбкой.

Молодой, красивый, образцово сложенный, прекрасный строевикъ, обладавшій, хотя не особенно большими, но вполнѣ достаточными средствами для гвардейской жизни того времени, онъ для самаго требовательнаго начальства былъ, внѣ сомнѣній, желаннымъ офицеромъ той или другой части. Увлеченіе выгодами службы по администраціи, не въ военномъ вѣдомствѣ, лишило строй полезнаго работника, а ему самому не принесло ожидавшагося сверхблагополучія, такъ какъ, вступивъ на скользкую дорожку подрядовъ, офицеръ, не знавшій промаховъ въ стрѣльбѣ, промахнулся на столько, что вынужденъ былъ, — какъ ранѣе забыть Марса ради Меркурія, — промѣнять его на службу Таліи, Мельпоменѣ и чуть ли не воздушной Терпсихорѣ: одаренный очень недурнымъ голосомъ, порядочной мимикой, онъ, въ концѣ

концовъ, дебютировалъ, и съ замѣченнымъ успѣхомъ, на многихъ провинціальныхъ сценахъ.

Но въ моихъ глазахъ, да и думается всѣхъ истыхъ любителей стрѣльбы, даже и очень крупныя его удачи на подмосткахъ не могли вызвать и десятой доли того удивленія и восторга, съ которыми встрѣчались его пятки на стрѣльбищѣ войскъ гвардіи и Петербургскаго округа.

Минимальная сумма квадратовъ, достигнутая имъ на призовой стрѣльбѣ, равнялась, насколько помнится, шестнадцати; но я былъ очевидцемъ, какъ онъ, при подготовкѣ себя или при стрѣльбѣ на пари съ другими знатоками, выбивалъ и меньшую сумму.

Многіе очень сожалѣли о томъ, что когда на стрѣльбищѣ появился этотъ изъ ряда вонъ выдававшійся стрѣлокъ, тогда уже поручикъ морской артиллеріи перестала участвовать и въ призовой, и любительской стрѣльбѣ. А, дѣйствительно, было бы интересно видѣть: до какой тонкости и до какого предѣла мѣткости дошли бы они, при состязаніи другъ съ другомъ?

Такъ какъ молодому офицеру не приходилось задумываться надъ пріобрѣтеніемъ восьми паръ «башмачишекъ», а по всей вѣроятности всѣ заботы, даже о своемъ собственномъ одѣяніи, болѣе касались не его самого, а его родителей, то и проявленіе своего искусства онъ и не обставлялъ поползновеніями на скрытность и таинственность

и про него говаривали, что онъ дѣлаетъ пятки чуть-ли не по заказу. Если онъ, напримѣръ, заявлялъ:—«между сорока и двадцатью!»—то сумма квадратовъ выпущеннаго пятка не выходила за намѣченныя цифры. Такая-то увѣренность въ своихъ будущихъ результатахъ и была поразительна до зависти.

Понятно, что мудрено было бороться въ пулькахъ съ виртуозами стрѣльбы, въ родѣ только-что описанныхъ, и если эти два были единственными, то находилось, въ числѣ собиравшихся на стрѣльбищѣ, не мало и такихъ, искусство которыхъ уходило не очень далеко отъ мѣткости поручика, не любившаго воды и офицера полюбившаго сценическую арену. Кромѣ того, и у посредственныхъ стрѣлковъ, выпадали иногда «пятки-фуксы»—по выраженію провинціальныхъ трагиковъ — «прямо умопомрачительные и закрывавшіе всѣ горизонты для соревнователей».

По симъ, какъ принято говорить въ обвинительныхъ актахъ, соображеніямъ, хотя ставки въ пулькахъ бывали и не особенно велики, но, повторяясь часто, могли содѣйствовать извѣстному облегченію кошельковъ. Нерѣдко, особенно за торопливость, приходилось и мнѣ бывать данникомъ наукѣ и стрѣлковому азарту и даже до послѣдняго динарія.

Однако былъ случай и со мной, когда полтора десятка и не пуль, а скромныхъ дробинокъ спасли

мое финансовое благосостояніе и избавили меня отъ необходимости девальвацій и конверсій, проще говоря, отъ займа ничтожной суммы за весьма не ничтожные проценты. На этотъ разъ добрымъ моимъ геніемъ былъ мой ротный командиръ, хотя корень временной карманной невзгоды насаженъ былъ его же командирской рукой.

Ротный, какъ уже упоминалось, былъ совсѣмъ хорошій человѣкъ, но раскошеливаться зря не любилъ и изъ всѣхъ наукъ не политическую, а «политичную экономію» считалъ за величайшую и наиполезнѣйшею изъ нихъ не только для міра военнаго, а и для всего человѣчества вообще. Къ числу его особенностей можно отнести было способъ, вѣрнѣе способы, его обращенія ко мнѣ. Чаще всего въ повседневной нашей ротной обстановкѣ онъ звалъ меня столь памятнымъ мнѣ словомъ «прапорщикъ», хотя я былъ подпоручикомъ по армейской пѣхотѣ. При начальствѣ, начиная съ баталіоннаго, къ прапорщику онъ прибавлялъ Герасинъ, Карасимъ, даже скороговоркой Карасинъ, но ни разу не захотѣлъ прибавлять мою настоящую фамилію. Внѣ служебныхъ отношеній, когда ротный бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа и не имѣлъ основаній быть мною недовольнымъ хотя бы по поводу опозданій на занятія, онъ называлъ меня—«Полуши» (понимать надо Павлуша), «голупшикъ мой!» и дальше уже смѣшивалъ «ти» съ «ви».

Въ нашей дежуркѣ — нынѣшнее офицерское собраніе,—было въ числѣ другихъ игръ домино, особенность котораго заключалась въ томъ, что количество очковъ на костяхъ было доведено до 18, а не до 12, какъ въ обыкновенныхъ. При такомъ обиліи костей, игра въ домино требуетъ большой памяти, сообразительности, вниманія и навыка составлять себѣ игру черезъ прикупку, казалось бы даже и лишнихъ, будто-бы ненужныхъ, костей. Представленіе объ увеличенномъ домино у меня было еще довольно смутное, да и позже, благодаря моей разсѣянности, мнѣ въ кости никогда не везло.

Сижу я какъ-то надъ костями, въ уныніи соображая, что съ десятью рублями комфортабельно недѣлю не прожить, а ранѣе 6—7 дней, никакой получки быть не могло.

Подходитъ ротный и спрашиваетъ: умѣю-ли я играть и если да, то, чтобы заполнить время до вечернихъ занятій, не хочу-ли съиграть по самой маленькой?

Ложная гордость и девятнадцатилѣтній апломбъ мѣшаютъ сознаться, что я въ костяхъ «плавахъ» и съ радостью соглашаюсь на игру. По окончаніи ея, моя наличность убыла на половину. Съ горя сажусь завтракать по болѣе крупному масштабу, чѣмъ ежедневно практиковавшійся, и убыль кошелька доходитъ до состоянія почти полнѣйшей тоски.

На другой день въ ротѣ назначена стрѣльба дробинками. По окончаніи ея, ротный ушелъ въ канцелярію подписывать бумаги, а я, подвѣсивъ на ниточкѣ нѣсколько гривенниковъ, предался любимому развлеченію попадать въ нихъ. Это не такъ трудно: вся тайна сноровки заключалась въ томъ, чтобы брать идеально мелкую мушку и нажимать спускъ въ моментъ, когда поварачивающаяся монета будетъ видима всею своею плоскостью.

Не успѣлъ я сдѣлать и 3—4 выстрѣловъ, какъ подошелъ ротный и, увидѣвъ помятый гривенникъ, увѣренно заявилъ:

— «Ну, Полуши, это злучай, голупчикъ мой!»

На мои увѣренія въ противномъ, составилось пари, по которому самъ ротный, жалѣя мой кошелекъ, предложилъ за каждый удачный выстрѣлъ уплачивать рубль, а за промахъ получать съ меня четвертакъ.

Я торжествовалъ: очень скоро вчерашній проигрышъ вернулся ко мнѣ, увеличенный въ четыре раза, и я могъ спокойно выжидать окончанія постной для меня ранѣе недѣли.

IV.

Авторскій реверансъ.—Будто бы я энциклопедисты.—Фраки, пиджаки и клѣтчатые сюртуки въ роли профессоровъ стратегіи и тактики.—Чуточку о бурахъ и ихъ противникахъ.—Гдѣ примѣры?

Просмотрѣвъ, сколько страницъ мною посвящено стрѣльбѣ, я испугался за терпѣніе читателя.

Моя чернильница стала мнѣ казаться похожей на миску съ Демьяновой ухой, а вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнилась мудрая пословица о недосолѣ и пересолѣ... Пора, ой пора, перейдти на другія темы, рѣшилъ я и сталъ обдумывать такой переходъ. Однако, случайный взглядъ на изображеніе стрѣляющаго бура и на цѣлый ворохъ статей, поучавшихъ кому, какъ и для чего брать примѣръ съ тактики и стратегіи буровъ (буде послѣдняя у нихъ есть), остановилъ мое, быть можетъ и благое, намѣреніе.

Оправданія не заставили себя ждать: во первыхъ, соображалъ я, семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ, во вторыхъ—если пить чашу, такъ пить до дна, а зла не оставлять и въ третьихъ—не вправѣ-ли, читатель,—думалось мнѣ,—посѣтовать на меня въ такомъ напримѣръ, духѣ: что это такое? Все факты да характеристики, характеристики да факты! и никакихъ обобщеній, никакихъ выводовъ...

Пожалуй—такое замѣчаніе имѣетъ свой raison d'être, особенно нынѣ, когда по наблюденію одного изъ собратьевъ по перу, «философовъ почти нѣтъ, а философствующихъ хоть отбавляй!»

Давнымъ давно перестали бояться предостереженія Фамусова:

«Пофилософствуй—
Умъ вскружится!»

и философствуетъ всякъ и обо всемъ. Человѣкъ,

которому судьбой, количествомъ и качествомъ знаній предопредѣлено, положимъ, заботиться, чтобы его, отправляемое имъ-же заграницу зерно не порочило русской ржи, обращаетъ на это обстоятельство, хотя отъ послѣдняго и зависитъ главнымъ образомъ благосостояніе отправителя, очень мало вниманія, уступая позицію всевозможнымъ гешефтмахерамъ и будто бы кутультрегерамъ отпускной торговли, а въ то же время до хрипоты въ горлѣ и надсадки груди философствуетъ о необходимости административнаго передѣла, о вліяніи курса музыкальныхъ классовъ на политику вообще и на войну буровъ въ частности, объ единеніи желудковъ, патентованныхъ докторскими значками съ пищевареніемъ германскаго унтеръ-офицера и съ апетитами учителей ну хоть санскритскаго языка...

По сейчасъ безъ смѣха не могу вспомнить объ одномъ мелкомъ чиновникѣ, образовательный цензъ котораго застрялъ въ лабиринтѣ знаній четвертаго класса гимназіи. Человѣкъ онъ былъ аккуратный, исполнительный, но съ нѣкоторой дозой озлобленности за непризнаніе его талантовъ и подбитый легкимъ пухомъ легкаго либерализма. Тщательно и красиво переписывалъ онъ набѣло бумаги, также тщательно ихъ подшивалъ и заносилъ входящіе и исходящіе нумера. Начальство благоразумно поощряло его служебное рвеніе, получалъ онъ въ очередь и прибавочныя и наград-

ныя,— и благо ему было, зане жилось, по привычкамъ происхожденія и по извѣстной сытости, совсѣмъ недурно. Но духъ гордыни обуялъ юношу—захотѣлось кулику, чтобы хоть на какомъ ни на есть болотѣ, а разговоръ бы пошелъ о немъ.

Простите вульгарность: пыжился, пыжился куличекъ и допыжился вотъ до какой темы: «о вредѣ и ненужности стиховъ!» которую и умѣстилъ, легко сказать на трехстахъ страницахъ убористаго письма. Основное положеніе сего глубокомысленнаго трактата было, насколько помню, что нынѣ проза достигла такого совершенства, въ которомъ тонутъ всѣ красоты поэзіи! Полагать надо, что таковому превыспреннему заключенію философствовавшаго чиновника прежде всего содѣйствовала аккуратность и чистота подшивки вручавшихся ему входящихъ и исходящихъ нумеровъ; но во всякомъ случаѣ триста страницъ— право, даже умилиться можно.

Ужъ не знаю: былъ-ли трактамъ отпечатанъ или сдѣлался достояніемъ публики въ писаной формѣ, но съ тѣхъ поръ много воды утекло, а бумага стала намного терпѣливѣе и охотно печатаетъ и не такіе пассажи, открывъ широкое поле для всѣхъ философствующихъ, а попутно и плагіатмейстеровъ, при остроумныхъ пересмѣшкахъ послѣднихъ: «что-же такое, что трудъ чужой, за то *гонораріи мой*? А не вѣрите—никто не мѣшаетъ судиться идти!»

Болѣе другихъ самородками-энциклопедистами треплется обыкновенно медицина, юриспруденція, педагогія и, временами, такъ сказать въ пору моды и при оказіяхъ военное искусство во всѣхъ его видахъ и развѣтвленіяхъ. И Боже милостивый! какихъ только приговоровъ не наслушаешься въ перечисленныхъ областяхъ. Но такъ какъ давно извѣстно, что аматеръ отъ медицины по своимъ собственнымъ, даже самымъ чудодѣйственнымъ рецептамъ ни себя, ни себѣ близкихъ лечить не станетъ, а, если имѣется хотя грошъ въ кошелькѣ, побѣжитъ, хотя бы и при самомъ скромномъ гастрическомъ недомоганіи къ заправскому врачу; точно также доброволецъ-юриспруденціи свои свѣдѣнія и совѣты отложитъ въ сторону, когда дѣло коснется своей собственной тяжбы о какомъ нибудь пятіалтынномъ, да подыщетъ адвоката и т. д. и т. д., то о такихъ совѣтчикахъ—не отвѣтчикахъ можно и не распространятся въ особенности на столбцахъ книги, полной военныхъ темъ. Когда-же въ общество вторгаются мнѣнія о переустройствѣ и перевоспитаніи арміи, мнѣнія завѣдомо безпочвенныя, но для большей убѣдительности со ссылками на факты, истолковываемые вкривь и вкось, то здѣсь каждый—нечуждый военной школѣ и имѣющій возможность опровергнуть напраслину можетъ говорить «нетокмо за страхъ, а и за совѣсть».

Кажется ни одна изъ послѣднихъ войнъ не

породила въ обществѣ столько путаницы и гражданскихъ вздоховъ на милитарной подкладкѣ, какъ еще длящаяся война буровъ съ англичанами.

Въ ворохѣ всего по поводу ея напечатаннаго, особенно въ періодъ замѣтныхъ успѣховъ буровъ, часто между строкъ сквозятъ указанія на излишество постоянной арміи, встряхиваютъ давно надлежаще оцѣненное ученіе Лоренса Штейна о вооруженномъ народѣ, по утопичности своей для 130-ти-милліоннаго государства совершенно родственное желанію одѣть кита въ куртку 10-ти лѣтняго ребенка; рекомендуютъ навсегда отомкнуть и забросить штыки, вѣроятно для облегченія не атаки, а отступленія, совѣтуютъ обучать стрѣльбѣ всѣхъ, начиная съ ветхихъ старцевъ и до грудныхъ младенцевъ включительно, и на все это намекалось съ серьезностью, съ претензіями глубокомысліемъ Европу поразить, тогда какъ дѣйствительное мѣсто столь вдумчивымъ соображеніямъ только развѣ въ юмористическихъ листкахъ.

Подчеркивалась изумительная, баснословная мѣткость буровъ и героическая дисциплина огня— эти два рычага ихъ успѣховъ. Но если каждый буръ своего рода Вильгельмъ Тель, то чѣмъ объяснить безпримѣрныя въ исторіи войнъ извѣстія изъ обоихъ лагерей о *кровопролитныхъ упорныхъ* сраженіяхъ, зачастую длившихся непрерывно цѣлыя сутки, а то и дольше, съ финаломъ: 2 уби-

тыхъ 4 раненыхъ и нѣсколько десятковъ безъ вѣсти пропавшихъ, обыкновенно, впрочемъ, очень скоро находимыхъ около палатокъ противника. Я веду рѣчь къ тому, что приведенные мною выше примѣры мѣткости для каждаго сколько-нибудь опытнаго офицера не покажутся ни преувеличенными, ни удивительными. Это относительно офицерской стрѣльбы, что же касается нашихъ солдатъ, то я зналъ многіе и многіе батальоны, которые съ ружьями, *далеко не щеголявшими прежде своими балистическими качествами*, не выходили при 200 шаг. дистанціи изъ 90 проц., а при 400 изъ 75 проц. и мѣткости намъ у буровъ учиться не приходится.

Лично я имъ желаю отъ всей души счастія и желаю прежде всего во имя правды и права, грубо попираемыхъ ихъ утѣснителями, но сердечность пожеланій не должна мѣшать смотрѣть на истину прямыми глазами, не должна мѣшать сознанію и откровенному заявленію, что всѣ плюсы операцій буровъ имѣли начало единственно и прежде всего въ минусахъ ихъ противника, издавна научившагося и взявшаго въ привычку морочить свѣтъ своимъ болѣе чѣмъ призрачнымъ военнымъ могуществомъ.

Нѣтъ! Намъ нечему учиться у буровъ, даже ихъ пресловутой столь ославленной дисциплинѣ огня, ибо если бы она развернулась на практикѣ въ размѣрахъ, о которыхъ такъ усердно кричали,

то, несомнѣнно, ни одного изъ англичанъ давнымъ давно въ Трансваалѣ не осталось бы, или, на худой конецъ, остались бы только такіе, которые были-бы продырявлены, какъ старое рѣшето, и никакого значенія въ качествѣ боевого матеріала уже не имѣли бы.

Тысячу разъ надо признать глубокій смыслъ замѣчанія, мною услышаннаго отъ одного боевого генерала, въ свое время обильно полившаго своей кровью вражеское поле, заявившаго, что «у насъ удивительно все скоро забывается»! Да! забывается все достойное памяти, но за то съ тѣмъ большимъ усердіемъ задерживаются, говоря словами поэта:

«Мелкія нападки
На шрифтъ, виньетки, опечатки,
Намеки темные на то,
Чего невѣдаетъ никто.»

А если бы не забывалось, то съ чувствомъ благородной гордости памятовалось бы, что намъ за примѣрами и поученіями ходить далеко не слѣдуетъ. Образцы для будущаго могутъ быть съ величайшимъ успѣхомъ на самые разнообразные случаи найдены въ нашемъ же прошломъ. Доблести нашихъ отцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ вотъ альфа и омега военныхъ успѣховъ, военныхъ добродѣтелей! А то намъ и вдругъ буры съ англичанами! На подобныя указанія только и можно отвѣтить фразой руссофильствующаго

члена шустеръ-клуба: «меренишки и безъ никому.» Суворовская эпопея - это сплошное поученіе для каждаго русскаго и не только военнаго; героическая оборона Севастополя, отстаиваніе Шипки, Ахалъ-Теке съ зноемъ, жаждой, песками и безсонницей, при борьбѣ одинъ противъ ста да не при борьбѣ въ родной странѣ, а при наступательномъ движеніи. Все это нераздутые примѣры проявленія того служебнаго долга, той мощи духа, безъ которыхъ ни одна армія, ни одна милиція, ни одна воюющая сторона не пріобрѣтутъ дѣйствительныхъ, навѣки неувядаемыхъ лавровъ.

Справедливость заставляетъ отдавать дань уваженія и врагамъ. Вспомнимъ покореніе Кавказа. Вотъ, гдѣ борцы и наступавшіе, и оборонявшіеся достойно мѣрились силами. Съ одной стороны Архипъ Осиповъ, взрывъ порохового погреба, чтобы не сдаться, а взлетѣть на воздухъ вмѣстѣ съ упрямо насѣдавшимъ и несоизмѣримо сильнѣйшимъ врагомъ; но за то и съ другой стороны, горцы, уже насаженные на штыкъ и думающіе не о смерти, а сами всаживающіе въ себя штыкъ глубже, лишь бы въ предсмертную минуту коснуться кинжаломъ или шашкой шеи врага! Помните, читатель:

Делибашъ уже на пикѣ,
А казакъ безъ головы!

Это уже не мармеладъ съ лаун-теннисомъ.

И думается мнѣ, что кидаться на стоящіе щетиной штыки съ кинжаломъ и шашкой въ рукахъ отнюдь не легче, чѣмъ атаковать въ приклады съ охотничьимъ ножемъ за поясомъ.

Если страдать—геройство, то, конечно, въ настоящее время буры—герои, но для поучительности съ военной точки зрѣнія такой родъ геройства недостаточенъ и сравнивать трансваальскія стычки со страницами нашей военной славы очень походитъ на припряганіе пони-жеребенка къ хорошо наѣзженному кровному рысаку.

Китайскія осложненія, заставившія безпристрастную печать всего міра отдать должное доблести нашихъ войскъ, въ то же время и тѣмъ самымъ остановили или въ значительной мѣрѣ ослабили водотолченіе безвѣстныхъ авторитетовъ объ уничтоженіи штыковъ, военныхъ школъ и многаго другого, созданнаго многовѣковымъ опытомъ и знаніями лицъ, отдавшихъ всѣ силы свои военному дѣлу; тѣ же осложненія задержали и понемногу разыгрывавшуюся прыткость проектовъ о сто тридцатимилліонной милиціи.

VI.

Манія корнетъ-а-пистонства. Старый музыкантъ. — Потеря амбушюра. — Коварство друга. — Адская месть. Счастливое — время.

Возвращаюсь на старую позицію—ко временамъ давно прошедшимъ.

Какъ уже было упомянуто, офицеры при лагерной стоянкѣ часто собирались въ кружки для хорового пѣнія. Среди пѣвцовъ находились лица съ прекрасными, хорошо поставленными голосами — составлялись дуэты, тріо; попадались и солисты, слушать которыхъ было поистинѣ одно наслажденіе.

Особой популярностью и симпатіями пользовались пѣсни: «Ночевала тучка» и «Золотое время было, да сокрылось», исполнявшіяся однимъ далеко еще не старымъ, но успѣвшимъ уже совершенно посѣдѣть поручикомъ, съ такимъ за душу хватавшимъ чувствомъ, что какъ-бы весело слушатели не были раньше настроены, послѣ пѣнія поручика всегда «тихій ангелъ пролеталъ», наступало общее молчаніе, всѣ временно какъ - то сосредоточивались, не то что-то вспоминая, не то провѣряя себя...

Пѣніе доставляло лишь удовольствіе и не было основаній роптать на него; да, наконецъ, если бы оно кому пришлось не по душѣ, то всегда можно было изолировать себя и отъ самыхъ веселыхъ, и отъ самыхъ грустныхъ напѣвовъ. Другой разговоръ при поползновеніяхъ услаждать слухъ окружающихъ музыкой, да въ особенности черезъ посредство такого инструмента, какъ cornet-à-piston; звуки котораго въ старательныхъ рукахъ пробираются съ назойливостью самой сердитой осенней мухи въ любое отверстіе, въ малѣйшую скважину.

Почему и какъ сказать не умѣю, но вдругъ въ одинъ изъ лагерей чуть-ли не добрую четверть всего офицерства обуяла страсть къ этому бѣдовому инструменту. Играли хорошо только двое, а остальные еще подучивались. Показателемъ тонкостей игры всѣми выбирался старикъ, весь изукрашенный медалями и шевронами, старшій музыкантъ, очень часто на своемъ вѣку игравшій, какъ солистъ, въ извѣстныхъ всему Петербургу концертахъ въ пользу инвалидовъ и не разъ получавшій въ награду золотые часы за образцовое исполненіе поручавшихся ему партій.

Этотъ старый, честный служака стоитъ того, чтобы на немъ остановиться. Въ наше время, когда всюду и вездѣ замѣчается склонность матеріальными благами заштриховывать очень многое, подобные типы становятся рѣдкостью, а прежде, и не въ очень отдаленное прежде, они встрѣчались значительно чаще. Любовь его къ полку была рѣшительно трогательна. Хорошо извѣстный, какъ большой мастеръ своего дѣла, всѣмъ любителямъ и собирателямъ хоровъ, давнымъ-давно отбывшій обязательную службу, заслуженный музыкантъ получалъ очень часто, кромѣ обычныхъ въ музыкантскихъ хорахъ *перемановъ*, приглашенія, которыя, помимо увеличенія заработка, ставили старика еще и въ болѣе привилегированное положеніе. Однако, онъ, отслуживъ сверхсрочное время, не прельщаясь никакими приманками, продолжалъ

оставаться въ родномъ ему полку. Вообще онъ видимо считалъ невозможной для своего достоинства службу внѣ хора, которому былъ обязанъ первымъ знакомствомъ съ тайнами музыкальнаго искуства. Характерно, что онъ, какъ бы его не наталкивали на откровенность, о своихъ личныхъ успѣхахъ никогда не распространялся.

— «Скажи, пожалуйста, старина»! — бывало спросятъ его, — «правда-ли, что ты послѣдній разъ своей игрой всѣхъ до слезъ растрогалъ и, что даже самъ г. Направникъ на тебя особенное вниманіе обратилъ»?

Отвѣты изъ ряда вонъ выходившаго корнетиста въ такихъ случаяхъ отличались необыкновенной сжатостью и выливались всегда приблизительно въ такую форму.

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе! Нѣкоторые изъ господъ одобряли дѣйствительно»! — и дальше этого онъ не шелъ.

За то къ славѣ своего хора онъ былъ ревнивъ до чрезвычайности и при похвальныхъ отзывахъ, касавшихся всего родного оркестра, заслуженный музыкантъ забывалъ лаконичность и дѣлался краснорѣчивъ, какъ Демосфенъ, помноженный на Цицерона, сложеннаго съ Гамбетой.

На практиковавшихся иногда состязаніяхъ оркестровъ гвардейскихъ частей, какъ то въ первый номеръ былъ занесенъ хоръ финскихъ гвардейскихъ стрѣлковъ. Одинъ изъ офицеровъ, шутя,

замѣтилъ уже извѣстному тогда всѣмъ капельмейстерамъ корнетисту:

— «Что, братецъ мой, сплоховали? Финскіе-то васъ переиграли»! —

— «Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе! Осмѣлюсь доложить, что здѣсь не иначе какъ ошибка должна была произойти»!—совершенно увѣренно отвѣчалъ старикъ.

Послѣ участія съ полкомъ въ бою подъ Горнымъ Дубнякомъ, попорченные турецкими пулями музыкальные инструменты сдѣлались для старика предметомъ личной гордости и неизсякаемой темой для самыхъ сердечныхъ изліяній; а дважды прострѣленную, огромнѣйшую трубу — генералъ басъ, онъ прямо признавалъ за реликвію, которой должны, по его мнѣнію, поклоняться и старъ, и младъ, безъ различія званія и состояній.

Заслуженный корнетистъ, кромѣ идеальнаго чинопочитанія, обладалъ еще и врожденнымъ, замѣчательнымъ тактомъ. При какихъ бы обстоятельствахъ онъ ни присутствовалъ, онъ всегда бывалъ безупреченъ въ смыслѣ воинской выдержки и сознательности отношеній къ окружающему. Хотя во время корнетъ-пистонной маніи, за показанія, какъ удачнѣе игрой исторгать слезы слушателей, офицеры-любители старому музыканту платили и платили недурно, но мнѣ казалось, что старикъ не Богъ вѣсть какъ радовался деньгамъ: неугодно-ли изъ часу въ часъ ходить по бара-

камъ и *репетить* почти одно и то же, чувствуя себя все время на дипломатическомъ положеніи. А сходить съ дипломатической почвы не приходилось: нельзя же было въ самомъ дѣлѣ съ прямолинейной откровенностью отрапортовывать, что для хорошей игры необходимъ хорошій музыкальный слухъ; а это благо удѣлено не поголовно всему человѣчеству. Положеніе старика осложнялось еще и тѣмъ, что онъ прекрасно понималъ, что, входя въ баракъ, онъ являлся желаннымъ и пріятнымъ посѣтителемъ для офицера, жаждущаго достигнуть правильнаго надуванія щекъ, надлежащей постановки губъ и отмѣнной бѣглости пальцевъ, но въ то же время для другихъ сожительствующихъ въ баракѣ офицеровъ представлялся хотя и подневольнымъ, но всетаки непужнымъ палачемъ ихъ отдыха или иного безмятежнаго времяпрепровожденія.

Отъ различныхъ точекъ зрѣнія на благородное искуство порождались сцены водевильнаго характера:

— «Скажи, пожалуйста, что это такое со мной случилось? Вотъ уже который день я замѣчаю, что звукъ получается не прежней чистоты: хрипота какая-то слышна»!—тревожно задаетъ вопросъ старому музыканту молодой подпоручикъ, предававшійся обученію съ такимъ жаромъ, будто отъ его игры зависѣло благосостояніе не только его—подпоручика, а и всего на свѣтѣ существующаго.

— «Такъ точно»! — успокоиваетъ унтеръ, — «это, ваше благородіе, бываетъ. Амбуширъ изволили потерять»!

— «Прекрасное дѣло»! — раздается изъ сосѣдней комнаты голосъ другого, живщаго въ томъ же баракѣ офицера, — «если потерянъ амбуширъ, вашей игрѣ капутъ? Такъ что-ли, старина»? —

— «Никакъ нѣтъ-съ, ваше высокоблагородіе, это временемъ случается и онъ-съ, амбуширъ, заново вернуться можетъ»! *) — отвѣчаетъ музыкантъ.

— «Ахъ, чортъ возьми!» — добродушно подсмѣиваются изъ-за перегородки, — «попадись этотъ треклятый амбуширъ въ мою роту, я-бъ его безвыходно подъ-арестомъ держалъ».

Вечеромъ, въ столовой было прибито объявленіе, гласившее: «нашедшихъ амбуширъ подпоручика такого-то, просятъ убѣдительно, за скромное вознагражденіе, оставить у себя и отнюдь не доставлять въ баракъ №».

Въ другомъ баракѣ, изъ котораго чаще другихъ доносились разные stocatto, arpedjio и иные подготовительные пріемы будущей музыкальной славы, жили два пріятеля, сдружившіеся по правилу — крайности сходятся. Полюбившій упражненія на cornet-à-piston, былъ натурой пылкой, чѣмъ нибудь постоянно увлекавшейся; его пріятель

*) У музыкантовъ часто выраженіе «потерять амбуширъ» символическое и означаетъ утрату способности давать чистый звукъ.

ятель былъ олицетвореніе флегмы, высоко цѣнившій девизъ: «спокойствіе дороже славы».

Насколько артистъ-любитель старательно выдерживалъ паузы и подсчитывалъ темпы, настолько-же опрометчиво не задерживалъ рубли въ своемъ кошелькѣ и, не сдерживая ихъ прихотливаго стремленія вырваться на волю, не разсчитывалъ грядущихъ томительныхъ минутъ...

Лишь только флегматикъ замѣчалъ тѣни, спускавшіяся на финансовое положеніе своего друга, онъ неукоснительно всякій разъ обращался къ послѣднему съ такимъ коварнымъ предложеніемъ:

— «Послушай. Федя, я вѣдь знаю, что у тебя теперь по части монетъ слабо. Чѣмъ задумываться, продай-ка лучше свой cornet-à-piston, онъ же серебряный, а я покупателя одного знаю, хорошую цѣну предлагаетъ»!

— «Ни за что и никогда»!—постоянно гордо отвѣчалъ любитель, нѣжно смотря на сіяющій источникъ своихъ вдохновеній, и занималъ нужную сумму или у казначея, или у лукаваго совѣтчика-же.

Въ эти лагери манія корнетъ-а-пистонства обнаружилась не въ одномъ нашемъ полку, а кажется не было ни одной пѣхотной части, среди бараковъ которой не раздавались бы звуки варіацій на извѣстный романсъ: «Скажите ей», очень удобныя, для проявленія самаго огнедышащаго музыкальнаго чувства.

Извѣстно, что мода заразительна и очень походитъ на струйку воды, падающую со ступеньки на ступеньку, почему нерѣдкостью было услыхать «напѣвы нѣжные», выходившіе на свѣтъ Божій и изъ скромной палатки вольноопредѣляющихся.

Хотя вольноопредѣляющіеся обыкновенно занимали палатки, но въ одномъ изъ полковъ двумъ кандидатамъ на офицерство, по слабости ихъ здоровья, разрѣшено было занять свободный баракъ. Вкусы вольныхъ или невольныхъ сожителей не сходились: одинъ былъ въ восторгѣ отъ солдатскихъ щей и каши, а всю любовь свою отдавалъ прекрасному, сибирскому коту, предмету его заботъ, утѣхи и радости, съ сознаніемъ, что и его, вольноопредѣляющаго, жизнь важна и необходима для безпечальнаго существованія кота; другой льнулъ къ офицерскому столу, любилъ сладенькое, а душевную нѣжность, признавая кота за существо обыденное и потому тривіальное, перенесъ на свой корнетъ, задавшись мыслью во что-бы ни стало собственнымъ умомъ дойти до возможности свободно разыгрывать Травіату и Тангейзера.

Прежде чѣмъ добиться конечныхъ успѣховъ, онъ репетился въ потрясеніи воздуха предварительными болѣе легкими мотивами. Но инструментъ-ли былъ плохъ или грудь и уши вольноопредѣляющагося были исключительнаго устрой-

ства, а только любителю-музыканту безупречно давались лишь двѣ ноты, обѣ крайняго регистра: одна—верхъ жалости, живо напоминавшая пискъ подкинутаго, голоднаго грудного младенца; другая—характера устрашительнаго, послѣднее слово basso-profundissimo, способная заставить перегородки конфузиться за свою малоустойчивость. Очень скоро послѣ упражненій на корнетѣ у охотника до солдатской кухни и его четвероногаго друга загорѣлась въ сердцахъ адская ненависть къ инструменту столь зазорнаго и рѣшительнаго поведенія. Мольбы, адресованныя къ владѣльцу корнета á-piston, не принимались во вниманіе, при стереотипномъ возраженіи:

— Я-же не мѣшаю тебѣ возиться съ котомъ, такъ что пыль кругомъ стоитъ!

Вѣроятно не столько жалѣя себя, какъ охраняя спокойствіе своего четвероногаго любимца, хозяинъ его надумалъ жестокое истязаніе надъ беззащитнымъ въ отсутствіе музыканта-любителя инструментомъ. Всѣ клапаны были залѣплены смѣсью хлѣбнаго мякиша, клея и смолы, а во внутренность нарушителя покоя былъ влитъ растопленный каучукъ. Велико было преступленіе, но не меньшей злобой дышало и возмездіе! Не было надобности обладать находчивостью Лекока, для обнаруженія виноватаго. Воспользовавшись минутами, когда котъ оставался безъ присмотра, любитель музыки и сладкаго заловилъ животное

и... и... вмѣсто каучука влилъ въ него водки. Послѣдствія были полны трагизма: обезумѣвшій котъ началъ дѣлать въ баракѣ прыжки и пируэты, которымъ позавидовала бы самая выдающаяся балерина, не щадя въ своей стремительности имущественныхъ интерессовъ ни своего благодѣтеля, ни его товарища.

Отъ вольноопредѣляющихся мысль невольно переносится къ юнкерской средѣ родного Павловскаго училища.

Воспоминанія о немъ на этихъ страницахъ особенно умѣстны, потому что лѣтомъ, при лагерномъ сборѣ, оно жило въ условіяхъ гвардіи, непрестанно участвуя съ нею на ученьяхъ, смотрахъ и маневрахъ; кромѣ того, милостью почившаго Главнокомандовавшаго Фельдмаршала Великаго Князя Николая Николаевича, бывшаго крайне довольнымъ за лагери юнкерами, нашъ выпускъ далъ такой значительный процентъ вновь-произведенныхъ въ гвардейскія части офицеровъ, какой ранѣе никогда невстрѣчался; но воспоминанія объ alma mater увлекли бы мое вниманіе надолго, а и о родномъ полкѣ многаго еще не договорено того, что подсказываетъ благодарная за счастливые, былые дни память.

Недочеты и незаконченность будутъ исправлены, если этой книги посчастливится увидѣть второе изданіе, а теперь не могу въ этой главѣ поставить точку, прежде чѣмъ не сказать: слава

родному, горячо-любимому училищу за его отеческія заботы о своихъ питомцахъ! Слава родному, славному, дорогому полку, въ которомъ молодежь попадала сразу въ идеальное военное братство! Слава и вѣчно-благодарная память тѣмъ счастливымъ временамъ, когда юноши, вступая въ самостоятельную жизнь, не смотрѣли на службу только какъ на постоянный іерархическій подъемъ съ золотыми яблоками наверху, а главными житейскими удачами признавали сердечность товарищескихъ отношеній, искренность и безоблачность ихъ.....

Вѣрю, что и поднесь сохранились такія-же возрѣнія, но каждому дороги свои молодые годы и о нихъ всегда вспоминается съ исключительными радостью и задушевностью.....

Немезида.

(Изъ воспоминаній старика кавалериста).

I.

Лѣтъ пятьдесятъ назадъ военныхъ врачей не было; слава Пирогова, обошедшая потомъ всю Европу, тогда еще только-только зарождалась... Послѣ знаменитаго хирурга, начали служить въ полкахъ врачи и доктора, ранѣе были одни лѣкаря.

А что такое въ старину былъ лѣкарь? Да, конечно же, нѣчто менѣе интересное, чѣмъ берейторъ, капельмейстеръ и даже оружейный мастеръ уже по одному тому, что со всѣми послѣдними чаще приходилось имѣть дѣло.

Прежняго лѣкаря если и видѣли съ офицерами, то только съ больными; проходила нужда и лѣкаря забывали; онъ оставался какъ бы въ тѣни.

Но таковъ порядокъ былъ въ *N*-скомъ кирасирскомъ полку. Тамъ лѣкарь Хроминъ признавался всѣми полноправнымъ членомъ офицерской

семьи, такимъ положеніемъ онъ былъ обязанъ своему характеру, и своимъ знаніямъ.

Молодой, мечтательный блондинъ—незлолюбивый, какъ дитя, и мягкій, какъ воскъ, Хроминъ въ общежитіи пользовался симпатіями всѣхъ кому доводилось съ нимъ встрѣчаться; но лишь дѣло касалось его обязанностей, этотъ уступчивый, высокоделикатный человѣкъ преобразовывался: откуда то появлялись твердость, рѣшимость и властность, которыя особенно замѣтно обнаруживались при трудныхъ операціяхъ, и изъ нихъ онъ почти всегда выходилъ побѣдителемъ.

Многіе были обязаны ему возстановленіемъ здоровья, а не мало было и такихъ, которые покоились бы на венгерскихъ поляхъ, если бы не искусныя руки Хромина, дѣлавшія чудеса, при извлеченіи пуль, при сшиваніи колотыхъ и рѣзанныхъ ранъ—этихъ слѣдовъ лихихъ кирасирскихъ атакъ.

Неудивительно, что офицерство любило Хромина, а онъ самъ вполнѣ сжился съ полкомъ, былъ къ послѣднему очень привязанъ и съ увлеченіемъ участвовалъ во всѣхъ полковыхъ пирушкахъ, забывая на это время латинскую кухню и примѣромъ на себѣ часто доказывалъ всю суетность совѣтовъ медицины.

— А собирались мы таки-часто. Нашъ полкъ издавна славился товариществомъ, а, по возвращеніи изъ Венгерской кампаніи, оно

еще больше окрѣпло: офицерство держалось, точно въ кулачкѣ сжатое, словомъ семья родная—да и только.

На одномъ изъ общихъ завтраковъ было какъ то меньше обычныхъ шутокъ, вообще беззаботности. Всѣхъ занималъ вопросъ: кого то намъ посылала судьба въ товарищи?

Какъ только вышелъ изъ-за стола командиръ полка, мнѣнія стали раздаваться откровеннѣе и рѣзче.

— А по мнѣ—возвысилъ голосъ маіоръ Граевъ, говорившій всегда очень мало и рѣдко, поэтому и пользовавшійся, кромѣ другихъ причинъ, особымъ авторитетомъ,—мы на разборъ этого вновь поступающаго поручика Костицы напрасно время тратимъ. Поживемъ, увидимъ! по-моему онъ уже тѣмъ молодецъ, что выбралъ никакой другой, а именно нашъ славный кирасирскій полкъ; такъ лучше, чѣмъ его косточки перемывать, выпьемъ ка впередъ, на уру, его здоровье!—

Но на этотъ разъ даже вліянія добродушнаго маіора оказалось недостаточно, стаканы не подымались и посыпались возраженія.

— Въ томъ то и дѣло, что *онъ* не выбиралъ даже командира не спрашивали; а взяли, да и перевели, какъ снѣгъ на голову! - замѣтилъ франтоватый адъютантъ.

— То скверно,—поддержалъ адъютанта сѣдой ротмистръ, влюбленный въ полкъ до того, что

далъ клятву умереть въ немъ,—что Костица переведенъ за двукратный, хоть это извѣстно и неофиціально, вызовъ на дуэль своихъ товарищей; а значитъ: безпокойный человѣкъ—разъ, а, два—что замѣшана протекція. За вызовъ то что полагается? а?—а Костицу изъ гусаръ въ кирасиры переводятъ! выходитъ никакого наказанія и нѣтъ.—

— Ну, такъ выпьемъ за то, чтобы славные N-скіе кирасиры оставались тѣми же, кого бы къ нимъ не переводили!—согласился Граевъ.

Этотъ тостъ покрылся дружнымъ, громкимъ «ура», и завтракъ разгорѣлся въ цѣлую пирушку.

II.

Поручикъ Костица не заставилъ себя долго ждать.

Всѣ съ любопытствомъ вглядывались въ его, сухопарую фигуру, которую можно бы было назвать стройной, если бы она не была въ поясницѣ будто перегнута пополамъ,—«отъ усиленной верховой ѣзды съ шести лѣтъ»,—какъ объяснялъ потомъ самъ Костица, хотя по кой-гдѣ уже пробивавшимся краснымъ жилочкамъ на молодомъ еще, но казавшемся потертымъ жизнью лицѣ, можно было догадываться и о другой причинѣ этой согбенности. Лицо экс-гусара было красиво, оно было бы даже пріятно, если бы не

глаза, обладавшіе удивительнымъ свойствомъ: то они казались свѣтло-карими; то, особенно въ минуты волненія, дѣлались какими-то прозрачно-зелеными... впечатлѣніе ухудшалось, потому что Костица никогда не могъ смотрѣть спокойно и зрачки его глазъ постоянно будто прыгали.

Переведенный поручикъ началъ присматриваться къ нашему обществу, а офицерство къ нему. Онъ былъ вѣжливъ, приличенъ, но одна черта возбуждала противъ него: въ то время, когда у насъ каждое лицо какъ бы тонуло въ полковомъ обликѣ, въ Костицѣ сидѣлъ неугомонный бѣсъ выдвинуться, казаться не какъ всѣ, а какимъ-то особеннымъ: оттого-то, хотя годъ уже прошелъ и Костица успѣлъ со всѣми выпить на «ты», а все онъ смотрѣлъ пришельцемъ,— не нашего поля ягодой, не смотря на утѣшенія Граева,—онъ былъ у него въ эскадронѣ.

- Посмотрите, господа! посмотрите, выравняется такъ, что со всѣми зауряд пойдетъ!— Однако, Костица зауряд не пошелъ.

Больше всего рѣзало глаза отношеніе Костицы къ Хромину: первый, будто на перекоръ всѣмъ, не желалъ признавать второго такимъ, какимъ признавалъ его полкъ. Костица свои сношенія съ Хроминымъ ограничивалъ безмолвнымъ здорованьемъ и сухими поклонами при встрѣчахъ; если случалось, что Хроминъ садился подлѣ экс-гусара, тотъ—сейчасъ-же вставалъ и

пересаживался, а по лицу у него пробѣгала улыбка точно онъ хотѣлъ сказать:

— Вотъ тоже! кирасиры боевой полкъ, на самаго Гергея въ аттаку ходили, а теперь дружбу съ лѣкаремъ водятъ.—

Всѣмъ было замѣтно такое поведеніе Костицы кромѣ самого Хромина, или не придававшаго выходкамъ бывшаго гусара значенія или, по своей разсѣянности, прямо таки не обращавшаго на нихъ вниманія.

Не разъ такая пренебрежительность Костицы къ лѣкарю служила темой разговоровъ между офицерами и если бы не мѣшало гдѣ то глубоко глубоко затаившееся сознаніе, что Костица, какъ носящій мундиръ полка, имѣетъ право на первенство, то, конечно, ему давно бы объяснили, что Хроминъ состоитъ, такъ сказать, на особенномъ положеніи.

III.

Не за горами и лагери были. Предлагерный смотръ прошелъ блестяще и былъ, по окончаніи, спрыснутъ, какъ слѣдуетъ.

Всѣ были настроены радостно и общительно. На диванѣ сидѣли Костица и два офицера, мѣста хватило бы еще на двухъ, и Хроминъ собрался было сѣсть между Костицей и поручи-

комъ Рокотовымъ, не признававшимъ скуки и бывшимъ серьезнымъ только въ строю.

— Ну, куда здѣсь садиться? когда и такъ тѣсно!—раздраженно замѣтилъ Костица и раскинулъ полы сюртука.

Сконфуженный Хроминъ хотѣлъ уже отойти.

— Э, вздоръ какой!—отвѣтилъ Рокотовъ, и, схвативъ за руку Хромина, посадилъ на диванъ на самую полу сюртука Костицы,—для кого другого, а для нашего Хромина-цѣлителя всегда мѣсто найдется!—И замѣтивъ, что Костица, сухо проговоривъ: «позвольте», выбираетъ полу и собирается уходить, смѣясь обратился къ нему:

— Я бы, Костица, при твоей фамиліи никогда бы на тѣсноту не жаловался, а что ты полы разбросалъ, такъ, отъ этаго на твоихъ костяхъ мяса не прибавится!—

Дружный смѣхъ весело настроенныхъ офицеровъ раздался въ отвѣтъ на шутку Рокотова.

Все лицо Костицы точно перекосило, на щекахъ выступили пятна, глаза заметались и сдѣлались зелеными.

— Пра-ашу такія шутки оставить! —хриплымъ голосомъ заявилъ бывшій гусаръ.

— Ой! батюшки, страшно! ой, до родимчика напугалъ!—продолжалъ школьничать Рокотовъ, любимецъ молодежи за свою беззаботную веселость.

Костица наклонился къ самому уху Роко-

това и прошипѣлъ, стараясь быть фатальнымъ: — я вамъ пришлю секундантовъ!—

— Закатывай! - громко и безшабашно отвѣчалъ вызываемый —только нельзя ли поскорѣй! покрайней мѣрѣ хоть на рысяхъ!—

И часу не прошло, какъ Костицу отозвалъ въ отдѣльную комнату маіоръ Граевъ гдѣ дожидался ихъ сѣдой ротмистръ, сердито и сосредоточенно крутившій усы.

Добродушный маіоръ сдѣлался неузнаваемымъ.

— Поручикъ!—строго началъ Граевъ, заперевъ предварительно дверь,—двадцать пять лѣтъ я въ полку! онъ,—показалъ Граевъ на ротмистра, почти столько же. Бывали оба на дуэляхъ, и участниками и свидѣтелями,—насъ дуэлями не удивишь; но, слава Богу, горжусь тѣмъ. что въ нашемъ полку между своими офицерами у насъ о поединкахъ и не слыхивали! маіоръ остановился и тогда, служа его продолженіемъ, заговорилъ ротмистръ.

— Рокотова мы всѣ знаемъ и любимъ, и ужь, конечно, онъ пистолета не испугается! Да-съ! не струситъ!—загорячился ротмистръ, точно боясь, что можетъ быть хоть мгновеніе, когда усумнятся въ истинѣ его словъ,—очень недавно Рокотовъ дрался съ какимъ то мѣстнымъ паномъ, мы стояли на границѣ. Панъ былъ заносчивъ и неправъ; опасались мы за Рокотова, но не отговаривали! Потому тамъ у мѣста было вспоминать о чести

полка; такъ, вѣдь, то панъ, а вы носите общій, намъ дорогой мундиръ. А знаете: какъ та дуэль кончилась?

Панъ стрѣлялъ первый и слегка задѣлъ Рокотова, къ счастію въ мякоть. Панъ блѣдный стоитъ; выстрѣла ждетъ и съ жизнью прощается, а Рокотовъ,—рана сочится у него,—улыбается и вдругъ пистолетъ швырнулъ; вынулъ изъ задняго кармана лимонаду полбутылки и по направленію противника пробкой хлопнулъ, а потомъ и говоритъ: угодно продолжать? но тотъ продолжать не пожелалъ. Такъ то? Нѣтъ-съ! *вамъ* Рокотова не запугать.—

Костицѣ становилось все больше не по себѣ.

— Рокотовъ васъ не обидѣлъ; этакъ вмѣстѣ и быть нельзя,—снова заговорилъ Граевъ,—если каждое лыко въ строку; а вы своимъ вызовомъ обидѣли и его,—показалъ онъ на ротмистра—и меня, и все наше товарищество, и придется, послѣ Рокотова, вамъ со всѣмъ полкомъ перестрѣляться!—

Костица смѣшался окончательно.

Замѣтивъ его смущеніе, старый маіоръ продолжалъ уже дружелюбнѣе.—Такъ вы это дѣло оставьте и никакой дуэли не надо!—закончилъ Граевъ и кивнулъ головой ротмистру, который отвѣтивъ: «сейчасъ» вышелъ изъ комнаты.

— Видишь ли, голубчикъ!—уже совершенно дружески, снова переходя на «ты», проговорилъ

маіоръ,—повѣрь мнѣ старику: шалить поединками не надо и не для похвальбы они придуманы.

Костица не успѣлъ еще хорошенько прійти въ себя, какъ дверь снова открылась и вошелъ ротмистръ подъ руку съ Рокотовымъ, держа въ рукахъ бутылку и четыре стакана.

— Что, отстрѣлялись?—не удержался сбалагурить Рокотовъ. Костицу передернуло, а маіоръ, погрозивъ шутнику пальцемъ, сталъ разливать вино. Стаканы были опорожнены залпомъ, при взаимномъ рукопожатіи, и всѣ четверо вышли въ общую комнату.

IV.

Скоро въ лагери выступили. Костица съ полкомъ не пошелъ, какъ получившій завѣдываніе оставшейся командой. Лагери выпали затяжные. Среди самаго ихъ разгара, Хроминъ отпросился въ городъ и поздно ночью, но все-таки, не взирая на сорокаверстное разстояніе, вернулся обратно.

На слѣдующій день его изъ офицеровъ никто не видалъ до самаго вечера, когда онъ, не объяснивъ для чего, побывалъ у командира полка и заявилъ офицерамъ, что завтра рано уѣзжаетъ въ отпускъ, вѣрнѣе всего—въ свой горячо любимый полкъ болѣе не вернется.

Какъ ни приставали къ нему съ разспросами,

но онъ, блѣдный, опустившійся, глухимъ, страдальческимъ голосомъ скороговоркой отвѣчалъ:

Такъ надо, такъ надо! иначе нельзя и прошу: не будемъ объ этомъ говорить.—

Послѣ наскоро устроенныхъ проводовъ, утромъ полкъ навсегда простился съ Хроминымъ такъ, какъ бы уѣзжалъ родной всему полку человѣкъ.

По возвращеніи полка въ городъ, многіе встрѣчали Костицу съ молодой, симпатичной дѣвушкой. Сплетня говорила, что ранѣе за ней ухаживалъ Хроминъ. Лѣкаря жалѣли, видя въ этой дѣвушкѣ причину его внезапнаго отъѣзда, но никто не осуждалъ Костицы по правилу: насильно милъ не будешь.

Правда обнаружилась много позднѣе.

Почти за годъ до внезапнаго отъѣзда, Хромина позвали, для подачи помощи, въ небогатую семью, состоявшую изъ больной старухи и ея двадцатилѣтней дочери. Болѣзнь была упорна и тяжела. Хроминъ вырвалъ старуху отъ смерти, но больше и его искусство сдѣлать ничего не могло. Больная почти не покидала постели и впала въ младенческое состояніе. Хромина поразила кротость и терпѣливость дочери.

Онъ привязался къ беззащитной дѣвушкѣ. Немного времени понадобилось, чтобы привязанность обратилась въ глубокую, нѣжную любовь, и выше Лиды для Хромина не было никого.

А она? Онъ ей нравился,—нравился настолько,

что она съ чистымъ сердцемъ приняла сдѣланное ей предложеніе. Лагерное время перевернуло все. Передъ самымъ выступленіемъ Костица встрѣтилъ Хромина съ Лидой и прослѣдилъ ихъ. Познакомиться не встрѣтилось особенныхъ препятствій.

Насколько Хроминъ былъ неувѣренъ и застѣнчивъ, настолько Костица былъ развязенъ и смѣлъ. И то, что подготовлялъ исподволь и деликатно Хроминъ, разсчитывая обратить симпатію дѣвушки въ ровный, всегда согрѣвающій, но тихій свѣтъ супружеской любви, Костица съумѣлъ разжечь въ бурное, бѣшенное, незнающее преградъ пламя любовницы. Съ особымъ рвеніемъ тратилъ онъ на свою задачу время и средства, подталкиваемый къ ея удачному для себя разрѣшенію, кромѣ красоты Лиды, еще и воспоминаніемъ, что не изъ-за кого другого, а именно изъ-за Хромина ему пришлось вынести первое нежелательное объясненіе съ маіоромъ Граевымъ.

Когда Лидой былъ сдѣланъ рѣшающій шагъ, она послала Хромину туманное письмо, въ которомъ неясными намеками просила дать ей одуматься—даже временно забыть ее и, во всякомъ случаѣ, къ нимъ до новаго письма не пріѣзжать.

Взволновавшійся, ничего толкомъ не понявшій, Хроминъ нѣсколько дней выдерживалъ, наконецъ, не утерпѣлъ и поѣхалъ.

Пользуясь правами домашняго знакомаго, онъ прошелъ черезъ залу въ гостиную. Онъ зашатался, все пошло кругомъ въ его глазахъ, все было мутно, какъ въ туманѣ, кромѣ Лиды и Костицы, которую тотъ держалъ въ объятіяхъ и покрывалъ поцѣлуями.

Дѣвушка, не крикнувъ, а взвизгнувъ «ахъ!» бросилась въ свою комнату, инстинктивно, на бѣгу приводя въ порядокъ свою разметавшуюся косу.

Бывшій гусаръ, неловко переминаясь на мѣстѣ, круто обернулся къ Хромину; тому казалось, что на лицѣ Костицы играла насмѣшка.

— Вы... Вы...—растягивая слова проговорилъ Хроминъ,—поступили нечестно! понимаете, нечестно!—и для чего то добавилъ,—вы у меня украли все! рѣшительно все!—

— Да - а?—засмѣялся Костица, и, стараясь казаться какъ можно спокойнѣе, онъ спросилъ:—угодно стрѣляться, можетъ быть? точно этимъ онъ дѣлалъ большое снисхожденіе лѣкарю.

— Да-съ! непремѣнно и на смерть, — весь трясущійся выкрикнулъ Хроминъ, и, забывшись, даже ударилъ кулакомъ по столу.

Улыбка сошла съ лица Костица; онъ присвиснулъ, наклонилъ голову въ знакъ согласія и вышелъ изъ комнаты, а Хроминъ все стоялъ въ какомъ-то оцѣпѣненіи, не будучи въ силахъ двинуться съ мѣста и точно провѣряя что то,

что онъ видѣлъ, была дѣйствительность, а не миражъ.

Лишь только за Костицей хлопнула дверь, какъ быстро вошла въ гостиную Лида. На лицѣ у ней не было ни кровинки. Глаза были неестественно расширены и блестѣли дикимъ огнемъ.

Она упала на колѣни предъ Хроминымъ и, казалось, совершенно обезумѣвъ, ловила его руки для поцѣлуевъ, крича:—О, простите, простите меня!—

Хроминъ старался ее поднять и голосомъ, полнымъ самыхъ страшныхъ мукъ не говорилъ, а какъ-то стоналъ:

— Лида! такъ обмануть? за что-же? за что?—

Дѣвушка поднялась, пытливо посмотрѣла въ глаза бывшему жениху и, вдругъ припавъ къ его рукѣ, поливая ее слезами, она начала молить прерывающимся рыданіями голосомъ:

— Я одна виновата! Я одна! пощадите меня! не надо крови! не надо поединка! Если вы любите меня!—

Поединка не было и такъ никто долгое время и не зналъ объ истинной причинѣ быстраго отъѣзда лѣкаря Хромина.

V.

Прошло больше трехъ лѣтъ, полковая жизнь за это время шла спокойно, какъ широкая, могучая рѣка въ ровныхъ берегахъ. Только одинъ

ручеекъ, вливавшійся въ нее, изсякъ. Поручикъ Костица вышелъ изъ полка. Желаніе вести жизнь напоказъ и быть особеннымъ обходилось ему не дешево и онъ, что называется, прогорѣлъ.

Лиду, связь съ которой онъ, не стѣсняясь, афишировалъ, Костица безжалостно бросилъ на произволъ судьбы.

Несчастная дѣвушка, успѣвшая, раньше разлуки съ поручикомъ, похоронить свою мать, была не въ силахъ оставаться въ своемъ городѣ и скоро, послѣ отъѣзда Костицы, покинула родное мѣсто.

Дальнѣйшей судьбой любителя вызововъ въ полку мало интересовались. Правда, отъ ремонтеровъ, объѣзжавшихъ всѣ крупныя ярмарки юга, слышали, что будто, Костица обратился, въ почти милліонера-помѣщика, женившись на вдовѣ старше его годами, но влюбленной въ него со всѣмъ пыломъ первой страсти и богатство которой было обратно пропорціонально ея внѣшности.

Мнѣ пришлось по дѣламъ побывать въ одномъ изъ южныхъ университетскихъ городовъ.

Не имѣя тамъ никого знакомыхъ, я посѣщалъ только присутственные мѣста, злѣйшимъ образомъ скучая остальное время въ лучшей гостинницѣ.

Какъ то послѣ обѣда, сжегши непомѣрное количество тогда знаменитаго Жукова, я лежалъ на диванѣ, готовясь сномъ сократить свое ничего-

недѣланье; уже дремота напала на меня и вдругъ, въ полуснѣ, я услыхалъ какую то особенную бѣготню, отрывистые вопросы прислуги, торопливыя сбивчивыя приказанія хозяина и приказчика, словомъ, гостинница ходуномъ заходила.

— Видно происшествіе! — рѣшилъ я, очень довольный, что однообразіе номерной жизни нарушено, потянулся и вышелъ въ корридоръ узнать о причинѣ шума.

Въ корридорѣ ни души; спросить некого, все внизу на лѣстницѣ. Но ждать мнѣ пришлось не долго. Скоро мимо меня въ лучшій номеръ, сосѣдній съ моимъ, пронесли на носилкахъ не то трупъ, не то полуживого человѣка, покрытаго простыней, на которой мѣстами просачивалась кровь.

Съ боку носилокъ, заслоняя собой отъ меня лицо того, кто на нихъ лежалъ, шла помертвѣвшая отъ страха и страданій нестарая еще женщина, смотрѣвшая на изувѣченнаго, какъ на святыню.

Вскорѣ, когда кой-какъ порядокъ былъ возстановленъ, мнѣ сообщили, что извѣстный въ губерніи помѣщикъ, отставной поручикъ Костица, на косогорѣ, при самомъ въѣздѣ въ городъ, былъ выброшенъ со своей женой изъ экипажа, который понесли лошади. Жена отдѣлалась благополучно, упавъ въ грязную канаву, а помѣщика переѣхала скакавшая на встрѣчу тройка. Одна

нога у него была переломлена съ раздробленіемъ костей.

Всю ночь мнѣ не давали спать; через дверь отчетливо слышалось каждое слово. Трое докторовъ хлопотали около больного, который не приходилъ въ себя.

Поздно вечеромъ—въ корридорѣ, около самой моей двери, сквозь заглушаемый плачъ послышался молящій вопросъ:

— Неужели-же нельзя безъ операціи? Докторъ, спасите его! Я готова отдать, что угодно, только бы *онъ* не былъ калѣкой!

— Сударыня! я совѣщался съ коллегами, и мы пришли къ единогласному рѣшенію, что рано утромъ надо ампутировать ногу—иначе больному грозитъ смерть отъ могущаго появиться антонова огня!—раздался сухой, дѣловитый отвѣтъ старшаго изъ врачей.

— О Боже, Боже мой! неужели иначе нельзя?—опять повторила жена Костицы, рыдая истерично.

— Мы твердо убѣждены, что нашъ діагнозъ поддержитъ и самъ Хроминъ.

— Кто? кто такой? отчего его нѣтъ здѣсь? ну призовите его... а можетъ быть?—умоляла она.

— Извольте! — отвѣчалъ врачъ. — Кто Хроминъ? — Это профессоръ въ здѣшней клиникѣ; кстати, мой коллега у него ассисентомъ и, вѣроятно, не откажется привезти его.—

Черезъ часъ пріѣхалъ Хроминъ со своимъ помощникомъ.

Хроминъ отшатнулся отъ больного, когда увидалъ, кого ему надо было спасать.

— Хорошо-съ я его изслѣдую! —сухо отвѣтилъ онъ плачущей г-жѣ Костицъ,—только позвольте мнѣ немного остаться одному, чтобы приготовиться, и онъ вышелъ въ корридоръ.

Минутъ двадцать раздавались тамъ нервные быстрые шаги, покрываемые иногда глубокими вздохами.

Потомъ жена изувѣченнаго была удалена; съ нимъ остались Хроминъ и доктора.

Послѣ часовой работы, во время которой вопли больного порой, разносились по всей гостинницѣ, вдругъ наступила могильная тишина. Хроминъ вышелъ, сказавъ своему помощнику: — первое время я самъ буду его навѣщать; передайте его женѣ, что если не будетъ неожиданныхъ осложненій, въ ампутаціи не встрѣтится надобности.

Процессъ срощенія кости протекалъ, по видимому, хорошо и въ сосѣднемъ номерѣ уже шелъ разговоръ о будущемъ гонорарѣ:

— Слава Богу ты не будешь, дорогой мой, калѣкой и какое счастіе, что тебя навѣщалъ Хроминъ; знаешь-ли? другіе, вѣдь просто страшно подумать, непремѣнно хотѣли отрѣзать тебѣ ногу! — влюбленнымъ голосомъ мягко говорила жена.

— Да? такъ это Хроминъ меня спасъ? — тихо отвѣчалъ больной - милая, прошу тебя! не скупись этотъ разъ,— дальше просилъ онъ,— заплати ему, какъ можно только больше!—

— Хорошо! хорошо! ужь не безпокойся, а поправляйся скорѣе! сказала г-жа Костина и дальше стали перебираться возможныя цифры вознагражденія, повидимому, настолько-же разсчетливой, на сколько и влюбленной, бывшей вдовой.

Вечеромъ пріѣхалъ Хроминъ.

— Я вамъ такъ благо...—началъ Костина и не успѣлъ договорить, прерванный профессоромъ:

— Хорошо! хорошо - объ этомъ послѣ, - поторопился отвѣтить тотъ,—вамъ нельзя волноваться и я не могу разрѣшить вамъ говорить!— и Хроминъ, осмотрѣвъ больного, обратился къ его женѣ:

— Я слишкомъ занятъ! Дальнѣйшей надобности въ моихъ визитахъ я не вижу. Теперь важнѣе всего правильный уходъ и постоянное наблюденіе. Завтра утромъ я буду послѣдній разъ, дальше будетъ пользовать вашего мужа мой ассистентъ. Онъ-же привезетъ сидѣлку, которой я и объясню, зачѣмъ надо особенно наблюдать.—

И Хроминъ раскланялся.

Въ тѣ времена не было еще общинъ сестеръ милосердія. Сидѣлокъ брали съ воли, а лучшими считались тѣ, которыхъ отпускалъ женскій монастырь; настоятельница держала нѣсколькихъ, тѣ-

вушекъ и женщинъ, изъ числа желавшихъ постриженія, и, въ видѣ искуса, возлагала на нихъ уходъ за больными, пробуя этимъ ихъ нравственную устойчивость и мощь.

На другой день Хроминъ пріѣхалъ раньше своего помощника. Онъ особенно внимательно осматривалъ своего паціента. Пока онъ выслушивалъ пульсъ, въ дверь постучали.

— Войдите!—пригласила г-жа Костица.

Ассистентъ пропустилъ впередъ одѣтую во все черное блѣдную, исхудалую дѣвушку.

— Вотъ!—кланяясь,—началъ было говорить ассистентъ.

На нее одновременно взглянули Хроминъ, вздрогнувшій отъ неожиданности и опустившій руку больного, и самъ больной, лихорадочными глазами смотрѣвшій на вошедшую, какъ на призракъ.

А блѣдное лицо дѣвушки еще болѣе побѣлѣло; оно стало точно совершенно прозрачнымъ, въ расширенныхъ глазахъ видѣлся ужасъ и смятеніе.

— Вы? онъ! онъ—вы!—только и смогли прошептать ея безкровныя губы; она зашаталась и упала въ глубокій обморокъ...

Если случай заставилъ перенспытать ни въ чемъ неповинную жену Костицы нѣсколько непріятныхъ минутъ утромъ, то вечеромъ ея бережливая натура хоть отчасти была за то вознаграж-

дена, такъ какъ посланный на квартиру Хромина крупный гонораръ былъ возвращенъ обратно при запискѣ, въ которой значилось: «благоволите, только послѣ полнаго выздоровленія вашего мужа, напомнить ему, что я никогда не бралъ и не беру денегъ со своихъ товарищей и бывшихъ сослуживцевъ».

3) Папиросы подъ названіемъ:

„ЗАКАЗНЫЯ“

цѣною за 1000 штукъ: **6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р. и 20 р.**

пользуются давно заслуженной извѣстностью имѣются на всѣ цѣны въ 4-хъ форматахъ №№ 13, 84, 28, и 90.

4) Папиросы подъ названіемъ:

„СПЕЦІАЛЬНЫЯ“

съ золотымъ ободкомъ (безъ муншт.).

цѣною за 1000 штукъ: **10 руб., 20 руб. и 30 руб.**

назначены для любителей папиросъ безъ мундштуковъ: вслѣдствіе золотого ободка ихъ можно курить безъ мундштука (онѣ не прилипаютъ къ губамъ).

ОТПРАВКА ПО ПОЧТѢ.

Чтобы дать возможность гг. потребителямъ, живущимъ внѣ С.-Петербурга, получить непосредственно изъ фабрики всегда свѣжій табакъ и папиросы, Т-во Лафермъ отправляетъ по почтѣ наложеннымъ платежемъ на всѣ станціи жел. дор. Европейской Россіи и Закавказья свои издѣлія.

ПРИНИМАЯ ПОЧТОВЫЕ РАСХОДЫ ЗА СВОЙ СЧЕТЪ,

такъ что гг. потребители получатъ у себя на мѣстѣ табачныя издѣлія по той же цѣнѣ, какъ въ С.-Петербургѣ.

Вслѣдствіе особыхъ почтовыхъ правилъ о маловѣсныхъ посылкахъ, Т-во Лафермъ отправляетъ **за свой счетъ** почтовыя посылки двухъ родовъ:

1) Малыя посылки:

содержащія 1½ (полтора) фунта табаку ИЛИ 500 папиросъ и

2) Большія посылки:

содержащія 4 фунта табаку ИЛИ 1000 папиросъ.

Желающіе имѣть большее количество табаку или папиросъ, получатъ одновременно двѣ или больше посылокъ; напр.: выписывающіе 3 фун. табаку, получатъ ДВѢ посылки малыхъ; выписывающіе 1500 папиросъ получатъ ОДНУ малую (съ 500) и ОДНУ большую (съ 1000); выписывающіе 5½ фун. табаку получатъ ОДНУ малую посылку (съ 1½ ф.) и ОДНУ большую (съ 4 ф.).

Изъ приведеннаго слѣдуетъ, что выписывать 2 ф. табаку неудобно, потому что это болѣе, чѣмъ малая посылка и менѣе, чѣмъ большая посылка.

Примѣчаніе 1. **Адресъ для заказовъ: Товарищество Лафермъ. С.-Петербургъ.**

Примѣчаніе 2. Въ магазинахъ **Экономическаго общества** гг. офицеровъ гвардейскаго корпуса имѣются: какъ общіе. такъ и спеціально для Общества выработанные сорта табаку, сигаръ и папиросъ.

Т-во ЛАФЕРМЪ.

Въ течение 1901 года

будетъ готовиться для печати

СБОРНИКЪ

подъ тѣмъ-же названіемъ, какъ и настоящее изданіе — «**НАШИ ОФИЦЕРЫ**», въ которомъ помимо разсказовъ и очерковъ изъ офицерской жизни, будутъ помѣщены статьи:

I) Изъ прошлаго родного училища,

2) Первые годы Александровской Военно-Юридической Академіи и

3) Назидательные процессы.

Предполагаемый для изданія трудъ хотя и будетъ носить съ настоящей книгой **общее названіе**, но явится **независимой** отъ нея **по содержанію** своему **работой.**

Императорское Российское Общество Садоводства

ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ

за труды по плодоводству

Садовладѣльческой фирмѣ

„ДЭРБИ"

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:

Казанская, 10, С.-Петербургъ.

„ДЭРБИ"

ПРЕКРАСНЫЯ СТОЛОВЫЯ ВИНА

ЛЮБИТЕЛЯМЪ ОСОБЕННО РЕКОМЕНДУЮТСЯ

 МУСКАТНЫЯ ВИНА и ИЗАБЕЛЛА

соб. сада Зюмбиль, извѣстнаго въ Крыму своими мускатными сортами и Изабеллой.

Садовладѣльческая фирма «ДЭРБИ» проситъ обратить особое вниманіе на то обстоятельство, что потребитель, пріобрѣтая вина фирмы «ДЭРБИ» получаетъ продуктъ непосредственно изъ первыхъ рукъ, т. е. отъ самого производителя, помимо всякихъ посредниковъ, что представляетъ значительную гарантію какъ доброкачественности, такъ и сравнительной дешевизны пріобрѣтаемаго вина, не говоря уже о томъ, что фирма «ДЭРБИ» разъ навсегда заявила, что она принимаетъ на себя полное ручательство за БЕЗУСЛОВНУЮ натуральность своихъ винъ.

Продукты фирмы удостоены въ 1899 году высшихъ наградъ: БОЛЬШОЙ ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, ПОЧЕТНАГО ДИПЛОМА на Междунар. выставкѣ садовод. 1899 г. въ СПБ.

Бочками 40—50 вед., вино можетъ быть отправлено торговцамъ прямо изъ садовыхъ подваловъ въ Крыму. Заказы иногороднихъ исполняются немедленно.

По поводу открытія на Невскомъ пр. въ д. № 59, новаго погреба фирмы «ДЭРБИ» въ «Петербургскомъ Листкѣ» въ № 353 за 1898 годъ помѣщена слѣдующая статья:

Новые горизонты русскаго винодѣлія. На-дняхъ въ сферѣ русскаго винодѣлія случилось два небольшихъ, но знаменательныхъ событія. Первое произошло безъ помпы и имѣло мѣсто на Пескахъ. Въ магазинъ виноторговца-фабриканта явились санитары, взяли нѣсколько бутылокъ вина различнаго сорта и отправили въ городскую аналитическую станцію. Результатъ получился довольно неожиданный: всѣ вина оказались не только не годными для употребленія, но даже вредными для здоровья. Финалъ—дѣло у мирового судьи и три недѣли ареста.

Другое событіе вызвало среди винодѣловъ оживленные толки. На Невскомъ проспектѣ открылся магазинъ новѣ[illegible] садовладѣльческой фирмы «ДЭРБИ», по этому случаю въ помѣщеніи магазина былъ отслуженъ молебенъ. Фактъ, самъ по себѣ, довольно незначительный. мало-ли открывается въ Петербургѣ магазиновъ, торгующихъ виноградными винами? Но открытіе, о которомъ мы говоримъ, произошло при исключительныхъ обстоятельствахъ.

Въ помѣщеніи магазина собрались всѣ члены Императорскаго Общества плодоводства, во главѣ съ своимъ вице-предсѣдателемъ, были почти въ полномъ составѣ члены СПБ. городскаго попечительства о народной трезвости и, наконецъ, Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ была прислана представителю фирмы привѣтственная телеграмма съ пожеланіемъ дальнѣйшаго процвѣтанія.

Разгадку этого небывалаго факта мы находимъ въ рѣчахъ, произнесенныхъ на открытіи.

Въ нихъ во первыхъ, констатировался упадокъ русскаго винодѣлія вообще. Фальсификація и желаніе на грошъ заработать пятакъ гнетутъ и губятъ русское винодѣліе, несмотря на то, что винодѣлію въ Россіи могла-бы предстоять блестящая будущность. Для этого у насъ имѣются всѣ данныя.

Во-вторыхъ, указывалось на то, что Петербургъ служитъ главнымъ разсадникомъ фальсификацій, гдѣ приготовляются тѣ знаменитые портвейны, го-тотерны и три-мадеры, отъ употребленія которыхъ такъ страждетъ благополучный Россіянинъ. Въ Петербургскихъ винахъ есть все, кромѣ вина.

А въ третьихъ, единодушно поощрялась въ данномъ случаѣ смѣлая и рискованная попытка открыть продажу въ столицѣ винъ натуральныхъ, безъ всякой примѣси, и полезныхъ для здоровья. Извѣстно всѣмъ, что фальсификатъ стоитъ значительно дешевле настоящаго продукта. Поэтому конкуренція съ фальсификаціей всегда была очень трудна и, пожалуй, даже немыслима. И вдругъ находится человѣкъ, который смѣло бросаетъ въ лицо фальсификаціи перчатку и вызываетъ ее на смертный бой.

Судя по блестящему ходу дѣлъ, громадному обороту и значительной распространенности фирмы, можно смѣло предсказать, что побѣда будетъ на ея сторонѣ.

Такимъ образомъ передъ русскимъ винодѣломъ раскрываются новые горизонты и дай только Богъ, чтобы русскіе винодѣлы послѣдовали примѣру своего собрата.

МАГАЗИНЫ:

Невскій, 59. | Загородный, 26.

Издающаяся въ С.-Петербургѣ нѣмецкая газета St. Petersburger Herold въ № 279, отъ 7 Октября 1900 г., пишетъ слѣдующее:

Посѣщеніе особой Коммиссіей Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ подваловъ фирмы «Дэрби» побудило и насъ посѣтить обширные подвалы этой, столь популярной въ послѣднее время, садовладѣльческой и винодѣльческой фирмы. Тѣмъ какъ разъ въ это время, происходило прессованіе яблокъ и грушъ. Мы были удивлены встрѣтить въ Россіи производство сидра самыми усовершенствованными машинами, употребляемыми нынѣ въ Америкѣ. Сперва яблоки и груши попадали въ мельницу, обслуживаемую пятью рабочими, приготовляющую матеріалъ для двухъ большихъ, двигающихся на рельсахъ, двойныхъ прессовъ. Всѣ машины такъ устроены, что ни одна желѣзная часть не приходитъ въ соприкосновеніе съ сокомъ. Не менѣе мы были поражены громадными запасами яблокъ и грушъ, а также нѣсколькими десятками гигантскихъ 500-ведерныхъ бочекъ. Вслѣдствіе крайне незначительнаго еще потребленія въ Россіи сидра, мы выразили свое удивленіе найти такое громадное производство сидра въ С.-Петербургѣ. На это директоръ завода (инженеръ-агрономъ изъ Швейцаріи) пояснилъ, что число потребителей сидра въ Россіи изо дня въ день все растетъ. Не мало этому содѣйствуютъ, по словамъ директора, врачи, рекомендующіе въ послѣднее время пиво замѣнить сидромъ. Сидръ-Дэрби тѣмъ отличается, что онъ не газируется искусственно, но приготовляется какъ натуральное шампанское, путемъ систематическаго крученія и дегоржированія. Директоръ насъ повелъ въ складъ, гдѣ бутылки безконечными рядами стояли другъ на другѣ внизъ пробкой, ждали своей очереди крученія и дегоржировки. На нашъ вопросъ, не было-бы проще и цѣлесообразнѣе превращать сидръ въ шипучій путемъ насыщенія его газомъ искусственно, чѣмъ можно было бы значительно удешевить его цѣну и приблизить къ цѣнѣ пива,—директоръ, замахавъ руками, съ улыбкой сказалъ: «да, это правда, но учредитель этого предпріятія Г. Субаши, какъ любитель и піонеръ здороваго производства въ Россіи, ничего и слышать не хочетъ о коммерческой сторонѣ этого дѣла». Мы уже приготовлялись было проститься и поблагодарить за крайне любезный пріемъ, когда были приглашены осмотрѣть отдѣленіе виноградныхъ винъ. Здѣсь мы опять были поражены видомъ множества гигантскихъ бочекъ-бутовъ, полныхъ драгоцѣнной жидкостью разныхъ виноградныхъ сортовъ изъ Крыма, гдѣ учредитель фирмы «Дэрби» Г. Субаши, будучи любителемъ и большимъ знатокомъ винодѣлія, обладаетъ громадными виноградниками. За свои труды и продукты по винодѣлію Г. Субаши награжденъ большой золотой медалью отъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Его же Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій во всѣхъ учрежденіяхъ Попечительства о народной трезвости допустилъ только виноградныя вина фирмы «Дэрби».

Б. Морская, 12. | Казанская, 10.

Въ годовомъ отчетѣ за 1898 годъ «Пет. Лист.» 1 Января 1899 г. въ статьѣ подъ заглавіемъ «Народная трезвость» пишетъ: Въ дѣлѣ народной трезвости минувшій годъ ознаменовался крупнымъ событіемъ: въ этомъ году СПБ. губернія была включена въ районъ дѣйствія казенной продажи питей.

СПБ. Гор. Попечительство о нар. трезв. не мало приложило старанія въ искорененію народнаго пьянства. Въ 1898 году были устраиваемы народныя гулянья въ Таврическомъ саду, въ Полюстровѣ, въ Екатерингофскомъ саду, въ Петровскомъ паркѣ и Михайловскомъ манежѣ. На всѣхъ этихъ гуляньяхъ не только была воспрещена продажа водки, но даже проносъ ея въ мѣста для гуляній преслѣдовался. Тѣмъ не менѣе, на всѣхъ гуляньяхъ была допущена продажа виноградныхъ винъ фирмы «ДЭРБИ», въ хорошемъ качествѣ и натуральности которыхъ мы убѣдились. Народъ охотно пилъ виноградное вино и почти не жалѣлъ объ отсутствіи водки.

ПЕРВЫЙ ВЪ РОССІИ СПЕЦІАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ
УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫХЪ
ГРАММОФОНОВЪ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ОПТИКА и МЕХАНИКА
А. БУРХАРДЪ.
СПБ., Невскій пр. № 6; (прот. Мал. Морской).
Подробный каталогъ высылаю безплатно.
Телефонъ № 2[illegible]3.
Адресъ для телеграммъ: ГРАММОФОНЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

ПАРИЖЪ
1900 г.
ЗОЛОТАЯ
МЕДАЛЬ.

Н. НОВГОРОДЪ
1896 г.
ЗОЛОТАЯ
МЕДАЛЬ.

ТОВАРИЩЕСТВО ТАБАЧНОЙ ФАБРИКИ
САATЧИ и МАНГУБИ
Поставщ. Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Поставщ. двора Его Королевск. Высоч. Кронпринца Швеціи и Норвегіи

рекомендуетъ

Табаки:		Папиросы:	
Отборный отъ 1—28 к. до 8 р. (за 1 ф.)		Пальма 10 шт. 10 к.	Жемчужныя 10 шт. 6 к.
Дюбекъ » 2—20 » » 8 » (за 1 ф.)		Чардашъ 10 » 10 »	Бабочка 10 » 6 »
Султанскій » 1 р. » 12 » (за 1 ф.)		Маскотъ 10 » 6 »	Голубка 10 » 5 »

получать можно вездѣ.

Собств. магаз. С.-Петербургъ, Невскій проспектъ № 19 и № 56.

ВОЕННЫЙ ПОРТНОЙ
Л. Х. БРУНСТЪ.
Фирма сущ. съ 1843 г.

Литейный пр., № 45, прот. Бассейной.
Въ С-Петербургѣ.

ПОСТАВЩИКИ ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА.
ВАЛЬТЕРЪ и КОХЪ.
СѢДЕЛЬНАЯ ФАБРИКА
основанная въ 1786 г.
С.-Петербургъ, Малая Морская, № 4.

Печатать разрѣшается 12 Декабря 1900 г., 2-го участка Спасской части, Приставъ *Хоменко*.

УКАЗАТЕЛЬ

фирмъ, большинство которыхъ дѣлаетъ скидку Гг. офицерамъ и офицерскимъ собраніямъ или дпопускаетъ черезъ Гг. казначеевъ разсрочку платежа.

Печ раз. 7 Декабря 1900 г. и. д. Пристава 1 уч. Рож. ч.

Тип. Калашн. просп. 11—13.

